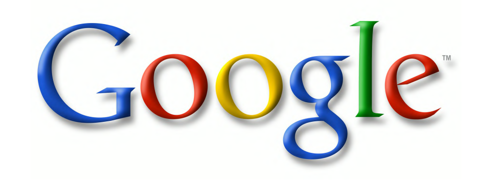
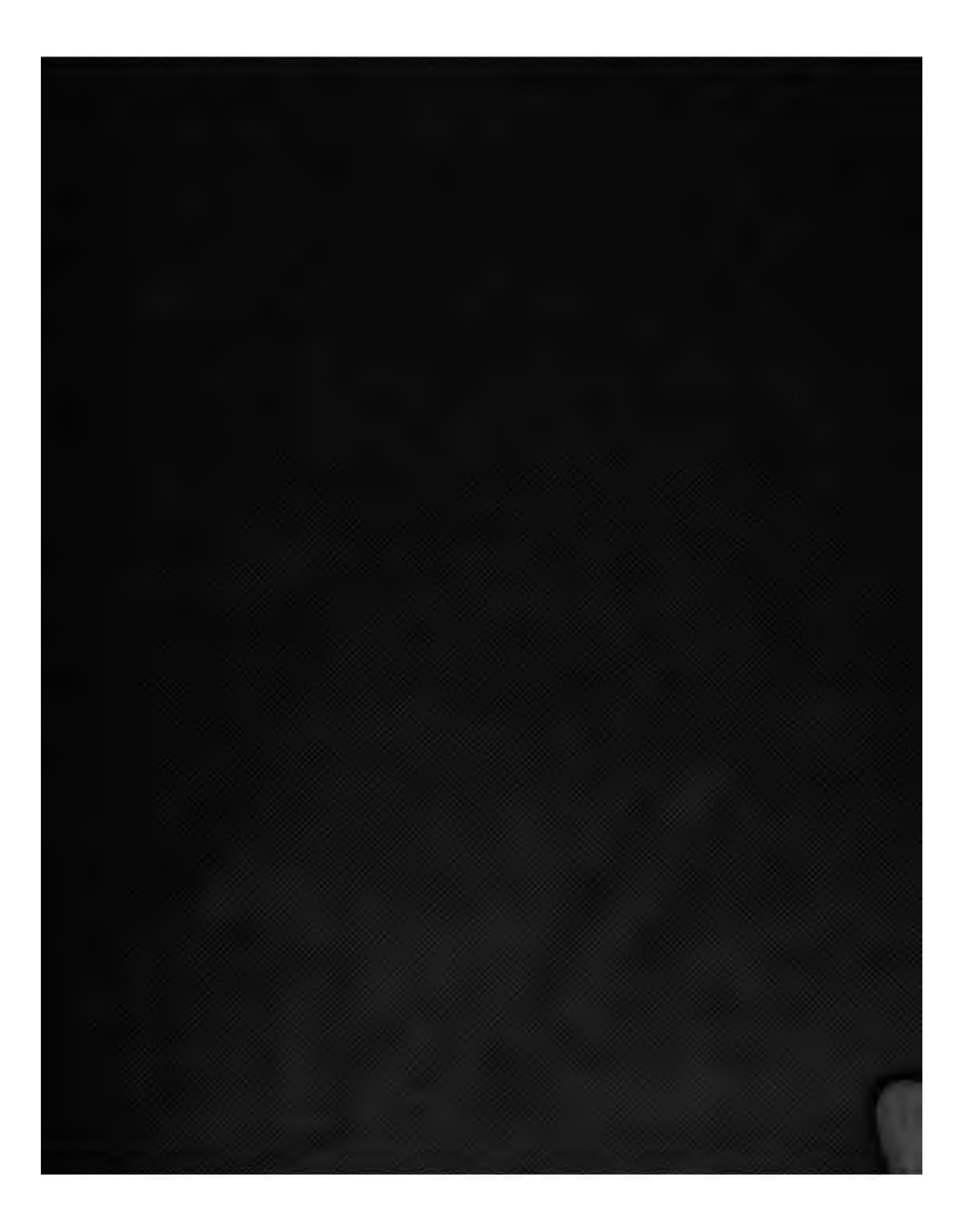

GRAD
CJ
1289
.R9
K96
1860
BUHR
B 769,194

Kunik, A

О РУССКО-ВИЗАНТІЙСКИХЪ МОНЕТАХЪ

ЯРОСЛАВА I ВЛАДИМІРОВИЧА,

съ изображеніемъ

СВ. ГЕОРГІЯ ПОБѢДОНОСЦА.

ИСТОРИКО-НУМИЗМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. Куника,

Члена Императорской Академіи Наукъ, Хранителя русскихъ монетъ при Императорскомъ Эрмитажѣ и Члена Археографической Коммиссіи при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

(съ 4 таблицами рисунковъ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1860.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. Глазунова. **Эггерса и Комп.**

Цѣна 1 рубл. 75 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

СПб. 9 марта 1860 г.

К. Веселовскій,
Непремѣнный Секретарь.

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Г. Кёне, бывшій съ 1845 по 1850 годъ хранителемъ при минцъ-кабинетѣ I-го Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, осенью 1858 г. привезъ изъ Стокгольма рисунокъ монеты, найденной имъ въ тамошнемъ Королевскомъ минцъ-кабинетѣ, которую онъ, приписывая великому князю **Олегу** (879—882), объявилъ *древнѣйшимъ* памятникомъ изъ всѣхъ русскихъ древностей. Этотъ рисунокъ, сдѣланный имъ самимъ и выдаваемый имъ за вѣрный, онъ представилъ, съ предложеніемъ по этому предмету, въ I-е Отдѣленіе Императорскаго Эрмитажа. Начальникъ этого Отдѣленія, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ф. А. Жиль поручилъ мнѣ составить о томъ донесеніе.

При разсмотрѣніи рисунка г-на Кёне (см. ниже фотографическій снимокъ на Табл. А) самымъ очевиднымъ образомъ оказалось:

1) что на лицевой сторонѣ этой монеты изображенъ не языческій князь **Олегъ**, а св. великомученикъ **Георгій** по византійскому типу;

2) что на лицевой сторонѣ монеты стоитъ не **латинская** круговая надпись: **Oleg rex** (= князь Олегъ), а отвѣсная **греческая**: ʽO (ἅγιος) ΓΕѠΡΓΙΟ (= святой Георгій), — надпись, часто встрѣчающаяся на византійскихъ и русскихъ иконахъ, крестахъ, печатяхъ, монетахъ и пр.;

3) Что круговая надпись на оборотной сторонѣ вовсе не **латинская**, а **церковно-славянская**, а потому въ ней читается не: **Regwigw o Nrogad** (по мнѣнію г. Кёне: норманскій монетчикъ Регвигвъ въ Новгородѣ), а очень ясно: **† ꙗрославъ † ле сребро**, (Ярославле сребро, т. е. серебреникъ Ярослава-Георгія, † 1054).

4) Что эта монета (см. рисунокъ съ гальванопластической копіи, ниже на Табл. В, 1) представляетъ не **англо-**

саксонскій чеканъ, а новый и важный въ своемъ родѣ типъ для лучшей классификаціи и оцѣнки всѣхъ **русско-византійскихъ** монетъ.

На это донесеніе, вовсе чуждое полемики, г. Кёне въ іюнѣ 1859 года подалъ новую записку, въ которой онъ выразилъ свое удивленіе тому, какъ можно такую ясную латинскую надпись приписывать великому князю Ярославу, и при этомъ позволилъ себѣ слѣдующій отзывъ:

«Я уже писалъ для напечатанія въ Запискахъ Одесскаго «Общества Древностей Россійскихъ и въ Германскомъ Жур«налѣ для Нумизматики статью о монетѣ Олега; эта статья «будетъ поднесена на судъ всѣхъ знатоковъ, между кото«рыми, къ несчастію, не могу помѣстить гг. Чиновниковъ «I Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, такъ какъ никто «изъ нихъ до сихъ поръ не издалъ въ свѣтъ никакого со«чиненія по Нумизматикѣ».

Въ слѣдствіе такого и подобныхъ отзывовъ г. начальникъ I Отдѣленія Эрмитажа вынужденнымъ нашелся вызвать сочинителя предлагаемаго разсужденія на защиту своего мнѣнія въ

печати. Между тѣмъ г. Кёне издалъ статью объ этомъ предметѣ въ ноябрѣ 1859 г. (см. русскій перев. ея ниже на стр. 52—56). Нынѣшнему хранителю русскаго минцъ-кабинета при Императорскомъ Эрмитажѣ должностныя занятія дозволили заняться изданіемъ своего труда лишь съ начала нынѣшняго года.

Былъ ли въ правѣ г. Кёне такъ рѣшительно отозваться о лицахъ, завѣдывающихъ минцъ-кабинетомъ Императорскаго Эрмитажа, пусть судятъ читатели по предлагаемому разсужденію и по другимъ сочиненіямъ, указаннымъ ниже (стр. 164).

Къ счастію, не только въ С. Петербургѣ, но и въ другихъ городахъ Имперіи, есть довольно знатоковъ древностей, которые вполнѣ способны быть строгими и вмѣстѣ справедливыми судьями въ этомъ дѣлѣ между г. Кёне и авторомъ, который и вызываетъ на то читателей (на 56 и 166 страницахъ предлежащаго разсужденія). Этимъ-то судьямъ, а не г. Кёне, и не автору, принадлежитъ право рѣшить, кто во всемъ этомъ дѣлѣ правъ и кто виноватъ.

I. Историческое Введеніе.

Больше полустолѣтія продолжается споръ о томъ, были ль въ Россіи до нашествія Татаръ металлическія деньги и въ-частности была ль чеканена монета, или до этого дошли только въ XIV вѣкѣ, когда владычество Татаръ стояло уже на высшей своей степени? Дѣйствительно, историкамъ и нумизматамъ прежняго времени вопросъ этотъ нелегко было рѣшить, когда древности разсматривались порознь и составляли только предметъ ученаго любопытства. Успѣхи науки и у насъ, какъ въ другихъ странахъ Европы, измѣнили это положеніе: теперь древности признаются и служатъ источниками не только для исторіи международныхъ сношеній, но, еще ближе, разсматриваются въ связи съ исторіей всей образованности народовъ. Благодаря этому расширенію взгляда, и столько-же счастливому *случаю* — именно находкѣ нѣжинскаго клада въ 1852 году —, спеціалисты стали тверже въ своемъ убѣжденіи, что монета въ Россіи чеканилась еще до Татаръ. Между тѣми изъ нихъ, которые строже вдумывались въ этотъ вопросъ, донынѣ

господствуетъ еще разногласіе о томъ, *какими изъ соименныхъ князей, по какимъ образцамъ и часто ли и для какой цѣли чеканилась монета?* Весьма естественно требовать чтобы наука прекратила и это недоумѣніе, тѣмъ болѣе что простымъ любителямъ отечественныхъ древностей трудно не растеряться среди множества разнорѣчивыхъ взглядовъ, не говоря уже о томъ, что появленіе поддѣльныхъ монетъ вводитъ ихъ въ сомнѣнія на счетъ древности и подлинныхъ экземпляровъ. Настоящее разсужденіе, по своей цѣли, не можетъ имѣть своей задачей — убѣдить склонныхъ къ скептицизму или не близко знакомыхъ съ современнымъ состояніемъ историческаго изслѣдованія, что признавать существованіе металлическихъ денегъ и именно монеты русскаго чекана очень естественно и безъ всякаго противорѣчія согласно съ дошедшими до насъ памятниками русской старины. Здѣсь лишь совершенно кратко могутъ быть указаны немногія данныя, служащія опорой для этого взгляда.

Извѣстно, что большая часть европейскихъ народовъ, равно и нѣкоторые азіатскіе, лишь тогда достаточно были подготовлены къ мысли обзавестись монетой собственнаго чекана, когда христіанская, либо магометанская религія не только возведена была въ государственную религію, но потомъ мало по малу утвердилась въ народѣ. Положеніе древней

Руси было въ этомъ отношеніи гораздо благопріятнѣе чѣмъ многихъ другихъ народовъ. Къ этому способствовали три современныхъ обстоятельства.

1) *Основаніе Россійскаго государства* около 860 года, отъ чего въ странахъ отъ балтійскаго моря до устья Днѣпра въ короткое время возникло живое торговое сообщеніе, распространявшееся на югъ, востокъ и сѣверозападъ и въ-слѣдствіе чего здѣсь болѣе и болѣе получала извѣстность византійская вѣсовая и монетная система еще до Владиміра Великаго.

2) *Возведеніе христіанства въ государственную религію въ Болгаріи въ 861 году* и въ связи съ тѣмъ *изобрѣтеніе славянскаго письма въ 862 г. или около того для болгарскихъ Славянъ*, въ слѣдствіе чего они стали способны быть посредниками между Византіей и своими восточными единоплеменниками, когда у нихъ — по меньшей мѣрѣ уже съ начала X вѣка — становилась все ощутительнѣе надобность письма для мірскихъ цѣлей и потомъ для духовныхъ.

3) *Первое введеніе христіанства въ Кіевѣ въ 865 году*, чѣмъ насаждены были первыя сѣмена высшаго образованія, облегчены сношенія съ Византіей и заимствованіе техническихъ познаній, за долго прежде до возведенія христіанства въ государственную религію.

Покуда страны между финскимъ заливомъ и нижнимъ Днѣпромъ не были соединены государственнымъ единствомъ, до тѣхъ поръ и внутреннія сношенія не могли быть очень живы. Слѣдствіемъ призванія Норманновъ было то, что разрозненность славянскихъ общинныхъ союзовъ и съ нею вражда между отдѣльными племенами прекратилась. Хотя нѣкоторыя упорныя племена принуждены были присоединиться къ юному государству силою оружія, однако на Руси никогда не доходило до такой общественной разницы между Норманнами и Славянами, какая напримѣръ долго была на западѣ между завоевателями Франками и покоренными Галло-Романами. Уже само призваніе, основанное на взаимномъ согласіи, нисколько не располагало къ тому, а потомъ брачные союзы съ Славянками пріѣзжавшихъ неженатыхъ Норманновъ, общіе походы по рѣкамъ и по морямъ и окончательно сила христіанства предъ и за 988 годомъ ускоряли сліяніе обоихъ племенъ и укрѣпляли юное государство. Вмѣстѣ съ тѣмъ могли сильно развиваться и внѣшнія сношенія и притомъ въ формѣ дѣятельной, предпріимчивой торговли. Проложить къ тому путь, какъ нельзя лучше способны были именно Норманны, какъ моряки по преимуществу. Для нихъ недостатокъ проѣзжихъ дорогъ по первобытнымъ лѣсамъ и болотамъ не составлялъ препятствія. Дорогами имъ служили рѣки и «волоки», по которымъ они перетаскивали свои

ладьи съ одной рѣки на другую, чтобы достигнуть балтійскаго, чернаго или каспійскаго моря. Освобожденіе Кіева отъ власти хазаро-тюркскихъ хагановъ около 862 году Аскольдомъ и перенесеніе великокняжеской столицы Олега въ Кіевъ могло только усилить уже существовавшія тогда сношенія Кіева съ Византіей. Даже всѣ морскіе походы Русскихъ на Константинополь: 865, 907 и 941 года, какъ они ни были мало удачны, имѣли слѣдствіемъ то, что облегчали для будущаго связи посредствомъ договоровъ. Уже въ первой половинѣ X вѣка русскіе морскіе экипажи являются на службѣ у византійскихъ императоровъ, которые принимали въ свою лейбгвардію и русскія крещеныя дружины: такъ было по крайней мѣрѣ уже при Игорѣ. Многіе изъ среды этихъ дружинъ возвращались домой съ богатымъ денежнымъ вознагражденіемъ и безъ сомнѣнія съ привычками цивилизованной жизни. Мы знаемъ далѣе, что въ половинѣ X вѣка изъ Кіева *каждую* весну отправлялся внизъ по Днѣпру большой торговый караванъ, преимущественно въ Константинополь, а отчасти и въ херсонскій (нынѣ севастопольскій) заливъ. Вывозъ изъ Россіи составляли разныя произведенія, въ особенности же дорогіе мѣха. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе торговцы часто встрѣчаются въ тѣ времена на Волгѣ, въ странѣ тюркскихъ Болгаръ, служившей сборнымъ мѣстомъ для азіатской торговли, и въ хазарской столицѣ при

устьѣ Волги. Такъ какъ общенародныхъ потребностей въ самой Россіи было мало, то между ввозомъ и вывозомъ не могло быть ощутительной несоразмѣрности. Напротивъ, эта обширная торговля накопляла богатства въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, особенно у жителей столицы Кіева, какъ открывается между прочимъ изъ свидѣтельства иностранныхъ очевидцевъ XI вѣка: ихъ особенно поражала масса золота, серебра и драгоцѣнныхъ тканей, которыми владѣлъ великій князь Ярославъ Владиміровичъ и потомъ его сыновья.

Такую дѣятельную торговлю съ югомъ, востокомъ и сѣверомъ Европы и съ разными азіатскими народами невозможно было вести посредствомъ одного обмѣна. Правда, долго вертѣлись на мысли, что звѣриныя шкуры и нарѣзанныя части ихъ, какъ-то куньи, бѣличьи и т. д., а также и кожаныя деньги служили въ древней Руси знаками цѣнности и замѣняли металлическія деньги. Но кожаныя деньги по высшей мѣрѣ годились только для мелочныхъ покупокъ, а звѣриныя шкуры или ихъ части никакъ не могли служить достаточнымъ средствомъ для оптовой торговли даже такой, какая была раньше XI столѣтія. Въ подтвержденіе этихъ соображеній многія мѣста въ лѣтописяхъ и грамотахъ рѣшительно доказываютъ, что старинныя названія: *скотъ, куны*, (а не куна и кунипа = guna), давно получили значеніе *денегъ* вообще, такъ что выраженія: *куно-*

любіе употреблялось въ значеніи сребролюбія, *скотница* — казнохранилище, какъ у Римлянъ и другихъ народовъ названіе денегъ произошло отъ имени скота. Правда, въ Россіи съ IX до XII вѣка было еще иное, металлическое средство для обмѣна и притомъ въ огромномъ количествѣ, именно: иностранныя деньги, особенно мугаммеданскія, меньше — византійскаго, англосаксонскаго и нѣмецкаго чекана. Извѣстно, что клады такого рода отъ времени до времени находятся постоянно, и притомъ въ большомъ количествѣ, по берегамъ балтійскаго моря, а внутри Россіи особенно близь рѣкъ, и мугаммеданскія монеты оказываются битыми по большой части раньше начала XI вѣка. Но монеты столь разной величины, разныхъ пробъ, разнаго происхожденія, съ непонятными надписями, могли только изрѣдка и то по одиначкѣ служить мѣриломъ цѣнности, а въ большихъ массахъ могли быть средствомъ для разсчета только *на вѣсъ*. А взвѣшиваніе денежныхъ массъ требуетъ хотя не прямо очень развитой, все-же однако достаточно опредѣленной системы вѣса. Что такая система очень рано была извѣстна и употреблялась на Руси, въ томъ не можетъ уже быть сомнѣнія. Скажемъ кратко: въ Кіевѣ скоро принята была византійская система, и именно счетъ византійскими фунтами или литрами (λίτρα — греческая форма латинскаго libra = la livre): это выраженіе встрѣчается уже въ договорѣ

Олега съ византійскими Императорами въ 907 году, и послѣ. Византійская литра, донынѣ удержавшаяся въ Венеціи въ качествѣ торговаго вѣса подъ именемъ libbra sottile (легкій или малый фунтъ, въ противоположность большему фунту = libbra grossa), содержала въ себѣ только 72 золотника, стало быть, около ³/₄ нашего нынѣшняго фунта, и въ Византіи изъ нея чеканилось именно 72 золотыя монеты, изъ которыхъ каждая вѣсила такимъ образомъ 1 золотникъ, иногда безъ нѣсколькихъ долей. Эти византійскія золотыя монеты въ средніе вѣка были очень распространены въ Европѣ подъ именемъ «solidus aureus (bezants d'or)» какъ позднѣе голландскіе червонцы. Въ договорѣ Игоря, 945 г., они называются уже; съ греческаго χρύσινος, церковно-славянскимъ *златникъ* и русскимъ *золотникъ*, изъ котораго произошло названіе золотника въ значеніи частицы вѣса.

Хотя византійское названіе фунта — литра — долго держалось въ письменномъ русскомъ языкѣ, при всемъ томъ было употребительнѣе народное выраженіе — *гривна*. Это слово, представляющее старинную форму прилагательнаго, одинаково принадлежитъ разнымъ славянскимъ племенамъ и состоитъ въ связи съ подобными словами въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ. По законамъ славянскаго словообразованія **гривьна** производится (подобно слову укр*айна* отъ край) отъ слова *грива*,

котораго первобытное значеніе однако не сохранилось въ славянскихъ языкахъ; но оно встрѣчается въ санскритскомъ — въ значеніи *затылка* и *шеи*. Въ славянскихъ языкахъ *гривна* (= что на шеѣ) въ теченіе времени получила очень различныя значенія, русская же *гривна* совершенно естественно приводится къ тремъ главнымъ значеніямъ, которыя ясно опредѣляются ея названіями: *шейною, вѣсовою* и *денежной*.

1) *Гривна шейная*. Золотыя и серебряныя шейныя кольца были въ употребленіи у разныхъ народовъ древности и среднихъ временъ. Въ до-татарскій періодъ русской исторіи былъ обычай у князей, княгинъ и княженъ носить на шеѣ золотыя кольца. Кромѣ того такія кольца дарились русскими князьями ихъ воинамъ, какъ украшеніе и, въ видѣ денежной награды. Извѣстно, что въ народныхъ сказкахъ долго сохранялось преданіе объ Александрѣ Поповичѣ «съ золотою гривною». Въ Скандинавіи, гдѣ такія украшенія находятъ въ землѣ чаще, были гривны съ руническими надписями, портретами и другими изображеніями. Такія-же кольца, болѣе или менѣе красивой работы, иногда съ вытисненными на нихъ значками, дѣлались изъ золота и серебра также для рукъ: такіе «обручи» упоминаются и въ договорѣ Игоря и его дружинниковъ 945 года: надъ ними они произносили, по языческому обычаю, свою клятву. Находимыя въ разныхъ странахъ шейныя и ручныя

кольца все болѣе и болѣе удостовѣряютъ, что многія изъ нихъ имѣли *опредѣленный вѣсъ* и какъ знаки цѣнности замѣняли деньги: такъ именно было на скандинавскомъ сѣверѣ, гдѣ при раздачѣ наградъ кольца были также разрубаемы, почему князья въ стихотвореніяхъ Скальдовъ называются раздробителями (baugbroti) и дѣлителями (hringtaelir) гривенъ. Въ Императорскій Эрмитажъ перешли въ 1859 г. изъ Академіи Наукъ найденныя въ Россіи золотыя и серебряныя гривны разной величиной и разной выдѣлки. Такъ какъ до насъ не дошло подробныхъ свѣдѣній о мѣстахъ и объстоятельствахъ ихъ находки, то ихъ нельзя всѣ считать древне-русскими; но между ними встрѣчается и нѣсколько разрубленныхъ серебряныхъ гривенъ.

2) *Гривна вѣсовая* произошла отъ оцѣнки шейной гривны на вѣсъ. Изъ сравнительной исторіи Славянъ можно заключать, что Норманны нашли въ Россіи гривну уже въ значеніи единицы вѣса; но потомъ, въ-слѣдствіе частыхъ сношеній съ Византіей, подъ именемъ гривны господствовалъ, какъ навѣрное можно сказать о Кіевѣ, легкій византійскій фунтъ въ 72 золотника. Въ другихъ краяхъ Россіи и большой фунтъ или гривна въ 96 золотниковъ явился также рано, по всей вѣроятности не со времени только связей Новгорода съ Ганзой.

3) Происшедшая изъ вѣсовой гривны *гривна денежная* въ смыслѣ монетной единицы испытала въ теченіе вѣковъ, какъ

и другія древне-европейскія названія монетной единицы, на пр. libra, lira, lire, livre (à coin), разныя перемѣны, и навѣрное уже до Татаръ. Здѣсь довольно указать лишь на то, что денежная гривна серебра, какъ счетная *монетная единица*, въ отношеніи къ выдѣлкѣ металла раздѣляется

на *a*) *гривну литаго серебра*

и *b*) *гривну чеканнаго серебра*.

Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ и грамотахъ встрѣчается довольно много мѣстъ, которыя показываютъ, что подъ именемъ «*гривны*», «*гривны серебра*», также «*гривны кунъ*» должно весьма часто разумѣть *гривны литаго серебра*, настоящія *ходячія* металлическія деньги, т. е. продолговатые или шестиугольные серебряные слитки, которые, бывъ находимы по временамъ, по большой части поступали въ плавильные горшки, потому что простые люди не понимаютъ ихъ особенной цѣны, такъ что даже минцъ-кабинетъ Императорскаго Эрмитажа имѣетъ далеко не всѣ виды ихъ, съ ихъ особенными знаками и буквами, по различію временъ и княженій. Гривны золотыя донынѣ у насъ еще не открыты, тогда какъ объ ихъ существованіи, хотя въ меньшемъ количествѣ, говорятъ многія мѣста въ древнихъ литературныхъ памятникахъ[1]). Бо́льшая

1) Больной волынскій князь Владиміръ Васильковичъ († 1288) «розда «убогимъ имѣніе свое все: золото и серебро, и каменіе дорогое, и поясы золотыи

часть серебряныхъ слитковъ имѣетъ видъ палочки, безъ всякаго вырѣзаннаго знака, такъ какъ цѣнность ихъ, равно и бо́льшей части иностранныхъ монетъ, привезенныхъ въ до-татарскую Русь, составлялъ ихъ *вѣсъ*. Одинъ разрядъ ихъ, такъ называемые кіевскіе шестиугольные слитки имѣютъ вѣсу отъ 36 до 38 золотниковъ и стало-быть составляютъ *половину* легкаго или *византійскаго фунта* (libbra sottile). Другой разрядъ, гораздо многочисленнѣе, условно называемый новгородскимъ, состоитъ изъ слитковъ въ 43—49 золотниковъ, стало-быть въ *полфунта* большаго вѣса (libbra grossa), и изъ отрубковъ въ 22—24 золотника, т. е. въ четверть фунта того же вѣса. Къ послѣднимъ особенно идетъ названіе *рубля* въ первоначальномъ нумизматическомъ значеніи этого слова. Слитки въ $1/2$ большаго или малаго фунта обыкновенно называются условнымъ выраженіемъ: «*гривенка*», хотя въ нѣкоторыя времена и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они могли ходить и подъ назва-

---

«отца своего и серебряные, и своѣ, иже баше по отци своемъ стяжалъ, все розда; «и блюда великаа сребрянаа, и кубькы золотые и серебряные, *самъ передъ своими «очима поби и полья* (перелилъ) *въ гривны, и мониста великая золотая бабы «своей и матери своей все полья,* и розъсла милостыню по всей земли». Эти мониста (= monile) вѣроятно составляли особый родъ шейныхъ колецъ или гривенъ. Въ концѣ каждой строфы пѣсни, сложенной, около 1040 г, норвежскимъ витяземъ Гаральдомъ для того, чтобы тронуть сердце любимой имъ Елисаветы, красивой дочери Ярослава Владиміровича и Ингегерды, повторяется фраза о русской княжнѣ, украшенной золотой гривной (gollhring).

ніемъ *гривны, гривны серебра* и *гривны кунъ* (= серебра, или вѣрнѣе денегъ, пѣнязей). Есть даже причины полагать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выливалось по 4 гривны или слитка изъ гривны или фунта серебра.

Эти-то безъ сомнѣнія, «гривенки» и «рубли», которые отливались, по приказанію князей, изъ болѣе или менѣе чистаго серебра, были въ Россіи въ теченіе вѣковъ съ древнѣйшихъ временъ и, въ высшей степени вѣроятно, съ самаго основанія государства или вскорѣ послѣ того, настоящею *ходячею* монетой, которою производились всѣ сколько-нибудь значительныя уплаты въ торговлѣ или въ житейскомъ быту, взносы въ казну и т. д. Между тѣмъ недостатокъ мелкой металлической монеты съ опредѣленнымъ знакомъ цѣнности, безъ сомнѣнія, долженъ былъ становиться все чувствительнѣе по мѣрѣ того, какъ умножалось народоселеніе и внутреннія сношенія усиливались, хотя сначала, конечно, лишь въ нѣкоторыхъ областяхъ. А какъ скоро уже были металлическія куны или деньги опредѣленнаго вѣса и цѣнности, то перейти къ чеканной монетѣ было уже не очень трудно. Желаніе должно было возникнуть, когда въ ходу было столько иностранной чеканной монеты. Нужны были, конечно, знаніе и навыкъ въ извѣстныхъ техническихъ пріемахъ; но ковачи золота и желѣза, хотя бы и не великіе мастера, были и во времена до Владиміра великаго:

они воздвигали статуи боговъ съ серебряными головами и золотыми усами, ковали короткіе мечи съ нарѣзными украшеніями. На деревѣ уже во времена Игоря, при сожженіи труповъ вырѣзывали, по норманскому обычаю, имена покойниковъ и *князя*, вѣроятно, руническими знаками, и кромѣ того о вырѣзываніи буквъ на деревѣ при Игорѣ или Святославѣ есть положительныя свидѣтельства, именно современнаго арабскаго писателя, получившаго свое извѣстіе отъ достовѣрнаго очевидца. Буквы и значки, вырѣзываемыя на деревѣ, могли быть вырѣзываемы и на свинцѣ или другомъ металлѣ. По Игоревому договору съ Греками, 945 г., мы знаемъ, что дипломатическіе агенты Игоря имѣли печати: послы — золотыя, а гости — серебряныя, и что они, отправляясь въ Византію, должны были даже запасаться чѣмъ-то въ родѣ пропускной грамоты. Къ мирному договору языческаго князя Святослава Игоревича съ византійскимъ Императоромъ, 971 года, приложены были, для скрѣпы, и печати его уполномоченныхъ[2]).

---

2) Въ Игоревомъ договорѣ Византійцы пишутъ: «А великій князь Рускій и бо-«ляре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ Гречьскимъ корабли, елико «хотять, со слы и съ гостьми, якоже имъ уставлено есть. *Ношаху сли печати «злати, а гостье сребрени*; нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашь посылати грамоту «ко царству нашему: иже посылаеми бывають отъ нихъ сли и гостье, да приносять «*грамоту* ко царству нашему: иже посылаеми бывають отъ нихъ сли и гостье, да «приносять *грамоту*, пишюче сице: *яко послахъ корабль селько* (столько). И отъ

А при Владимірѣ Святославичѣ возможность битья монеты, какъ увидимъ ниже, была достаточно подготовлена еще вліяніемъ христіанства, начиная съ 865 г.

Первый, хотя неудачный морской походъ изъ Кіева въ 865 году имѣлъ прямымъ слѣдствіемъ крещеніе части его сподвижниковъ и, по всей вѣроятности, самого ихъ начальника (ἄρχων) Аскольда, на могилѣ котораго въ послѣдствіи воздвигнута была церковь во имя святаго Николая. Утвержденіе христіанства въ Кіевѣ присланнымъ сюда, не позже 866 года, отъ патріарха Фотія епископомъ существенно было облегчено тѣмъ, что тогда переведено уже было Евангеліе съ другими церковными книгами на болгарскій языкъ, понятный и Славяно-Руссамъ, и началось между Славянами иконописаніе. Какъ св. Кирилла и Меѳодія болгарскіе миссіонеры сопровождали съ юга въ нынѣшнюю Венгрію и Моравію, такъ конечно и въ Россіи уже съ 866 года грамотные болгарскіе священники служили орудіемъ къ христіанскому просвѣщенію, какъ это видимъ позднѣе. А съ введеніемъ церковно-славянской пись-

---

«тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходать. Аще ли безъ грамоты придуть и «преданы будуть намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему...».

Въ концѣ Святославова договора, заключеннаго уполномоченными отъ имени великаго князя близъ Силистріи, мы читаемъ:

«Се же имѣйте во истину, якоже створихомъ нынѣ къ вамъ, написахомъ на «харатьи сей *и своими печатьми запечатахомъ*».

менности, иконописанія и всего того, что нужно для сооруженія и украшенія храмовъ, неминуемо должны были проникнуть въ Россію и начала византійскихъ художествъ, которыя прокладывали путь для дальнѣйшей образованности. Хотя юный кіевскій разсадникъ христіанства или, говоря тогдашнимъ оффиціальнымъ византійскимъ языкомъ, «русская епископія» должна была испытать чувствительный ударъ, когда язычникъ Олегъ въ 882 г. перенесъ свою столицу изъ Новгорода въ Кіевъ, но это было, судя по всѣмъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ о духѣ ново-пріѣзжихъ Норманновъ и вообще Славяно-Руссовъ, безъ сомнѣнія, лишь на короткое время. Достовѣрно извѣстно, что съ X вѣка связь Руси съ Византіей стала еще тѣснѣе: чаще являлись русскіе моряки съ своими судами на службѣ у византійскихъ Императоровъ, а русскіе купцы проживали въ Константинополѣ довольно долго и по обычаю среднихъ вѣковъ были употребляемы въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ. Какъ христіанство въ тишинѣ укоренялось такимъ образомъ все болѣе и болѣе и какъ вмѣстѣ съ нимъ водворялись смягченные нравы и потребности цивилизованной жизни, вдругъ узнаёмъ мы изъ мирнаго и торговаго договора Игоря съ Греками 945 года, который служитъ вмѣстѣ поразительнымъ доказательствомъ религіозной терпимости рюрикова сына: онъ съ своею языческою дружиной въ Кіевѣ утвердилъ договоръ клятвой по языческому

обычаю, а крещеные изъ его сподвижниковъ пошли въ *соборную* церковь святаго Иліи, и такихъ крещеныхъ, по прямому выраженію лѣтописца[3]), было «*много*». Въ подтвержденіе того другое извѣстіе говоритъ, что въ слѣдующемъ (946) году, при торжественномъ пріемѣ арабскихъ пословъ византійскимъ дворомъ въ Константинополѣ, въ числѣ царскихъ морскихъ дружинъ, особенно во дворцѣ выступили и крещеные Руссы съ своими знаменами (οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς μετὰ φλαμούλων....). Значеніе соборной церкви въ Кіевѣ ясно само по себѣ, и нельзя даже сомнѣваться, что число исповѣдниковъ христіанской вѣры въ Кіевѣ, равно какъ и между русскими торговыми и военными людьми въ Константинополѣ, съ года на годъ умножалось. Такое заключеніе мы можемъ выводить еще изъ другихъ обстоятельствъ. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что *древнѣйшую* основу т. н. несторовой лѣтописи составляетъ строгохронологическій перечень походовъ кіевскихъ великихъ князей, начиная съ переселенія Олега въ Кіевъ въ 6390 году по византійскому лѣтосчисленію отъ сотворенія міра. Если въ столицѣ первыхъ *языческихъ* великихъ князей могло возникнуть уже лѣтописаніе, — а нужныя для этого Пасхаліи су-

3) «Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ «въ сборнѣй церкви и предлежащемъ честнымъ крестомъ . . . . мнози бо бѣша Варязи «хрестеяни».

ществовали въ переводѣ уже со временъ славянскихъ апостоловъ —, то естественно полагать, что въ эту эпоху первобытное варварство болѣе и болѣе уступало успѣхамъ цивилизаціи, принесенномъ съ христіанствомъ.

Сила язычества рѣшительно была подорвана, когда вдова Игоря Ольга отправилась въ 957 году, съ священникомъ Григоріемъ и многочисленной свитой изъ своихъ родственниковъ и родственницъ и вельможъ, въ Константинополь, чтобы принять тамъ крещеніе. Много лѣтъ спустя послѣ того въ Константинополѣ, въ церкви св. Софіи еще показывали «блюдо великое золотое служебное», привезенное великою княгиною Ольгой для поднесенія патріарху. «Въ блюдѣ же Ольгинѣ камень драгій; на томъ же камнѣ *написанъ* Христосъ».

По возвращеніи въ Кіевъ великой княгини Ольги, сколько она ни старалась склонить своего сына къ христіанству, Святославъ оставался языческимъ вольнодумцемъ, который, по духу своихъ предковъ, полагался больше на свою силу и на остріе своего меча, нежели на помощь боговъ; но онъ дозволялъ мужамъ своей дружины свободно принимать христіанскую вѣру. И дѣйствительно, въ числѣ бояръ, заключившихъ, въ 971 г., отъ имени Святослава договоръ съ византійскимъ царемъ и приложившихъ свои печати къ договорной грамотѣ, являются также такіе, которые «вѣровали» не въ «Перуна и Волоса», а

«въ Бога». Такъ возрастало сѣмя, въ первый разъ брошенное въ 865 году, и для великаго князя Владиміра, когда онъ, вспоминая о своей бабкѣ Ольгѣ, устоялъ противъ соблазновъ магометанства, не было уже слишкомъ смѣлымъ шагомъ — *возвести на Руси христіанство въ государственную религію*. Въ слѣдъ за тѣмъ прибылъ греческій митрополитъ, чтобы основать свой престолъ въ Кіевѣ; за нимъ слѣдовали другіе греческіе и болгарскіе духовные и мастера. Брачный союзъ Владиміра съ болгарско-византійскою княжной Анной, его знакомство съ роскошью цвѣтущаго Херсона и другіе подобные факты были многознаменательны. Теперь пошли въ ходъ всякаго рода художества, чего требовало уже одно построеніе великолѣпной десятинной церкви въ Кіевѣ. Какъ легко теперь было Владиміру попасть на мысль чеканить монету, подобно византійскимъ императорамъ, которыхъ золотыя и серебряныя монеты давно ходили въ Россіи съ опредѣленною цѣнностію! Въ металлѣ не было недостатка. Держаться ли строго византійскаго вѣса, система котораго была извѣстна Русскимъ, объ этомъ въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ новообращенныхъ странахъ, не было нужды думать, точно также какъ и заботиться объ изящной выдѣлкѣ чекана. Могло быть, что сами Византійцы, или поселившіеся въ Кіевѣ іерархи подали Владиміру мысль чеканить свою монету, и одинъ родъ медалей —

именно особый видъ изъ такъ называемыхъ черниговскихъ медалей съ греческою и церковно-славянскою надписью —, по видимому дѣйствительно указываетъ своимъ содержаніемъ и символами на истребленіе язычества «рабомъ» Божіимъ «Василіемъ»-Владиміромъ.

И почему Россія, послѣ того какъ въ ней постепенно пробуждено и воспитано было расположеніе къ высшему образованію, почему она одна оставалась бы неспособною завести послѣ 988 года свой монетной чеканъ? Если взвѣсимъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, меньше ли она была къ тому подготовлена, чѣмъ Польша, Швеція и даже волжская Болгарія въ X столѣтіи? Ужъ никакъ не меньше, скажетъ всякій знакомый съ исторіей образованія тѣхъ странъ. Второму христіанскому королю въ Польшѣ, Болеславу храброму († 1025), завоевателю Кіева, не очень затрудняются приписывать нѣсколько монетъ грубой работы, и даже одну монету съ церковно-славянской надписью на обоихъ сторонахъ. Шведскія монеты начинаются съ Олафа Скэтконунга (980—1018), тестя Ярослава Владимировича. И почему христіанская Русь, при своей тѣсной связи съ Константинополемъ, послѣ 988 года не могла бы сдѣлать того, что дѣлали въ X вѣкѣ волжскіе Болгары? Этотъ, отчасти еще кочевой тюркскій народъ во времена Игоря былъ обращенъ въ магометанство, и

хотя ханы его жили далеко отъ образованныхъ магометанскихъ странъ, однако они уже въ X вѣкѣ били монету съ *арабской* надписью, хотя она несравненно меньше понятна была ихъ разноязычнымъ подданнымъ, чѣмъ церковно-славянскія надписи Русскимъ. Правда, въ древней Россіи меньше была чувствительна нужда въ чеканной монетѣ, чѣмъ въ другихъ странахъ но все-же серебряныхъ слитковъ въ 48, 36 и 24 золотника достаточно было только для уплатъ покрупнѣе: слитки въ 12 золотниковъ, хранящіеся въ минцъ-кабинетахъ, можетъ быть, никогда не существовали, а подделаны въ новѣйшее время. Ужели же въ Россіи до XIV вѣка не было мелкой монеты изъ какого-нибудь металла? Отрицательно отвѣчать на этотъ вопросъ, кромѣ разныхъ названій монетъ, очевидно, низкой цѣнности, не позволяютъ полновѣсныя свидѣтельства разныхъ историческихъ источниковъ; а между тѣмъ почему-же до сихъ поръ ничего подобнаго не найдено въ старинныхъ кладахъ? Ссылались въ этомъ отношеніи на Владиміровы и Ярославовы монеты, на сребренники въ нѣжинскомъ кладѣ 1852 года; но ни тѣ ни другіе, ни кожаныя деньги, безспорно, ходившія тамъ или индѣ въ продолженіе столѣтій, не рѣшаютъ достаточно этото капитальнаго вопроса въ исторіи русскаго монетнаго дѣла. Брактеаты болѣе или менѣе низшаго сорта, какіе ходили въ Польшѣ, Скандинавіи

и др. краяхъ, можно предполагать и въ древнѣйшей Руси; но въ пользу этого предположенія не говорятъ ни найденные клады, ни историческія свидѣтельства.

Конечно, въ XI вѣкѣ были страны, гдѣ обходились безъ домашней монеты, какъ напр. дунайскіе Болгары и Сербы, у которыхъ долго ходили византійскія и латинскія монеты, прежде нежели начали чеканить болгарскую и сербскую. Но положеніе и потребности южныхъ Славянъ въ многихъ отношеніяхъ были неодинаковы съ потребностями и состояніемъ древней Руси. Во всякомъ случаѣ ошибаются, когда думаютъ, что болгарскіе и сербскіе князья X и XI столѣтій имѣли больше поводовъ чеканить монету, чѣмъ Владиміръ, Ярославъ и ближайшіе ихъ преемники. Вовсе лишено историческаго основанія лѣтъ 20 назадъ пущенное въ ходъ мнѣніе, будто монеты съ именемъ Владиміра и Ярослава принадлежатъ Сербіи и Болгаріи. Рядъ князей въ этихъ странахъ теперь довольно извѣстенъ, и между ними рѣшительно нѣтъ ни одного Ярослава. Въ Болгаріи хотя съ IX вѣка процвѣтала богатая письменность, которая вошла въ Россію подъ именемъ церковно-славянской и много содѣйствовала къ утвержденію христіанскаго духа и образованію вообще; но внутреннее состояніе перваго болгарства царства было таково, что вовсе неудивительно, если въ немъ не было въ то время своей собственной монеты. Отъ

1018 до 1186 Болгарія была даже только провинціей византійской имперіи. Со вторымъ болгарскимъ царствомъ съ 1186 года начинается небольшой рядъ монетъ князей Іоанна Страшиміра, Святослава и т. д.; но эти болгарско-византійскія монеты столь-же неосновательно относить къ Россіи, какъ и на оборотъ, золотыя (см. ниже табл. С, № 7) и серебряныя (табл. С, № 6) монеты Владиміра и Ярослава (табл. В, № 1 и 2) пріурочивать къ Болгаріи. Сербія лишь много спустя послѣ Владиміра и Ярослава сдѣлалась сильнымъ государствомъ и потому всѣ извѣстныя сербскія монеты съ латинскими и славянскими надписями — а ихъ немало — происходятъ лишь изъ первой половины XIII и изъ слѣдующихъ столѣтій. Между извѣстными донынѣ болгарскими и сербскими монетами съ славянскою надписью нѣтъ ни одной, которая обнаруживала бы ближайшее сходство типа съ русско-византійскими монетами.

II. Извѣстія о кладахъ съ Ярославлимъ сребромъ и обзоръ ученыхъ мнѣній о немъ съ 1797 по 1859.

Число донынѣ найденныхъ монетъ Ярослава-Георгія Владиміровича не велико: оно ограничивается тремя серебряными монетами (или медалями?), которыя сдѣлались извѣстны въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ (именно отъ 1797—1859). Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы ихъ въ самомъ началѣ выбито было лишь нѣсколько экземпляровъ. Нѣкоторые края русской земли довольно богаты восточными и европейскими монетами, которыя зарыты были въ землю до 13-го столѣтія. Есть основательныя причины думать, что изъ множества кладовъ, найденныхъ внутри Россіи, обнародовано лишь небольшое число ихъ, и то лишь въ послѣднія десятилѣтія: наибольшая часть монетъ переходила въ плавильные горшки Евреевъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и т. д. Потому очень вѣроятно, что въ числѣ найденныхъ восточныхъ и англо-саксонскихъ монетъ, въ теченіе нашего столѣтія, встрѣчались и экземпляры

Ярославовыхъ монетъ. Можетъ быть, будущность доставитъ намъ новые ихъ экземпляры, особенно если во внутреннихъ губерніяхъ живѣе будетъ чувство уваженія къ древностямъ и охота къ ихъ сохраненію. Чувство это и теперь кое-гдѣ пробуждено; но обнаруженіямъ его на дѣлѣ мѣшаютъ разныя обстоятельства. Укажемъ здѣсь на одно изъ такихъ обстоятельствъ. Всѣ безпристрастно изучающіе причины неправильнаго развитія государственной и народной жизни въ древней Россіи живо убѣждены въ томъ, что Петръ Великій въ своихъ заботахъ о централизаціи зашелъ слишкомъ далеко. Что касается въ особенности народнаго просвѣщенія, то одинъ Петербургъ съ своими центральными учрежденіями, конечно, уже въ 18 вѣкѣ, далеко не могъ удовлетворять настоятельнымъ всенароднымъ потребностямъ и особенно пробудить жителей внутреннихъ губерній отъ дремоты и равнодушія къ дѣлу науки. Какъ вредно дѣйствовало и еще продолжаетъ дѣйствовать это равнодушіе, о томъ къ сожалѣнію довольно краснорѣчиво говоритъ между прочимъ опустѣніе цѣлыхъ собраній рукописей и архивовъ, которые до новѣйшихъ временъ отправлялись на бумажныя мельницы или расточались инымъ образомъ. Пусть многіе продолжаютъ считать древности и монеты старымъ хламомъ: народы западной Европы давно видятъ въ провинціальныхъ музеяхъ дѣйствительное средство оживлять общественный духъ,

пробуждать и поддерживать эстетическое чувство. Что выигрываетъ отъ того наука, ясно для всякаго образованнаго; а сколько она потеряла у насъ отъ равнодушія и отъ неудачныхъ мѣръ со времени Петра Великаго, тяжело и подумать.

И настоящій обзоръ монетъ Ярослава приходится начать потеряннымъ экземпляромъ.

1. Экземпляръ Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина.

Онъ найденъ былъ въ 1792 году, или около этого времени, въ Кіевѣ, по словамъ самого графа, «при копаніи рва»[4]). Первое извѣстіе объ немъ сообщено печатно въ 1797 году конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ Фёлькнеремъ. Онъ самъ видѣлъ монету; увѣрялъ, что она «съ незапамятныхъ временъ висѣла на иконѣ», приписывалъ ее уже Ярославу Владиміровичу, хотя безъ дальнѣйшихъ доказательствъ; опре-

---

4) «Вскорѣ потомъ получилъ онъ изъ Кіева древнія доселѣ неизвѣстныя мо-«неты *Ярославле сърeбро**) и полтину, съ словами: Княз. Волод., найденныя тамъ «при копаніи рва».

*) «Монета сія срисована вѣрно для сравненія находящихся на оной буквъ съ буквами надписи Тмутараканскаго камня, и напечатана ... въ письмѣ Оленина .. о Тмутар. камнѣ».

См. «Записки для біографіи Е. С. Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина», помѣщенныя въ Вѣстникѣ Европы, Ч. LXXII. М. 1813, стр. 80.

дѣлилъ ея вѣсъ въ 53 аптекарскихъ грана, но присовокупилъ къ тому ошибочныя соображенія[5]).

Около того-же времени — именно въ 1792 году — найденъ находящійся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ тмутороканскій камень съ надписью 1068 года, которая гласитъ, что князь Глѣбъ мѣрилъ по льду разстояніе отъ Тмуторокани до Керчи. Къ спасенію его содѣйствовалъ также графъ Мусинъ-Пушкинъ; онъ-же въ 1795 году открылъ въ одномъ сборникѣ Слово о плъку Игоря. Всѣ эти находки,

---

5) Auszug aus des Russisch-Kaiserlichen Collegienraths Chsti. Friedr. Völkner's in St. Petersburg ... Einleitung zu der Skizze der ersten und zweiten Epoche einer Geschichte der Russen въ Журналѣ: Allgemeiner Litterarischer Anzeiger. Leipzig 1797 in-fol., стр. 764.

«Unter andere solche Denkmähler rechne ich: ... II. Eine antike silberne Münze, welche, ausser andern Gegenständen, unwidersprechlich auch bildende Künste vor dem Tatarjoche in Russland beweist. Ich habe sie selbst in Händen gehabt, gewogen und 53 Gran Medicinal-Gewicht schwer gefunden. Ihr augenscheinlicher langer Umlauf und ihr oben eingeschlagenes Loch (sie hat in Kiew an einem Heiligen-Bilde undenkliche Zeit gehangen), lassen muthmassen, dass sie neu ein volles Drachma gewogen hat. Der Präsident der kaiserlichen Akademie der freien Künste, Alexei Iwanowitsch Mussin-Puschkin ist Eigenthümer dieser Münze, von welcher ich eine genaue Abzeichnung habe. Auf der rechten Seite steht das Brustbild in einem Kniestück Sancti Georgii, mit seines Namens *Slowäno-Russischer* Aufschrift Георги; an der rechten Seite die Lanze aufrecht stehend, und in der linken Hand einen runden Schild haltend. Auf dem Reverse steht um das Wappen die Umschrift: Ярославле сребро *Jarosslawisches Silber,* und in der äussersten Exergue die drei Buchstaben M. A. H. bedeuten монѣта одной ногатой *Münze Einer Nogate.* Der Grossfürst Jarosslaw Wladimirowitsch hat nämlich von 1016—1054 regiert».

сдѣланныя вдругъ въ одно время, возбудили сомнѣніе насчетъ ихъ подлинности, или по крайней мѣрѣ на счетъ древности. Оно было поднято первымъ критическимъ толкователемъ несторовой лѣтописи, Августомъ Шлецеромъ, который отъ природы былъ не легковѣренъ и кромѣ того настроенъ былъ къ недовѣрчивости долговременнымъ ученымъ опытомъ. Касательно монеты Ярослава онъ ограничился лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ[6]). «..Отъ недавняго времени насъ увѣдомляютъ изъ «Россіи еще обо одномъ открытіи. Найдена-дескать серебре- «ная монета, вѣсомъ около квента, съ надписью: Ярославле «сребро, — будто-бы Ярослава I († 1054)». Отъ сомнѣнія на счетъ подлинности таманской надписи Шлецеръ вскорѣ отказался: его соблазнилъ, безъ сомнѣнія, снимокъ Оленина, хотя онъ не представляетъ рѣшительнаго доказательства подлинности. Сомнѣніе Шлецерово въ древности пѣсни объ Игорѣ скоро также ослабѣло, и новое описаніе монеты Ярослава вызвало его на подробнѣйшее объясненіе.

Прежде нежели изданъ былъ рисунокъ монеты, объ ней отозвался, тогда уже опытный нумизматъ, Академикъ Кругъ, въ своемъ первомъ сочиненіи, и притомъ отчасти съ цѣлью пріостановить сомнѣніе спептическаго Шлецера: «Монета»

6) Несторъ. Russische Annalen. 2. Theil. Göttingen 1802, стр. 278; Т. I, русскаго перевода, стр. *род* и 384.

— писалъ онъ въ 1805 году[7]) — «совершенно хорошо со-«хранилась и не потерпѣла, можетъ быть, никакой, или развѣ «ужъ весьма малую утрату. Какого она Ярослава, я не знаю. «Возбуждено было сомнѣніе на счетъ ея существованія; но я «могу увѣрить, что я видѣлъ ее у графа въ Москвѣ. Суще-«ствованіе ея для меня доказано, и я не могу сомнѣваться и «въ ея подлинности. Что касается послѣдней, то я въ теченіе «нѣсколькихъ лѣтъ имѣлъ случай видѣть во многихъ собра-«ніяхъ на разныхъ мѣстахъ Россіи большое количество ста-«рыхъ и новыхъ монетъ; да и мое собственное собраніе, въ-«слѣдствіе покупокъ, обмѣна и подарковъ, стало очень зна-«чительно, такъ что мнѣ въ этомъ случаѣ, я думаю, очень «можно повѣрить». Въ заключеніи своего сочиненія Кругъ проситъ объяснить ему, дѣйствительно ли русскую монету начали чеканить только въ періодъ татарскаго владычества, какъ полагали тогда, или уже раньше, такъ какъ послѣднее мнѣніе «все-же основывается на существованіи пробнаго вѣса и одной серебряной монеты».

Вслѣдъ за сочиненіемъ Круга явилось и подробное разсужденіе Оленина о тмутороканскомъ камнѣ. Къ нему при-

7) Zur Münzkunde Russlands. St. Pet. 1805, стр. 149—153. На русскомъ подъ заглавіемъ: Критическія разысканія о древнихъ русскихъ монетахъ. Въ СПб. 1807 года, стр. 201—206.

ложенъ снимокъ монеты, рисованный и гравированный А. Ермолаевымъ[8]), который самимъ графомъ Мусиномъ-Пушкинымъ въ 1812 году признанъ былъ «вѣрнымъ». Изъ этого рисунка видно, 1) что монета не вполнѣ сохранилась и кое-гдѣ поистерлась, и что 2) на верхнемъ ея краѣ, вѣроятно, при отнятіи ушка, выломленъ кусочекъ, который впрочемъ едвали составитъ 3 или 4 грана. Объясненіе надписи, сдѣланное Оленинымъ, довольно точно; но онъ пропустилъ вопросъ о князѣ, котораго она называетъ, озаботившись только сравненіемъ начертаній съ буквами на тмутороканскомъ камнѣ. Результатъ этого сравненія Оленина не обнародованъ; да и достигнуть какого-нибудь результата подобное сравненіе можетъ только при помощи другихъ палеографическихъ памятниковъ.

Объясненія Круга и Оленина побудили Шлецера опредѣленнѣе изложить значеніе своего сомнѣнія, отъ чего впрочемъ самое дѣло не подвинулось впередъ. Въ рецензіи на Кругово сочиненіе онъ, между прочимъ, сказалъ[9]): «И монета

---

8) Письмо къ Графу Ал. Ив. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутороканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ въ 1792 году. Во градѣ С. Петра, 1806, стр. 32 (Рисунокъ монеты находится на стр. 28). Рецензія Шлёцера на Письмо помѣщена въ (Göttinger) Gelehrte Anzeigen 1807, № 27.

9) (Göttinger) Gelehrte Anzeigen, 1806 11. Oct. № 163. Ср. Журн. М. Нар. Просв. Ч. LXIV, Отд. VI, стр. 34.

«Ярослава также *подлинна*? Конечно, она не поддѣлана «какимъ-нибудь новѣйшимъ обманщикомъ; Шлецеръ этого «никогда и не думалъ: но подлинно ли она монета великаго «князя Ярослава I, когда на Руси едвали была и мысль бить «монету? Это, конечно, задача критики, а не упражненій и «опытности въ нумизматикѣ». Судя по другому мѣсту въ рецензіи на нумизматическое сочиненіе Круга, Шлецеръ не расположенъ былъ считать сребро Ярославле выбитымъ до Татаръ.

Въ 1812 году пожаръ Москвы истребилъ дорогое собраніе рукописей графа Мусина-Пушкина и съ нимъ, вѣроятно, и монету Ярослава[10]); по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ нигдѣ не упоминается о ея существованіи. Позднѣе явился-было еще экземпляръ сребра Ярославля, перешедшій въ Императорскій Эрмитажъ изъ Погодинскаго собранія и о которомъ г. Погодинъ[11]) сообщилъ слѣдующее «... Извѣстно, «что Ярославовой монеты долго извѣстенъ былъ одинъ только «экземпляръ... Второй экземпляръ оказался у А. А. Медын-«цева, и при осмотрѣ былъ переломленъ А. Н. Оленинымъ. «Этотъ экземпляръ достался моему собранію, — и показался

10) «Dans le cabinet du comte Moussin-Pouchkin à Moscou, on conservait, avant l'incendie de 1812, une médaille d'argent d'un Jaroslaff». Chaudoir.

11) Москвитянинъ 1852. Авг. Кн. 2. Отд. VII, стр. 154

«мнѣ, къ прискорбію, поддѣльнымъ, послѣ того, какъ про«стылъ первый пылъ радости. Послѣ его пріобрѣтенія, я за«биралъ о немъ справки, кои, однако же, обращались въ его «пользу». Между тѣмъ подлинность этого экземпляра болѣе чѣмъ сомнительна: очевидно, онъ выбитъ по рисунку Ермолаева, хотя на оборотной сторонѣ уже читается полное слово *Амин..*[12]).

Сомнѣнія о томъ, дѣйствительно ли Ярославле сребро принадлежитъ Ярославу Владиміровичу, на нѣкоторое время затихли, когда нашлось нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ съ надписью: *Владимiръ, а се его злато,.. а се его*

---

12) Онъ хранится въ нумизматическомъ собраніи Имп. Эрмитажа. Подобное собраніе, существующее не на показъ только, но и для ученыхъ цѣлей, не можетъ обойтись безъ подложныхъ экземпляровъ, тѣмь болѣе, что у насъ далеко еще не разобраны вопросы о неподлинности монетъ, поддѣланныхъ прямо для продажи за подлинныя, о монетахъ, выбитыхъ подлиннымъ штемпелемъ или возобновленнымъ въ позднѣйшее время, о монетахъ и медаляхъ, которыя чеканились, особенно со времени Императрицы Екатерины II, для страстныхъ любителей, ради куріозности. О помянутой монетѣ въ Имп. Эрмитажѣ есть записка Оленина, которая для прекращенія толковъ сообщается здѣсь вполнѣ:

«4 Января 1839.

«Возвращаю Александру Алексѣевичу серебренную древнѣйшую монету, «извѣстную подъ именемъ: *Ярославле серебро*. Я укладывая ее въ коробочку, «нечаянно надломилъ ее и раздѣлилъ, но безъ порчи для штемпелей. — Такимъ «образомъ, что монета сія осталась въ томъ самомъ видѣ въ какомъ она была, «въ томъ я могу увѣрить Александра Алексѣевича Медынцова. Алексѣй «Оленинъ. Д. Т. С.».

сребро и проч.[13]). На основаніи этихъ надписей, безъ дальнѣйшаго разбора монетъ, ихъ вообще, какъ скоро онѣ считались подлинными, приписывали Владиміру Святому. Только Карамзинъ[14]), хотя онъ и не былъ нумизматомъ по профессіи,

---

13) Первое извѣстіе объ этомъ Владиміровомъ златѣ и сребрѣ, кажется, сообщено изъ Кіева Алкндр. Воейковымъ. См. статью: «О найденныхъ древнихъ Рускихъ монетахъ» въ Вѣстникѣ Европы, М. 1816. Ч. LXXXVII, стр. 316

«Почтенный Матвѣй Васильевичь Могилянскій, просвѣщенный любитель и «знатокъ отечественныхъ древностей, доставилъ мнѣ счастіе видѣть и снять рисунокъ «съ двухъ монетъ, изъ которыхъ на золотой, принадлежащей Коллежскому Ассессору «Бунге, видѣнъ на одной сторонѣ образъ Спасителя съ довольно ясными вокругъ «словами: *Іисусъ Христосъ*; на другой сторонѣ видѣнъ сидящій Владиміръ и «имѣющій въ правой рукѣ жезлъ или посохъ въ видѣ креста, а въ лѣвой свѣтиль-«никъ, и слова не совсѣмъ ясныя: *Владимиръ, а се его злато*».

«На одной сторонѣ серебряной, принадлежащей здѣшнему купцу Пирожкову «монеты, видѣнъ также сидящій Князь Владиміръ съ такимъ же посохомъ и съ «ясными вокругъ словами: *Владиміръ на столѣ*. На другой ея сторонѣ то же по-«добіе свѣтильника, но въ большемъ видѣ, съ ясными вокругъ словами: *а се его «сребро»*. Рисунки, хотя не очень удачныя съ этихъ монетъ приложены къ Ч. LXXXVIII Вѣстника. Ср. еще Списокъ Русскимъ памятникамъ ... собраннымъ Петромъ Кеппеномъ. Москва 1822, стр. 1, 2; П. Свиньина въ Отеч. Запискахъ, Ч. XXVII. СПб. 1826, стр. 244—245; Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Россійск. Древностей, Ч. III, кн. 2, (1827), стр. 163 и тамъ же Ч. VIII, (1837) стр. 330. По словамъ П. И. Кеппена (см. его Списокъ, стр. 2) кіевская «золотая монета куплена въ Кіевѣ у одного изъ бывшихъ пѣшихъ Стрѣлковъ, распу-«щенныхъ въ концѣ 1796 года, а ему досталась отъ матери, при разлукѣ съ нею». Тамъ-же говорится, «что золотая (монета) нынѣ случайно затеряна въ Кіевскомъ «Государевомъ саду». См. снимокъ ея ниже на Табл. С, № 7.

14) Исторія Россійскаго Государства. IIᵉ изд. СПб. 1818. II, прим. 56. «... Можетъ быть, Ярославъ первый хотѣлъ имѣть собственныя серебряныя деньги

съ свойственнымъ ему тактомъ отозвался, что онъ не знаетъ, кому онѣ принадлежатъ, Владиміру ли Святому, или Владиміру Мономаху; но на это замѣчаніе не было обращено особеннаго вниманія. Сребро Ярославле, кромѣ Шторха[15]) и Карамзина, приписывалъ Ярославу Владиміровичу и Калайдовичъ[16]). Бекетовъ[17]) былъ того-же мнѣнія, но уже выразилъ недоумѣніе, было ли это сребро ходячей монетой. Успененій[18]) держался мнѣнія Круга. Рисунокъ Ермолаева повторили Калайдовичъ[19]), Шодуаръ[20]) и Сахаровъ[21]).

«въ Россіи, и велѣлъ художнику Византійскому сдѣлать въ Кіевѣ нѣсколько монетъ «для опыта... Я видѣлъ еще двѣ, безъ всякаго сомнѣнія древнія монеты или медали, «золотую и серебряную, съ изображеніемъ К Владиміра и съ подписью: «К. Вла«диміръ на столѣ (престолѣ) своемъ»; но не знаемъ, которой, Святой, Мономахъ «или Владимірко Галицкій. Сіи монеты принадлежатъ одному Малороссійскому «Дворянину.

15) Cours d'économie politique. Par Henri Storch. Tome sixième. St.-Pét. 1815, pag. 47.

16) Біографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи Россійскихъ Древностей, Графа А. И. Мусина-Пушкина, стр. 7—11. (См. Записки и Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскахъ. Часть II. Москва 1824).

17) О сребрѣ Ярославлѣ. См. Зап. и Труды Общ. Ист. и Др. М. 1824, Ч. II, стр. 124—134.

18) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ Гавріила Успенскаго. Изданіе второе. Въ Харьковѣ. 1818. II, стр. 664.

19) Труды и лѣтописи Общ. Истор и Др. Р. Часть III. Книга II. Москва 1827, стр. 163 (№ 3).

20) См. его Recueil de Planches или Собраніе изображеній. II, 1. № 3.

21) Лѣтопись Русской Нумизматики. Отдѣленіе первое. Изданіе второе. СПб.

Съ барона Шодуара[22]) опять начинается нерѣшительность, какому Ярославу приписать монету съ этимъ именемъ? Шодуаръ былъ почти готовъ принять ее за подражаніе (мнимой) монетѣ византійскаго императора Алексія Комнина (1081—1118). Вовсе несостоятельное мнѣніе высказалъ И. Фундуклей въ 1847 году[23]). Другіе[24]) также произвольно предполагали, будто такія монеты «высылались въ подарокъ» кіевскимъ великимъ князьямъ изъ Константинополя. М. Погодинъ также долго не осмѣливался приписывать злата и сребра Владиміровыя и Ярославле прямо великимъ князьямъ кіев-

1851 in-4°. Т. 1, № 4 — Его-же Записки о Русскихъ гербахъ. I. Московскій Гербъ. СПб. 1856, Т. 1, № 6.

22) Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères qui ont eu cours en Russie. Première Partie. St.-Pét. 1836, p. 104 — Seconde Partie. St.-Pét. 1837, p. 2—3. Русскій переводъ вышелъ подъ заглавіемъ: Обозрѣніе Русскихъ и иностранныхъ денегъ. СПб. 1837—1841. (См. I, стр. 113; II, стр. 2—3). Статья, напечатанная подъ заглавіемъ: Die russische Münzkunde des Mittelalters въ Blätter für Münzkunde, herausgegeben von Groten. Hannover 1844, IV. p. 111—116 есть только извлеченіе изъ сочиненія Шодуара.

23) Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ, изданное Иваномъ Фундуклеемъ. Кіевъ 1847 in-4°, стр. 91. «Въ Кіевѣ найденъ былъ и медальёнъ, извѣстный подъ именемъ *серебра ярославля*, который, также какъ и *владимірово золото* и его же *серебро*, можно считать чеканенными въ Греціи, въ честь нашихъ великихъ князей».

24) См. Таврическія Губернскія Вѣдомости за 1849 г. № 52. — Извлеченіе изъ этой статіи помѣщено было въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1853 г. Часть LXXX, Отд. VI, стр. 157.

скимъ[25]). Лелевель прежде[26]) допускалъ, а потомъ отвергалъ существованіе русской чеканной монеты въ XI столѣтіи, прибавляя, что въ Кіевѣ и византійскія и мугаммеданскія монеты переплавлялись въ слитки[27]). Впрочемъ еще до 1853 г. онъ выразился осторожнѣе[28]).

Между тѣмъ, лѣтъ двадцать тому, явилось новое мнѣніе, по которому монеты Ярослава и Владиміра будто-бы выбиты не русскими князьями, а южно-славянскими. Къ этому мнѣнію пристали и покойные нумизматы Кругъ († 1844) и Рейхель († 1856). Кругъ, по вызову академика Френа, въ 1831 году, снова возвратился къ вопросу: чеканили ль монету въ Россіи до татарскаго владычества, или нѣтъ? и онъ отозвался неопредѣленно въ пользу перваго мнѣнія. «Ибо еслибы и» — писалъ онъ въ примѣчаніи къ Френову разсужденію о моне-

25) Изслѣдованія. Томъ III. М. 1846, стр. 287; Томъ VII, 1856, стр. 360 и 361 и наконецъ: Норманскій Періодъ. Москва 1859, стр. 180.

26) Въ Сборникѣ вышедшемъ подъ заглавіемъ: La Pologne historique, littéraire, monumentale et illustrée. Paris. 1839—41, pag. 458: «Boleslav fit avec son sabre une trace durable sur la porte dorée de Kiiov, capitale des Russiens, où Iaroslav le Grand forgeait sa monnaie à l'empreinte byzantine, et il fit savoir aux empereurs grecs la nouvelle de ses conquêtes sans se soucier du coin de leurs espèces».

27) Polska wieków średnich czyli Joachima Lelewela w dziejach narodowych polskich postrzeżenia. Tom II. Poznań 1847, стр. 434: «...Ruś zawsze bogata, bo ma błamów futer i grzywien złota buk. Niémiała piéniędzy, byzanckie i mahometańskie przetapiała w sztaby, z razu złota, potym srébra».

28) См. ниже прим. на стр. 47.

тахъ волжскихъ Болгаръ[29]) — «одинокія золотыя и серебря-«ныя монеты, приписываемыя Владиміру I и Ярославу I, «дѣйствительно были выбиты этими русскими великими кня-«зьями, все-же ихъ скорѣе можно считатъ монетами выбитыми «на случай, по поводу какого-нибудь торжества и назначен-«ными кому-либо въ подарокъ, нежели за настоящую ходячую «монету». Въ этомъ замѣчаніи едвали есть какой нибудь на-мекъ на южно-славянское происхожденіе монетъ в. к. Ярослава и Владиміра: Кругъ только колебался, первымъ, или позднѣйшимъ князьямъ этого имени, приписать ихъ. Но достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни Кругъ расположенъ былъ признать ихъ южно-славянскими. Кажется, что на эту мысль онъ попалъ не самъ собою, а наведенъ былъ кѣмъ-либо, — можетъ быть, Рейхелемъ или открытіемъ болгарскаго патріота Априлова. Послѣдній въ 1841 году[30]) успѣлъ доказать, что монету Святослава съ церковно-славянскою надписью, изданную въ рисункѣ съ дурнаго экземпляра Шодуаромъ и приписанную имъ кіевскому великому князю Святославу Ярославичу (1073—1078), должно

---

29) Mémoires de l'Académie I. des sciences de St.-Pét. Sc. politiques, hist., philologie. 1832, Tome I, pag. 199.

30) Денница ново-болгарскаго образованія. Сочиненіе Василія Априлова. Часть первая. Одесса 1841, стр. 85—86 и Табл. I.

отнести не къ этому князю, а къ болгарскому царю Святославу († 1323). Толкованіе надписи, на хорошо сохранившемся экземплярѣ у Априлова[31]), было такъ просто, такъ достовѣрно, что Кругъ, на вопросъ объ этомъ, отдалъ ему полную справедливость. Непонятно однако, какъ онъ могъ допустить возможность южно-славянскаго происхожденія въ монетахъ Ярослава и Владиміра; потому что типъ изданныхъ Априловымъ болгарскихъ серебрениковъ замѣтно отличается отъ русскаго, хотя оба имѣютъ одинъ общій — славянско-византійскій характеръ. Между тѣмъ мнѣніе о южно-славянскомъ происхожденіи монетъ Ярослава и Владиміра вошло въ литературу. Въ 1840 году, въ предисловіи къ собранію русскихъ медалей, изданныхъ Археографическою Коммиссіею, извѣстный знатокъ русскихъ и европейскихъ монетъ, Яковъ Рейхель уже отнесъ монеты Ярослава и Владиміра къ южно-славянскимъ народамъ[32]). Этотъ взглядъ онъ-же по-

---

31) Въ подлинности этого экземпляра нельзя сомнѣваться. У Сахарова (Лѣтопись русской Нумизм. Изд. IIe, Табл. I, № 6) изображена таже монета, но выбитая по другому штемпелю. Вѣрно ли она срисована? Такъ какъ собраніе южнославянскихъ монетъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, къ сожалѣнію, еще не отличается полнотою извѣстныхъ экземпляровъ, то не смѣю утвердительно отвѣчать на этотъ вопросъ.

32) Собраніе Русскихъ Медалей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіею. СПб. въ листъ, стр. I: «..Основываясь на строгой «Нумизматической критикѣ, можно съ достовѣрностію отнести начало нашихъ монетъ

вторилъ въ 1842[33]) г., и потомъ въ 1848 въ своей статьѣ о древне-сербскихъ монетахъ онъ уже съ полнымъ убѣжденіемъ приписывалъ Владимірово злато сербскому правителю Владиміру, умерщвленному въ 1016 году[34]). Того-же мнѣнія рѣ-

---

«только къ концу XIV столѣтія. Нѣтъ никакихъ *положительныхъ* доказательствъ, «чтобы монеты, извѣстныя у насъ подъ названіями: Владиміровой, Ярославовой и «Святославовой, были дѣйствительно Русскія... По всѣмъ историческимъ сообра«женіямъ, гораздо съ большею вѣроятностію должно отнести упомянутыя выше монеты «къ тѣмъ южнымъ Славянскимъ народамъ, которые находились въ ближайшемъ со«прикосновеніи съ Византійскою Имперіею. Онѣ весьма сходны съ монетами сихъ «послѣднихъ народовъ, имѣющими также Славянскія надписи. Не смотря на то, что «исторія южныхъ Славянъ доселѣ еще мало обработана, можно указать на Свято«славовъ и Владиміровъ между владѣтельными Князьями сихъ народовъ, такъ «наприм., въ Булгаріи находимъ Святослава, умершаго въ 1322 году..., а въ «Сербіи Правителя Владиміра въ началѣ XI вѣка...».

33) Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg. 1. Theil. 1842 (—1847) pag. I. «Früher als unter der Regierung des Grossfürsten Dmitri Joannowitsch Donskoi, welcher von 1363 bis 1389 regierte, sind wahrscheinlich in *Russland* keine Münzen geschlagen, wenigstens wäre es nicht mit Bestimmtheit nachzuweisen. Die angeblich vor der Mongolischen Invasion geschlagenen Münzen bei Chaudoir, Taf. I—1, № 6 und 7, Taf. II, № 1, 2, 3 und 4 aufgeführten Stücke, halte ich nicht für Russische Münzen, sondern für solche, die von mittäglichen Slawischen Völkern ausgingen».

«Der Austausch wurde in Waaren, Pelzwerk oder in edlem Metall, nach dem «Gewicht gemacht, ein Gebrauch der sich lange erhielt».

34) По нѣмецки въ Mémoires de la société d'archéologie et de numismatique de St.-Pétersb. Vol. II. 1848, p. 243; по русски въ Запискахъ Санктпетербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества. Томъ I. 1849, стр. 344.

«За нимъ (Чеславомъ) слѣдуетъ малоизвѣстный промежутокъ времени по «1015 годъ, до Владиміра, умерщвленнаго въ 1016 году. Онъ былъ, по видимому,

шительно держался другой опытный нумизматъ генералъ Θ. Θ. Шубертъ, какъ видно изъ каталоговъ его богатаго собранія русскихъ монетъ и медалей, изданныхъ въ свѣтъ въ 1845[35]) и 1857 г.[36]).

«потомокъ Чеслава, и считается миролюбивымъ и правосуднымъ. Этому государю «приписываю я монету ... которую долгое время принимали за русскую». Замѣчателенъ впрочемъ отзывъ Рейхеля объ изображеніи лика Спасителя на оборотной сторонѣ такъ называемой сербской монетѣ: «Грубое подражаніе *современнымъ* византійскимъ золотымъ монетамъ». О Ярославлемъ сребрѣ ни слова.

35) Описаніе Русскихъ Монетъ и Медалей собранія Генералъ-Лейтенанта Θ. Θ. Шуберта Часть I. СПб. 1843, стр 54 и 55.

«Сумнѣнія нѣтъ, что эта монета» (монета Святослава, присланная Априловымъ для разсмотрѣнія въ Академіи Наукъ и до него приписываемая русскому в. кн.) «не Русская, а Болгарская.. Академикъ Ф. И. Кругъ подозрѣваетъ, что и «монеты Владимира и Ярослава, не Русскія, а Славянскія Болгарскія; не входя въ «разборъ сего вопроса, слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что монеты подобной величины «и отдѣлки имѣются только съ именами сихъ двухъ Великихъ Князей ...; что послѣ «того вовсе неизвѣстно, что-бы были чеканены монеты въ Россіи, до 14-го вѣка: и «монеты Русскихъ Великихъ Князей отличаются совершенно отъ № 197—199[a]» (т. е. золотыхъ и серебряныхъ монетъ Владиміра, серебряныхъ монетъ Ярослава и Святослава) «какъ величиною такъ и характеромъ; золотыхъ же вовсе не имѣется. «Вообще монеты Болгарскія еще не были описаны и приведены въ извѣстность».

36) Catalogue du cabinet des monnaies et médailles russes, appartenant au général... T. F. de Schubert. Première Partie. Monnaies. Carlsruhe 1857, p. 32—33.

Здѣсь въ Отдѣлѣ: «Великое княжество кіевское» сообщается описаніе золотыхъ и серебряныхъ монетъ Владиміра I (980—1015), и гальванопластической копіи съ монетъ в. кн. Ярослава I и Святослава Ярославича (1073—1078) и, кромѣ того, приводится «Collection galvanoplastique des monnaies, soi-disant de St. Wladimir, Iaroslaw, Wladimir Monomach, Swiatopolk et Georgii, trouvées au «mois de mai 1852 ... et décrites par M. Woloszinski». Въ Примѣчаніи же сказано:

Не смотря на рѣшительный тонъ, съ которымъ Рейхель отозвался о древне-русскихъ монетахъ, послѣдняя его статья (о сербскихъ монетахъ) уже вызвала нѣкоторое, хотя малозначительное противорѣчіе со стороны Павла Степановича Савельева († 1859), который самъ[37]), «не видя еще свѣтлаго исхода «занимающему насъ вопросу», находилъ «лишь одинъ палеогра-«фическій доводъ въ пользу приписанія этихъ монетъ (кромѣ «Святославовой) нашимъ князамъ: это-форма буквъ на золо-«тыхъ Владиміра, значительно удаляющаяся отъ письма серб-«скаго и болгарскаго, и приближающаяся, особенно въ словѣ «Владиміръ, къ русскому полууставу...» Мнѣніе Шодуара, Рейхеля и Савельева дѣйствовало, между прочимъ, и на А. Б. Лакіера[38]), П. С. Казанскаго и М. П. Заблоцкаго[39]),

---

«On avait toujours soupçonné que toutes ces monnaies précédentes, soi-disant de «Kieff, appartenaient aux Czars de Bulgarie, et n'étaient pas du tout des monnaies «russes; cette dernière (монета Святослава) le prouve clairement, car le prince y «est même nommé Czar de Bulgarie».

37) См. его «Примѣчаніе о славянскихъ монетахъ съ именами Владиміра, Святослава и Ярослава» въ Запискахъ СПб. Археологическо-Нумизматическаго Общества. Томъ I, (1849) стр. 386—398.

38) См. его статью: О знакахъ отличія за службу въ Россіи, до временъ Петра Великаго (въ Запискахъ СПб. Археологическо Нумизматическаго Общества. Томъ II. СПб. 1850), стр. 106—107 и ср. его же Русскую Геральдику, (перепечатанную изъ Записокъ Арх. Общ. Т. VII) Книга I. СПб. 1855, стр. 94—95.

39) См. статью Казанскаго: Изслѣдованія о древней русской монетной системѣ въ XI, XII и XIII вѣкѣ (въ Запискахъ Имп. Археологическаго Общества.

такъ что они считали вопросъ о монетахъ Ярослава и Владиміра вовсе не рѣшеннымъ. Не много спустя И. Д. Бѣляевъ, не предпринимая нумизматическаго описанія древне-русскихъ монетъ, старался путемъ историческихъ соображеній показать возможность того, что монета чеканилась въ Россіи до татарскаго владычества[40]). Рейхель самъ не сдѣлалъ дальнѣй-

---

Томъ III, 1851), стр. 91. «..Если бы и удалось доказать, что нѣкоторыя изъ этихъ «монетъ принадлежатъ русскимъ князьямъ, раждается новое сомнѣніе: были ли это «монеты? Не были ли это только знаки отличія за службу, или медали, выбитыя по «какому-либо случаю? — И такъ изслѣдователь древней русской монеты ни сколько не «можетъ основывать своихъ выводовъ на разсмотрѣніи дошедшихъ до насъ монетъ съ «именами первыхъ князей русскихъ. Необходимо остается довольствоваться только «свидѣтельствами литературныхъ памятниковъ, и на основаніи ихъ дѣлать свои выводы».

У Заблоцкаго (О цѣнностяхъ въ древней Руси. Историческое изслѣдованіе СПб. 1854) мы читаемъ на стр. 14: «... Доказать мнѣніе противоположное, т. е. «существованіе у насъ, въ періодъ до нашествія татаръ, металлическихъ монетныхъ «знаковъ нашего производства было бы возможно только при не сомнѣнной наличности «этихъ знаковъ. Но все, на чемъ подобное мнѣніе могло бы опереться, это восемь «металлическихъ монетъ, или правильнѣе медалей, которыя, однакоже ... не могутъ «считаться ходячими монетами того времени, и даже — не туземнаго происхожденія. «(Правда, въ 1853 г. Кіевская Коммисія .. публиковала еще 31 № нумизмъ, изъ «числа найденныхъ въ 1852 г. близь Нѣжина; но какъ значеніе ихъ такъ и мѣсто «выдѣлки остаются въ сферѣ догадокъ и предположеній). За тѣмъ, наши нумизма-«тическія коллекціи ... не заключаютъ въ себѣ ни одной, собственно намъ принад-«лежащей монеты до-татарскаго періода...».

40) См. его статью: Били ли на Руси монету до XIV столѣтія? (въ Зап. Импер. Археологическаго Общества. Томъ V. 1853, стр. 298—332). Ср. статью того-же автора: Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва 1846, № 3, стр. 8.

шей попытки подтвердить свою ипотезу положительнымъ изслѣдованіемъ. Онъ остался при своемъ мнѣніи до самой смерти; между тѣмъ двѣ находки: дерптская въ 1834 г. и нѣжинская въ 1852, доставили новые факты для опроверженія его мнѣнія.

2. Дерптскій экземпляръ сребра Ярославля у графа С. Г. Строганова.

Верстахъ въ 4-хъ отъ Дерпта у деревни Ратсгофъ найдено въ могилѣ — по словамъ проф. Крузе уже въ 1834 году — «нѣсколько монетъ», о древности которыхъ, кажется, въ литературѣ нумизматическихъ кладовъ ничего не было сказано, если не принять ихъ за тѣ самыя куфическія монеты (895, 909, 915, 945 и 952 гг.), о которыхъ упоминаетъ Ганзенъ[41]). Въ числѣ этихъ монетъ, найденныхъ въ могилѣ,

---

41) Recensio XLIII numorum arabicorum, quorum maior pars in agro Dorpatensi reperta est: Auctore Augusto H. Hansen. Als Einladung zur öffentlichen Prüfung.. im Gouvernements-Gymnasium zu Dorpat. Dorpati Livonorum. 1838, p. 12 (7), 14 (12) и ср. Necrolivonica von Kruse, Beilage D, p. 9. Всѣ выше упомянутыя 5 куфическихъ монетъ найдены у Ратсгофа (in agro Rathshofiano), но, кажется, принадлежали къ разнымъ кладамъ. Многія другія монеты тамъ-же найденныя были пріобрѣтены золотыхъ дѣлъ мастеромъ. Къ стати приводимъ мнѣніе генерала И. А. Бартоломея о кладахъ мугаммеданскихъ монетъ:

«Ayant déjà eu plusieures fois l'occasion d'examiner des dépôts de monnaies ma«hométanes, qui sont presque toujours avec dates, je crois pouvoir poser en principe: «1) que les limites chronologiques, pour des monnaies provenant d'un même dépôt, ne «s'étendent ordinairement pas au delà de soixante ans — c'est la longévité de la mon-

оказался хорошо сохранившійся экземпляръ того-же самаго Ярославля сребра, какое было у графа Мусина-Пушкина[42]). Чрезъ посредство профессора Горлова эта монета поступила въ кабинетъ графа С. Г. Строганова, который потомъ самъ описалъ ее. По изданному имъ рисунку она изображена здѣсь ниже на табл. В, № 2[43]).

Утверждали, что этотъ экземпляръ Ярославовой монеты «совершенно схожъ, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ», съ монетой графа Мусина-Пушкина. Но рисунки ихъ сходны не до мельчайшихъ подробностей, что̀ впрочемъ объяснится, можетъ быть, само-собою. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакой основательной причины подвергать сомнѣнію подлинность

«naie de tous les pays et de tous les siècles. 2) que les quantités relatives augmentent, «plus le terme se rapproche de l'époque où les monnaies ont été enfouies: ainsi pour «les derniers dix ans, il y a ordinairement plus d'un tiers, et quelques fois même plus «de la moitié de la totalité du nombre des pièces. Lorsque le dépôt est considérable, «on a plus de chances de le trouver dans toutes les conditions signalées, mais le même «principe s'applique aussi aux petites quantités de monnaies déterrées».

42) Necrolivonica oder Alterthümer Liv-, Esth- und Kurlands... von Friedr. Kruse. Dorp. 1842. Beilage D, p. 19; Beil. E, p. 17, 18. Первое извѣстіе объ этой монетѣ на русскомъ языкѣ въ Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія. Часть XVIII. 1838, стр. 654. По Сахарову (Лѣтопись р. нум., стр. 30) эта монета «вымѣнена «была г. Горловымъ въ придачу къ другимъ монетамъ».

43) Рисунокъ у г. Кёне (Taf. VI, A, № 2 въ Zeitschrift für Münz-Kunde. I. Bd. 2. Heft. Berlin 1859) неудаченъ: изображенію лица Святаго придано слишкомъ мрачное выраженіе; характеръ буквъ какъ на лицевой, такъ и на оборотной сторонѣ искаженъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ ошибкахъ.

дерптскаго экземпляра: ясный оттискъ лика Святаго, который на экземплярѣ графа Мусина-Пушкина былъ стертъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ византійско-славянскому типу св. Георгія и — не говоря о другихъ трудностяхъ — навѣрное ввелъ бы въ ошибки новѣйшаго фабрикатора. Есть и другія ручательства за подлинность монеты[44]). Наконецъ мы имѣемъ полновѣсное свидѣтельство самого владѣтеля, какъ извѣстно, давно изощрившаго свой взглядъ на подлинныя и подложныя древности. Графъ Строгановъ прямо объявилъ, что его экземпляръ «не подлежитъ никакому сомнѣнію».

Касательно историческаго значенія Ярославля сребра для нумизматики какъ науки, графъ Строгановъ высказалъ взглядъ, обязывающій каждаго, кто берется судить о монетахъ Ярослава и Владиміра, вести всѣ объясненія и историческую оцѣнку ихъ со всевозможною тщательностью. Передаемъ внизу вполнѣ описаніе «съребра Ярославля», такъ какъ ниже мы не разъ будемъ обращаться къ нему, а великолѣпное изданіе «Древностей» доступно немногимъ[45]).

---

44) М. П. Погодинъ, говоря о неподлинности бывшаго въ его собраніи экземпляра (см. Москвитянинъ за 1852 г. № 16, Отд. VII, стр. 154), такъ отзывается о найденномъ въ 1834 году: «Отличною сохранностію и свѣжестью чекана, «онъ возбуждаетъ также подозрѣнія, но по исторіи своего нахожденія, дознанной «мною наиточнѣйше — этотъ экземпляръ достовѣренъ вполнѣ».

45) Древности Россійскаго Государства, изданныя по Высочайшему пове-

Изъ уваженія къ авторитету, какимъ графъ Строгановъ пользуется у насъ, какъ знатокъ русскихъ и византійскихъ мо-

лѣнію. Отдѣленіе V. Москва 1853, стр. 89—90. Рисунокъ «съребра» въ Отдѣл. V, № 59.

«На рисункѣ № 59 — говоритъ И. М. Снегиревъ — изображена и мо«нета В. К. Ярослава, хранящаяся въ собраніи древностей и монетъ, Графа Сергія «Григорьевича Строганова. На этомъ экземплярѣ, предполагаемой монеты Яро«слава I, вполнѣ сохранился оттискъ; на немъ съ одной стороны изображеніе Св. «Георгія (тезоименитаго Ярославу) съ подписью по сторонамъ ... о Гєωргιо; на «другой сторонѣ изображеніе въ родѣ трезубца и надъ нимъ кружокъ съ крестомъ; «вокругъ надпись: «сърєбро Ярославле». Съ четырехъ сторонъ по оконечности «расположены ясно буквы: Амин».

«Достовѣрнѣйшее объясненіе этого памятника, по сіе время заключается въ «мнѣніи самого владѣтеля лучшаго экземпляра монеты»:

«Монета съ надписью *«Ярославле сърєбро»* была въ первый разъ по«дробно описана, 1824 года, Калайдовичемъ (Зап. Общ. Исторіи, Ч. 2, стр. 8) съ экземпляра Графа Пушкина, найденнаго до 1812 года въ Кіевѣ «между привѣсками одной иконы. Этотъ экземпляръ, дурно сохранившійся, «служилъ Исторіографу Карамзину къ произвольному объясненію трехъ «буквъ, уцѣлѣвшихъ на реверсѣ (Рос. Ист. Т. 2; прим. 56)».

«Карамзинъ, какъ и другіе современные писатели, приписывая это «серебро Великому Князю Ярославу I, не усумнились заключить, что въ XI «вѣкѣ древняя Россія пользовалась не только чужестранными драгоцѣнными «монетами, но имѣла и собственныя».

«Въ продолженіи 25 лѣтъ послѣ открытія этого памятника появились «еще три экземпляра Ярославлева сърєбра; одинъ, хранящійся въ собраніи «Графа С. Г. Строганова, не подлежитъ никакому сомнѣнію; въ немъ вѣсу «$60^{5}/_{7}$ гранъ, величина 7; другіе два экземпляра въ частныхъ собраніяхъ «явно поддѣльны».

«При всемъ успѣхѣ Русской Нумизматики, въ послѣднюю четверть вѣка, «этотъ любопытный памятникъ остался необъясненнымъ, тогда какъ монеты

нетъ, слѣдовало бы въ настоящемъ случаѣ прямо объясниться, можемъ ли мы вполнѣ согласиться съ его взглядами. Между тѣмъ въ случаѣ того или другаго разногласія, не должно выпускать изъ виду, что вопросъ о Ярославлѣ сребрѣ графъ С. Г. не считалъ еще оконченнымъ и съ предусмотрительностью опытнаго нумизмата признавалъ возможность видоизмѣненія своихъ догадокъ, въ случаѣ новыхъ находокъ и судьба еще даровала намъ подобныя находки.

3. Нѣжинскій кладъ.

Не много спустя послѣ того, какъ графъ Строгановъ письменно изложилъ свой взглядъ, «въ половинѣ мая 1852 г.,

---

«Святослава (серебряныя) и Владимира (золотыя и серебряныя), также «при появленіи ихъ, приписываемыя Русскимъ Великимъ Князьямъ, ученою «критикою давно уже отнесены къ ряду, принадлежащему Царямъ Болгар-«скимъ. Неизвѣстно, долго ли сохранитъ Ярославъ свое право гражданства «въ Русской Нумизматикѣ, но можно уже теперь утвердительно сказать, что «монета эта, чеканенная по образцу Византійскому, современному Іоанну II «(1118—1143), или Мануилу Комнену (1143—1180), слѣдовательно, «болѣе ста лѣтъ послѣ Ярослава Кіевскаго, не можетъ относиться къ нему».

«Не зная ни Болгарскаго, ни Сербскаго Царя Ярослава, невольно оста-«навливаемся на Ярославѣ Владимировичѣ Галицкомъ Осмомыслѣ, «1153—1183. Какъ союзникъ Мануила, сестра котораго вышла за Импе-«ратора Греческаго Алексѣя, онъ имѣлъ близкое сношеніе съ Византіею, «и чеканка Греческихъ монетъ того времени могла служить образцомъ для «Галицкихъ. Однако же, согласно съ мнѣніемъ Лелевеля, вопросъ можетъ «рѣшиться окончательно только послѣ открытія другаго подобнаго памятника, «поясняющаго сърeбро Ярославле».

«при вспашкѣ поля близъ Нѣжина... вырыто въ глиняномъ «горшкѣ около 200 серебряныхъ монетъ», которыя имѣютъ внутреннюю связь съ извѣстными прежде монетами Ярослава и Владиміра. Извѣстія объ этомъ кладѣ довольно обстоятельны и такъ достовѣрны [46]), что не возможно и подумать о новѣйшей поддѣлкѣ, сколько бы ни представлялъ онъ страннаго и загадочнаго глазамъ изслѣдователя. Къ сожалѣнію наибольшая часть экземпляровъ тотчасъ разошлась по разнымъ рукамъ, такъ что вѣрная оцѣнка ихъ въ совокупности, при плохомъ состояніи достигшихъ извѣстности экземпляровъ, почти невозможна. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ изъ этого клада есть лишь нѣсколько очень худо сохранившихся экземпляровъ; кіевскому Университету удалось вовремя спасти для своего кабинета до 70 штукъ, которыя и изданы въ рисункахъ и описаны Я. Волошинскимъ, сколько это было возможно при первомъ, впрочемъ достойномъ уваженія опытѣ [47]).

46) См. Сѣверн. Пчелу за 1852 г. № 194. Почти то же самое сообщено въ Москвит. за 1852 г. № XVII, Отд. VII; стр. 19. У Бѣляева (Зап. И. Археолог. Общ. Т. V, стр. 331) сказано: «По письмамъ изъ Кіева, въ этомъ кладѣ «около 40 фунтовъ штемпелеванныхъ Русскихъ и Польскихъ монетъ X и XI сто«лѣтій». Куда дѣвались эти польскія монеты (X вѣка?) и дѣйствительно ли онѣ относятся къ этому времени? Вопросъ этотъ имѣлъ бы нѣкоторую важность для опредѣленія времени, въ которое выбиты были нѣжинскія русскія монеты.

47) Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, припадлежащихъ Минцъ-Кабинету Импер. Университета Св. Владиміра, изъ числа найденныхъ близъ Нѣжина, въ маѣ

По мнѣнію г. Волошинскаго, «содержащіяся въ надпи-«сяхъ имена» составляютъ «пять отдѣльныхъ классовъ и отно-«сятся къ пяти Великимъ Князьямъ нашимъ: Владиміру Св., «Ярославу Владиміровичу, Святополку Изяславичу, Вла-«диміру Мономаху и Георгію .. или .. къ промежутку вре-«мени отъ 988 по 1157 годъ». Къ этому г. Волошинскій прибавляетъ что монеты «принимаемыя доселѣ за монеты Влади-«міра Св., скорѣе должно относить къ Владиміру Мономаху..; «и напротивъ того, неизвѣстныя доселѣ монеты, ... должно «приписать Владиміру Св.». III-й классъ, содержащій № 11— 20, онъ выдаетъ за монеты Ярослава I (Владиміровича), въ чемъ однако должно сомнѣваться, даже допустивъ правильность чтенія имени Ярослава. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Волошинскій (стр. VI) сообщаетъ, что баронъ Шодуаръ (около 1850 г.) пріобрѣлъ одинъ экземпляръ Ярославовой монеты, похожій на нѣжинскіе экземпляры. Жаль, что нѣтъ снимка. — Въ 1847 году А. Ѳ. Бычковъ пріобрѣлъ «сребро» съ надписью «Владиміра», которая походитъ на нѣжинскія: по обязательности владѣльца, она снята ниже (на табл. С, № 6).

мѣсяцѣ 1852 г. Статья, составленная Хранителемъ Минцъ-Кабинета Яковомъ Волошинскимъ. (См. Труды Коммисіи Высочайше учрежденной, при Импер. Университетѣ Св. Владиміра, для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа. Смѣсь. Кіевъ 1853) XIII и 14 стр. in-4°.

Огромное разстояніе между монетами, приписанными г. Волошинскимъ в. кн. Ярославу Владиміровичу, и между Ярославлимъ сребромъ графовъ Мусина-Пушкина и Строганова, точно также бросается въ глаза и при сравненіи третьяго, донынѣ извѣстнаго экземпляра Ярославля сребра.

4. Стокгольмскій экземпляръ Ярославля сребра.

На вопросъ г. начальника 1-го Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа объ этомъ экземплярѣ, директоръ королевскаго минцъ-кабинета въ Стокгольмѣ (Riksantiqvari, Garde des Médailles), г. Гильдебрандъ, отозвался, что онъ не можетъ показать ни года, ни мѣста, ни совокупности съ другими монетами, въ какой найденъ этотъ экземпляръ, но что онъ вполнѣ однако увѣренъ, что эта монета найдена между куфическими, либо между англо-саксонскими и древне-нѣмецкими монетами[48]).

48) На всякій случай сообщаю собственныя слова г. Гильдебранда, которыми онъ почтилъ меня, лѣтомъ 1859 г. въ отвѣтъ на мою просьбу о подробнѣйшемъ извѣстіи касательно мѣста, времени и обътоятельствъ открытія монеты.

«Jag kan icke med visshet uppgifva i hvad sällskap det s. k Olegs mynt anträffats, icke heller tiden när det blifvit funnet. Jag är mellertid fullt viss att det legat bland Kufiska eller Anglosachsiska och Tyska mynt, således bland mynt från 10de—11te århundradet. Då jag träffade detta mynt uttaget ur sitt fynd, trodde jag att det kunde möjligtvis hänföras till någon Norsk konung och hade derföre tills vidare lagt det bland Norska mynten, der Hr. Koehne fick se det. Det är möjligt att det kan hänföras till Oleg, dock synes mig arbetet tillhöra en något senare tid (omkr. 10^{e} seklet)».

Считаю нужнымъ замѣтить что первый отвѣтъ на письмо г. начальника I Отдѣл.

Будучи близко знакомъ съ англо-саксонскими и скандинавскими монетами, г. Гильдебрандъ прибавилъ, что по работѣ эта неизвѣстная монета принадлежитъ не къ Олегову вѣку (879—882), а вѣроятно къ позднѣйшему времени (около X вѣка).

При особенности буквъ и другихъ признаковъ монеты нельзя было ожидать, чтобы стокгольмскіе нумизматы вѣрно опредѣлили ее. Лѣтомъ 1858 года нашелъ ее въ стокгольмскомъ минцъ-кабинетѣ г. Кёне и, основываясь на фигурѣ, изображенной на оборотной сторонѣ монеты, указалъ ей мѣсто въ числѣ древнѣйшихъ русскихъ: это — его заслуга. Давъ ей это объясненіе при первомъ взглядѣ и приписавъ ее языческому князю Олегу, онъ и до сихъ поръ не отказался отъ своего мнѣнія[49]), но развилъ его въ особомъ разсужденіи, напечатанномъ осенью 1859 года въ Берлинѣ. Чтобы не ввести читателя въ недоразумѣніе, замѣтимъ, что рисунокъ, приложенный г. Кёне къ его «Наставленію» (см. ниже Табл. А. и Послѣсловіе) не точенъ, что рисунокъ, сдѣланный въ Берлинѣ, нѣсколько точнѣе передаетъ буквы порознь, но въ цѣломъ неудовлетворителенъ и не сохраняетъ характера начертаній ни греческихъ ни славянскихъ буквъ.

Импер. Эрмитажа былъ менѣе опредѣлителенъ. По этому въ текстѣ я держался болѣе втораго письма г. Гильдебранда объ этомъ предметѣ.

49) См. ниже Послѣсловіе.

Чтобы читатель могъ самостоятельно судить о взглядахъ г. Кёне, передаемъ[50]) буквально все его описаніе № 1, исключая

50) См. Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde. Neue Folge. Erster Band. Zweites Heft. (Berlin 1859 in-4°), стр. 72—76. Особые оттиски этой статьи были раздаваемы самимъ авторомъ въ С. Петербургѣ въ началѣ Ноября 1859 г.

«№ 1».

«Самый древній и интересный русскій памятникъ, безъ сомнѣнія, есть серебря-«ная монета Олега, находящаяся въ стокгольмскомъ королевскомъ минцъ-кабинетѣ. «На *лицевой* сторонѣ этой монеты видно изображеніе Олега, облеченнаго въ діадему «изъ бусъ и имѣющаго вокругъ головы, по византійскому обычаю, сіяніе, состоящее «также изъ бусъ. Платье его, похожее на плащь, на правомъ плечѣ связано коль-«цомъ. Въ правой рукѣ великій князь держитъ копье; съ лѣвой же стороны его «видна верхняя часть щита. По бокамъ находятся, хотя не регулярно разставлен-«ныя, но ясно (начертанныя) буквы:

OLEC REX

«На *оборотной* сторонѣ:

RECPICP O + ИROCADU

«= *Regwigw o Nrogàdu* *); грубая фигура птицы съ раскрытыми крыльями, по «бокамъ хвоста коей два небольшихъ косвенныхъ креста. — Вѣсъ 1,383 граммъ».

«Эта монета выбита, очевидно, какимъ-нибудь норманскимъ монетчикомъ, «пріѣхавшимъ съ Олегомъ съ скандинавскаго сѣвера. И какъ Олегъ могъ бы найти «монетчиковъ въ Россіи, гдѣ монеты въ то время еще не существовало? Норманъ, «такъ недавно пріѣхавшій съ своимъ княземъ, не могъ еще знать употребленія рус-«скихъ письменъ, а потому и сдѣлалъ надпись латинскими буквами и языкомъ, кото-«рые въ то время единственно встрѣчались на сѣверныхъ монетахъ. Но онъ выгра-«вировалъ имя князя по славянскому произношенію **): OLEG, а не Helge, какъ «пишется оно въ сѣверныхъ лѣтописяхъ. Въ употребленіи титула: Rex, вмѣсто:

*) Въ подлинникѣ читается: Regwig*n* и безъ *o*; но это опечатка, какъ видно изъ «Опечатокъ», отмѣченныхъ г. Кёне. Вообще ср. ниже Табл. А.

**) См. ниже имя: Олегъ, въ Указателѣ.

лишь двухъ мѣстъ чисто историческаго содержанія и указанія на сочиненія о англо-саксонскихъ монетахъ. Статья имѣетъ

«*Великій Князь*, нѣтъ ничего страннаго, особенно если мы обратимъ вниманіе на то, «что въ сѣверныхъ лѣтописяхъ и сагахъ русскіе великіе князья всегда называются «конунгами» и что (слѣдовательно) слово Rex не что иное, какъ переводъ слова «ko-«nung»... (Слѣдуетъ нѣсколько строкъ о титулѣ норманнскихъ и русскихъ князей).

(Стр. 73). «Оборотъ нашей монеты представляетъ копію англо-саксонскихъ «монетъ: здѣсь во 1-хъ круговая надпись съ названіемъ монетчика и монетнаго города. «Имена монетчиковъ встрѣчаются уже на монетахъ англо-саксонскихъ королей съ «794 года..., стало-быть уже сто лѣтъ до Олега. Монетные города вмѣстѣ съ «именами монетчиковъ встрѣчаются на англо-саксонскихъ монетахъ (съ начала 9-го «вѣка)... стало-быть задолго до пришествія Олега (въ Россію); стало быть, его нор-«манскій монетчикъ въ точности подражалъ надписямъ, какія были въ обычаѣ на «англо-саксонскихъ монетахъ, ходившихъ тогда всюду и у всѣхъ на сѣверѣ».

«Намъ не извѣстно другаго примѣра имени: Regwigw. А монетный городъ «ИROGAD, есть, безъ сомнѣнія, Nrogad, Nowograd, Новгородъ; итакъ Рег-«вигвъ былъ монетчикомъ въ Новгородѣ, первой русской столицѣ. Знакъ въ концѣ «имени города составляетъ, какъ кажется, только украшеніе».

«Птица нашей монеты также встрѣчается на англо-саксонскахъ монетахъ, на «пр. на одномъ динарѣ нортумберландскаго короля Анлафа (914—945), гдѣ она «изображаетъ, вѣроятно, древній гербъ датскій, ворона. (См. табл. VI, A, № 5). «Этого ворона имѣли Датчане на своемъ главномъ знамени, такъ называемомъ воро-«новомъ прапорѣ (Rafnfan); оно попалось при Губбѣ, въ 878 году, въ руки Англо-«саксонцевъ сражавшихся за Эльфреда. Такую-же птицу представляетъ на обо-«ротной сторонѣ одна, весьма рѣдкая монета Этельреда II, а на лицевой сторонѣ «— Agnus Dei; это совмѣщеніе ясно показываетъ, что птица на этой монетѣ есть «Духъ святый въ видѣ голубя. Правда, помянутая англо-саксонская монета выбита «лѣтъ черезъ сто послѣ Олега, но, вѣроятно, по какому-нибудь древнему визан-«тійскому первообразу, изъ которыхъ многимъ очень вѣрно подражали древнѣйшія «произведенія англо-саксонскаго художества. Отсутствіе Агнца Божія на нашей «монетѣ, кажется, говоритъ, что на ней грубое изображеніе птицы должно быть

заглавіе: *Древнѣйшія монеты Россіи.* № 2, 3 и 4 содержатъ въ себѣ самое краткое описаніе дерптскаго экземпляра

«подражаніемъ ворону, каковой на помянутыхъ динарахъ Анлафа нортумберландскаго*). «Къ тому-же, Олегъ былъ язычникъ, стало-быть, сознательно не допустилъ бы «на своей монетѣ христіанскую эмблему. Два крестика возлѣ хвоста птицы» (на Олеговой монетѣ) «должно считать за остатки ногъ, а крестъ въ круговой надписи лишь «за значокъ служащій раздѣленіемъ словъ (Theilungszeichen).

«Когда же чеканенъ этотъ замѣчательный динарь? Время опредѣлить не трудно».

(На стр. 74). «Рурикъ, основатель монархіи, умеръ въ 879 г., поручивъ «великое княжество своему родственнику... Олегу... На третій годъ по кончинѣ «Рурика, т. е. въ 882 году, Олегъ оставилъ Новгородъ и переселился съ Игоремъ «въ Кіевъ... Въ Новгородъ же онъ болѣе не возвращался:, итакъ монета (его) «должна быть чеканена между 879 и 882 годами».

«Хотя динарь этотъ, вырытый въ шведской землѣ вмѣстѣ съ разными арабскими «монетами, весьма грубой работы, но онъ сообщаетъ ясный образъ героя, который «утвердилъ свой щитъ на галацкихъ вратахъ (Царьграда); онъ представленъ безъ «бороды, въ широкой эпанчѣ и съ червленнымъ, вверху округленнымъ, а внизу «остроконечнымъ варяжскимъ щитомъ».

«Совершенно такой-же типъ находится на слѣдующихъ русскихъ монетахъ:

«№ 2».

а) «Ярослава I-го, сына Владиміра равноапостольнаго (1012—1054).

«Лицевая сторона: бюстъ точно такой-же, какъ на монетѣ Олега, но по «бокамъ:.. т. е. ὁ ἅγιος Γεώργιος; въ-слѣдствіе сего грудное изображеніе «здѣсь принято за св. Георгія.

«Обор. стор.: † ЯРОСЛАВЛЄ СЪРЄБРО, Ярославле сребро. Птица,

---

*) Die Abwesenheit des Gotteslammes auf unserer — судя по способу выраженія г-на Кёне здѣсь говорится объ Олеговой монетѣ — Münze scheint aber dafür zu sprechen, dass auf ihr der roh abgebildete Vogel eine Nachahmung des Raben wie auf den oben erwähnten Pfennigen Anlaf's von Northumberland sein muss.

Ярославля сребра, Владимірова злата и одного нѣжинскаго экземпляра Владимірова серебра.

«но головою внизъ. На краю: АМИН. Хорошій экземпляръ этой монеты «находится въ богатомъ собраніи Графа С. Строганова.

«...Эта монета чеканена Ярославомъ, кажется, между 1012 и 1016 годами, «во время пребыванія его въ Новгородѣ, но вѣроятно только въ 1015 г., по кончинѣ «Владиміра. Онъ сдѣлалъ подражаніе монетамъ Олега, еще существовавшимъ въ «Новгородѣ; но времена измѣнились..., такъ что мы видимъ лицевую сторону нашей «монеты занятую покровителемъ великаго князя, святымъ Георгіемъ, изображеніе «котораго рѣшительно напоминаетъ ѳессалоникскія монеты*). На оборотѣ находится «птица, но головою внизъ (aber gestürzt), вѣроятно въ значеніи св. Духа; но испол- «неніе такъ грубо, что едва узнаёшь ее...

«№ 3».

(Стр. 75) *б*) «Та-же фигура находится и на лицевой сторонѣ золотыхъ мо- «нетъ, приписываемыхъ нумизматами то святому Владиміру, то сербскому Влади- «міру, царствовавшему съ 1015 по 1016 годъ. Здѣсь (VI, A, 3) гравированный экзем- «пляръ представляетъ бюстъ великаго князя... Подражаніе птицѣ, еще болѣе грубое «на этихъ золотыхъ монетахъ, ясно доказываетъ, что онѣ не могли быть чеканены «прежде монеты Ярослава Владиміровича, но позже, и что онѣ принадлежатъ не «Владиміру Святославичу (972—1015), а Владиміру Всеволодовичу Мо- «номаху (род. 1052), великому князю кіевскому съ 1113—1125».

«№ 4».

в) «Тому-же великому князю принадлежатъ, безъ сомнѣнія, монеты съ име- «немъ: Владиміръ, найденныя въ 1852 году близь города Нѣжина. Но на подоб- «ныхъ же монетахъ этаго клада .. ни на одной не находится ясной надписи и онѣ «безъ сомнѣнія суть грубое подражаніе монетамъ Владиміра Всеволодовича...»

---

*) Dessen Vorstellung ganz an die der Münze von Thessalonich erinnert — Къ этой догадкѣ г-на Кёне мы прибавляемъ, что покровителемъ города Ѳессалоники былъ св. Дмитрій солунскій (см. ниже Прилож. I) и солунская имперія существовала лишь съ 1220 (1223) по 1234 годъ.

Вся статья г. Кёне заключается на стр. 76 слѣдующими словами:

«Между сѣверо-восточными монетами монета Олега есть «самая древняя, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

«Oleg, Grossfürst von Russland, 879—912.
«Olaf, Skötkonung, König von Schweden, 980—1018.
«Swend Tveskjaeg, König von Dänemark, 985—1014.
«Hakon Jarl, von Norwegen, 989—995.

B. v. Köhne».

Такимъ образомъ каждому просвѣщенному любителю русскихъ древностей дана возможность войти въ многолѣтній и запутанный вопросъ о Ярославлѣ сребрѣ и въ особенности вѣрно оцѣнить ученое достоинство послѣдняго ея объясненія. Какъ г. Кёне могъ отважиться на такое странное толкованіе предмета, въ сущности самаго простаго, и какъ могъ такъ долго упорствовать въ своемъ мнѣніи, — инымъ покажется вовсе непонятнымъ, *другихъ-же*, ближе знакомыхъ съ нумизматическими и геральдическими трудами г. Кёне, *нисколько не изумляетъ*. Нумизматика и геральдика, какъ всѣ историко-филологическія науки, требуютъ, кромѣ *добросовѣстнаго* изученія предмета, умѣнья примѣнять къ нему *историко-критическую методу*. Достаточно ли показалъ въ себѣ г. Кёне эти два необходимыя качества вообще и особенно въ своемъ разсужденіи о русско-византійскихъ монетахъ, — судить объ этомъ *вызываемъ самихъ читателей*: ихъ-же безпристрастному суду мы подвергаемъ и нашъ опытъ довести, по мѣрѣ нашихъ силъ, спорный вопросъ о Ярославлѣ сребрѣ до всесторонняго объясненія.

III. Описаніе двухъ видовъ Ярославля сребра.

Прежде нежели приступимъ къ описанію и историческому опредѣленію трехъ экземпляровъ Ярославля сребра, необходимо принять въ соображеніе *мѣстонахожденіе* ихъ, равно и родственныхъ имъ, золотыхъ и серебряныхъ монетъ Владиміра. *Ни одна* изъ нихъ не открыта въ южно-славянскихъ странахъ и ничего имъ подобнаго не встрѣчается въ доселѣ извѣстныхъ описаніяхъ болгарскихъ и сербскихъ монетъ, а всѣ онѣ, за исключеніемъ только стокгольмскаго экземпляра, найдены *въ предѣлахъ древней Руси*. О большей части изъ нихъ даже извѣстно, что онѣ отъисканы въ мѣстахъ, бывшихъ поприщемъ дѣятельности тѣхъ самыхъ князей, имена коихъ, по всей вѣроятности, означены въ ихъ надписяхъ.

Нельзя допустить, чтобы стокгольмскій экземпляръ былъ перенесенъ съ юга Европы на сѣверъ состоявшими въ византійской службѣ Варягами[51]). За то перенесеніе древне-русскихъ

51) Донынѣ ни въ Швеціи, ни въ Даніи, ни въ Норвегіи, гдѣ впрочемъ довольно открыто византійскихъ монетъ, не найдено, сколько извѣстно, южно-славянскихъ

монетъ въ Скандинавію можно объяснить весьма естественно. Между Швеціей и Россіей въ X и XI вѣкахъ были очень живыя сношенія: русскіе князья искали себѣ въ Швеціи невѣсть или убѣжища, а подъ часъ призывали оттуда рать для походовъ своихъ на туземныхъ и иностранныхъ враговъ; Шведы, Норвежцы и Датчане сами часто приходили въ Русь для вступленія въ службу Владиміра и сына его Ярослава, коего супруга была шведская принцесса, а дочь вышла за мужъ за короля норвежскаго. Изъ множества сохранившихся въ Скандинавіи, руническихъ надписей намъ извѣстно, что тѣ, въ честь коихъ онѣ были вырѣзаны послѣ ихъ кончины, нѣкогда ратовали на Руси или въ Греціи. Сверхъ того между Россіей и Швеціей въ то время происходили живыя торговыя сношенія, какъ это явствуетъ, между прочимъ, уже изъ множества найденныхъ въ Швеціи арабскихъ монетъ изъ странъ, лежащихъ на востокъ отъ Россіи. Итакъ стокгольм-

---

монетъ, и вѣдомо, что Варяги мало входили въ соприкосновеніе съ Сербами и Болгарами и уже переставали ходить въ Царьградъ, въ то время, когда южно-славянскіе народы начали чеканить (см. выше стр. 22) у себя монеты. Да и въ самой Россіи болгарскія и сербскія монеты, кажется, вовсе не обращались посредствомъ торговли, хотя и могло статься, что отдѣльныя экземпляры были заносимы русскими богомольцами или не рѣдко переселявшимися въ Русь болгарскими и сербскими иноками. Какимъ путемъ попали въ Россію, лѣтъ двадцатъ тому назадъ или прежде, 2 или 3 экземпляра монеты болгарскаго царя Святослава († 1323), не извѣстно; но мы знаемъ, что Априловъ получилъ свои экземпляры изъ Болгаріи и Валахіи.

скій экземпляръ, по самому его мѣстонахожденію, мы можемъ считать вывезеннымъ прямо изъ Россіи. Мѣстонахожденіе Ярославля сребра, нынѣ принадлежащаго графу С. Строганову, уже само собою указываетъ на великаго князя Ярослава-Георгія, какъ на построителя твердыни Юрьева-Георгіева (Дорпата). Пропавшій въ 1812 году экземпляръ графа Мусина-Пушкина, по собственному его показанію, найденъ былъ въ Кіевѣ «при копаніи рва». Могло быть, что эта монета прежде дѣйствительно висѣла на святой иконѣ[52]). Но какъ бы то ни было, мѣстонахожденіе этого экземпляра указываетъ на «мать градовъ русскихъ» или «соревнователя» Царьграда, какъ называетъ Кіевъ Адамъ бременскій, современникъ Ярослава Владиміровича[53]). Въ его-же столицѣ явился, около 1816 года, и первый златникъ Владиміра. О двухъ серебряныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра достовѣрно извѣстно, что онѣ найдены, около 1810 г., въ Бори-

---

52) Это предположеніе (см. выше прим. 5) вѣроятно произошло отъ того, что на верхнемъ его краѣ въ срединѣ былъ выломленъ кусокъ. Если въ самомъ дѣлѣ въ этомъ мѣстѣ края, какъ и вѣроятно, было устроено ушко, то медаль могла по древнему обычаю служить или украшеніемъ на шеѣ какого-либо воина, или составлять звено цѣлой цѣпочки монетъ, какія нерѣдко находятъ въ старинныхъ могилахъ и какъ ихъ понынѣ еще носятъ женщины у нѣкоторыхъ племенъ внутри Россіи.

53) Cuius (Ruzziae) metropolis civitas est Chive, aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae, т. е. Столица Руси есть городъ Кіевъ, соревнователь константинопольтанскаго царства, прославленное украшеніе византійскаго міра.

сполѣ. Одинъ экземпляръ сребра Владиміра происходитъ изъ ростовскаго уѣзда. Находка, подобная нѣжинской, къ которой слѣдуетъ также причислить экземпляръ какой-то Ярославовой монеты, найденный въ Кіевѣ «въ валахъ крѣпости», служитъ только подтвержденіемъ мнѣнія, что монеты съ именами Ярослава и Владиміра преимущественно обращались въ странѣ, составлявшей самое ядро древней «Руси». Въ червонной Руси или нынѣшней Галиціи, гдѣ давно знаютъ цѣну древностямъ и собираютъ ихъ, до сихъ поръ не открыто ни одного экземпляра русско-византійскихъ монетъ. Если съ 1790 по 1850 годъ открыто и приведено въ извѣстность около 10 монетъ съ именами князей Ярослава и Владиміра, то можно принять почти за вѣрное, что ихъ по крайней мѣрѣ еще 5 было найдено и переплавлено. А сколько, вѣроятно, было найдено ихъ до 1790 года, когда еще менѣе помышляли о сохраненіи монетъ и древностей! Но что бы ни готовила намъ еще будущность, уже по вышесказанному можно догадываться, что новыя находки такого рода будутъ принадлежать по преимуществу предѣламъ бывшаго великаго княжества кіевскаго. Желательно только, чтобы обстоятельства такихъ находокъ впредь были изслѣдуемы и описываемы лучше. Извѣстно, что къ кладамъ, найденнымъ въ Польшѣ, съ намѣреніемъ иногда подкладывали монеты новѣйшаго издѣлія.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію общаго характера монетъ Ярослава, замѣтимъ, что всѣ три извѣстные экземпляра въ сущности — одинаковаго типа. Но за всѣмъ тѣмъ оказывается и нѣкоторая разность между стокгольмскимъ экземпляромъ и экземплярами графа Мусина-Пушкина и графа Строганова. Это различіе основывается на разности штемпеля, какъ это будетъ объяснено ниже. Но оба вида Ярославля сребра наитѣснѣйшимъ образомъ связаны съ разными видами золотыхъ и серебряныхъ монетъ, имѣющихъ въ надписи имя Владиміра, равно и съ прочими монетами нѣжинскаго клада.

Всѣ приведенные здѣсь древне-русскія монеты изъ до-татарскаго періода, не смотря на свои различіе, вмѣстѣ образуютъ одно только видоизмѣненіе византійскихъ монетъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ. Изображеніе Князя, Спасителя, Святаго, форма и расположеніе надписей ясно изобличаютъ византійскій стиль, чему доказательства можно найти не только на византійскихъ монетахъ, но и на памятникахъ византійскаго церковнаго искуства. Со временемъ, можетъ быть, удастся доказать что нѣкоторыя изъ этихъ монетъ и своимъ вѣсомъ служатъ къ подтвержденію вывода, сдѣланнаго изъ другихъ соображеній, что византійская система вѣса вошла въ употребленіе въ Кіевѣ еще до временъ Владиміра Великаго. Но какъ сверхъ того иныя надписи двуязычны и церковно-сла-

вянскія буквы того времени еще явственно носятъ печать византійскаго своего происхожденія, то эти древне-русскія монеты въ общей нумизматикѣ среднихъ вѣковъ должно отнести къ разряду *славянско-византійскихъ*, а еще ближе *русско-византійскихъ*. Этимъ хотя и обозначается ихъ связь съ южно-славянскими, а именно болгарско- и сербско-византійскими монетами, но между монетами южныхъ славянъ и нашими, не смотря на ихъ общій византійскій типъ, остается и явное различіе. Молдаво-валашкія монеты съ церковно-славянскими надписями принадлежатъ еще позднѣйшему времени, чѣмъ южно-славянскія; а относительно церковно-славянской монеты приписываемой польскому королю Болеславу I Храброму (992—1025), временно занявшему въ 1018 году Кіевъ, нельзя сказать ничего вѣрнаго, доколѣ подлинность ея не будетъ доказана лучше. Впрочемъ мы возвратимся еще къ этому и другому сомнительному вопросу въ Приложеніи III.

Не смотря на то, что два разряда Ярославовыхъ монетъ явно носятъ печать византійскаго типа, въ византійской нумизматикѣ едвали (см. Гл. IV) найдется *первообразъ*, который собственно служилъ денежнику Ярослава образцемъ при созданіи идеи обѣихъ медалей и выполненіи ея на металлѣ. За всѣмъ тѣмъ однако раждается вопросъ: одного ли времени оба разряда Ярославовыхъ медалей, или одинъ изъ нихъ чеканенъ

прежде другаго? Кажется, надобно предполагать, что одинъ изъ штемпелей дѣйствительно вырѣзанъ раньше другаго и что первенство, а слѣдственно и бóльшая близость къ византійскимъ первообразамъ на сторонѣ стокгольмскаго экземпляра. Если эта догадка пріобрѣтетъ нѣкоторую степень вѣроятія, то стокгольмскій экземпляръ будетъ весьма важенъ для насъ, хотя онъ по достоинству металла и отдѣлкѣ уступаетъ, по видимому, кіевскому и дерптскому экземплярамъ.

Величина предлежащаго галванопластическаго снимка (по французскому миллиметру) 21 и слѣдовательно онъ занимаетъ средину между 15-ти и 20 копѣечникомъ. Относительно вѣса показанія различны. По словамъ г. Гильдебранда подлинникъ вѣситъ 1,576 французскихъ граммъ, а по увѣренію г. Кёне 1,583 граммъ; а 1,576 граммъ составляетъ 35,468 или короче почти $35\frac{1}{2}$ доли. Итакъ надобно предполагать, что монета очень тонка или серебро низкаго достоинства. Еслибы у насъ было нѣсколько хорошо сохраненныхъ экземпляровъ, чеканенныхъ этимъ штемпелемъ, то любопытно было бы вычислить, сколько такихъ круглыхъ серебрениковъ приходилось на одинъ византійско-русскій фунтъ (гривна = λίτρα), или сколько ихъ чеканилось изъ одного византійскаго фунта серебра.

Что касается до названій: «лицевая и оборотная сторона», то прежніе толкователи Ярославовыхъ монетъ въ этомъ не

согласны между собою[54]). Изъ сравнительнаго разбора всѣхъ византійско-русскихъ монетъ въ самомъ дѣлѣ оказывается, что или граверъ, или самъ Ярославъ по какой-либо опредѣленной причинѣ почитали главною стороною монеты именно ту, которая, сама по себѣ взятая, по правиламъ нумизматики должна быть оборотною. Однимъ словомъ, мы считаемъ лицевою стороною ту, на которой видно грудное изображеніе.

Съ перваго взгляда на лицевой сторонѣ нельзя не узнать воина, по поясъ лицемъ къ зрителю (en face), держащаго въ правой рукѣ копье обращенное къ верху, а въ лѣвой (закрытой) круглый щитъ, котораго однако нижняя половина, по недостатку мѣста, не могла помѣститься на монетѣ[55]). На предлежащей намъ гальванопластической копіи одежда не до-

---

54) Одни называютъ лицевою или главною стороною «сребра» (avers) то, что у другихъ слыветъ оборотною (revers). Если разсматривать Ярославовы монеты сами по себѣ, то Шодуаръ, Савельевъ и Шубертъ правы, принимая ту сторону, на которой находится грудное изображеніе, за оборотную; они были бы совершенно правы, еслибы было вѣрно, что Ярославле сребро есть древнѣйшая, и вмѣстѣ впервые чеканенная русская монета. Но какъ это еще не рѣшено, потому что Ярославле сребро состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ разными монетами, снабженными надписью и изображеніемъ какого-то князя Владиміра, котораго мы съ намѣреніемъ не обозначаемъ здѣсь ближе, — то очень возможно, что здѣсь главная или лицевая сторона совсѣмъ другая.

55) Г. Кёне (см. выше стр. 54) знаетъ, что это щитъ норманскій; однако подобнаго рода щиты, какъ на стокгольмскомъ экземплярѣ, попадаются между прочимъ и на монетахъ первыхъ византійскихъ императоровъ.

вольно явственна; можетъ быть на подлинникѣ съ помощью увеличительнаго стекла удастся разпознать слѣды греческо-римскаго плаща, именуемаго хламидою (χλαμύς), или тогу (toga) или хитонъ (χιτών). Пряжка (fibula), которою прикрѣплялась хламида, явственно замѣтна.

Далѣе съ перваго же взгляда на главной сторонѣ монеты бросаются въ глаза два креста, которые одни уже дѣлаютъ связь монеты съ *языческимъ* княземъ довольно сомнительною. Одинъ изъ этихъ крестовъ, поверхъ копья, г. Кёне безъ всякаго затрудненія принимаетъ за латинское *x* (Re*x*), а о второмъ онъ умалчиваетъ вовсе, равно и о помѣщенныхъ на одной сторонѣ головы шарикахъ[56]). Эти 4 шарика не что иное какъ оконечности или контуры креста: въ подобномъ видѣ, въ замѣнъ крестовъ, они попадаются на византійскихъ и славяно-византійскихъ монетахъ[57]). Итакъ главная сторона Ярославля

56) Судя по «Наставленію», написанному г. Кёне для хранителей минцъ-кабинета Императорскаго Эрмитажа (см. ниже Послѣсловіе), онъ при этихъ крестахъ на мнимой монетѣ Олега, между прочимъ, думалъ о такъ называемомъ «croix ansée», который встрѣчается на многихъ памятникахъ древняго языческаго міра.

Надобно замѣтить, что разстояніе крестовъ на гравированномъ въ Берлинѣ рисункѣ не вѣрно, и что этотъ рисунокъ содержитъ 5 шариковъ вмѣсто 4; но лишній шарикъ конечно произошелъ отъ небрежности берлинскаго гравера. На фотографическомъ снимкѣ (см. ниже № А) ихъ имѣется только 4; разстояніе ихъ одного отъ другаго немного разнится отъ гальванопластической копіи монеты. (См. ниже Табл. В, № 1).

57) Извѣстно, что византійскіе императоры, изображаемые на монетахъ, часто

сребра явно представляетъ намъ три христіанскихъ креста. Отъ чего же не больше или не меньше? Очевидно, граверъ хотѣлъ на обѣихъ сторонахъ монеты помѣстить по 4 креста, какъ дѣйствительно и находимъ ихъ 4 на оборотѣ монеты[58]). Вѣрность этого взгляда подтверждается экземплярами втораго вида монетъ Ярослава, какъ будетъ объяснено ниже. На византійскихъ монетахъ число крестовъ очень различно; но нѣкоторыя изъ нихъ, разныхъ временъ, украшены 3-мя и 4-мя крестами. Въ этомъ отношеніи размѣщеніе много зависѣло отъ рисовальщика или гравера.

На счетъ головнаго убора, судя по галванопластической копіи, нельзя сказать ничего вѣрнаго. Волосы однакожъ обо-

---

держать въ рукѣ глобусъ съ крестомъ (le globe crucigère, см. ниже Прил. II). Вмѣсто креста иногда являются шарики, какъ видно и на экземплярахъ Владимірова злата и сребра, изображенныхъ ниже на Табл. C, № 7 и 6. Изъ формы иныхъ древнѣйшихъ византійскихъ монетныхъ крестовъ не трудно усмотрѣть, какъ изъ нихъ могъ образоваться этотъ родъ креста въ видѣ 4 шариковъ. Да и въ нашей монетѣ форма иныхъ крестовъ на оборотной сторонѣ служитъ нѣкоторымъ образомъ тому объясненіемъ: кресты на ней изображены въ видѣ 4-хъ, не связанныхъ между собою середнею черточкою треугольниковъ.

58) По тѣснотѣ мѣста монетчику трудно было установить на лицевой сторонѣ 4 креста: грудное изображеніе, копье и надпись тому препятствовали. Одинъ изъ крестовъ, меньшій, онъ помѣстилъ поверхъ головы Святаго, два другихъ намѣренъ былъ поставить одинъ противъ другаго въ серединѣ на краю по обѣимъ сторонамъ изображенія; но это было не удобоисполнимо отчасти по причинѣ копья; 4-ый же ркестъ у нижняго средняго края вовсе негдѣ было поставить.

значены шариками, какъ и на Владиміровомъ златѣ (см. ниже Табл. С, № 7). Не хотѣлъ ли этимъ монетчикъ дать знать, что у лица, имъ изображаемаго, были *кудрявые* (см. ниже Прилож. I) волосы? Вѣнчикъ (στέφανος) изъ бусъ вокругъ головы — замѣчательная принадлежность: она невольно напоминаетъ собою типъ византійскаго иконописанія и еще рѣшительнѣе говоритъ въ пользу христіанскаго характера изображенія. Дѣйствительно, этотъ вѣнчикъ истинно византійскій и нерѣдко является на средне-византійскихъ монетахъ, начиная съ *десятаго* вѣка, сперва на ликахъ Христа и Пресвятой Дѣвы, а потомъ съ *двѣнадцатаго* и на ликахъ Святыхъ, помѣщаемыхъ особо на оборотной или на главной сторонѣ монетъ, по лѣвую сторону императоровъ; но сами императоры, вообще не имѣли еще (Ср. ниже Прилож. II) такого вѣнца[59]).

---

59) Г. Кёне, хотя и упоминаетъ (см. выше на стр. 52 и 53) объ окружающей голову «діадемѣ», но съ большой натяжкой объясняетъ, какъ такая большая «діадема» могла попасть на монету языческаго государя *девятаго* вѣка. Конечно такіе вѣнцы, вѣнцеобразныя и лучеобразныя изображенія встрѣчаются на многихъ художественныхъ памятникахъ языческой древности (см. составленную академикомъ Стефани на основаніи классическихъ памятниковъ и монетъ, обширную монографію подъ заглавіемъ: Nimbus und Strahlenkranz in den Werken der alten Kunst. Aus den Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences. St.-Pét. 1859.), однако слѣдовало бы привести осязательную причину, почему языческій князь Олегъ снабженъ такою принадлежностью на монетѣ, которая по мнѣнію г. Кёне свидѣтельствуетъ о византійско-англосаксонскомъ вліяніи, между тѣмъ какъ на монетахъ самихъ византійскихъ императоровъ въ 9 и 10-мъ вѣкѣ такого вѣнца не встрѣчается.

Упрочивъ такимъ образомъ византійскій типъ монеты, перейдемъ къ ближайшему разсмотрѣнію самого Святаго. Уже изъ приданнаго ему вооруженія: копья и щита нельзя не заключить, что здѣсь изображенъ Святой православной церкви, знаменитый воинскими доблестями и призываемый на помощь въ бою какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми воинствами. Такихъ святыхъ, изображаемыхъ въ воинскомъ вооруженіи ратоборцевъ, было нѣсколько, какъ-то: св. Георгій, Димитрій солунскій, Θеодоръ стратилатъ, Евгеній трапезунтскій и проч. Котораго изъ нихъ именно должно разумѣть на стокгольмскомъ экземплярѣ Ярославля сребра, — этого, при очевидно грубой отдѣлкѣ портрета, нельзя рѣшить по одной только физіономіи. Копье, по толкованію нѣкоторыхъ[60]), придавалось многимъ Святымъ, по той причинѣ, что они были имъ пронзены, и о св. Георгіи въ греческихъ минеяхъ именно говорится, что тѣло его было пронзено копьемъ[61]). Но въ особенности замѣчательно то, что Святой на монетѣ явно изображенъ *безъ бороды*; а изъ руководствъ по византійской церковной живописи извѣстно, къ какимъ это можетъ отно-

---

60) Christliche Symbolik von Wolfgang Menzel. 2. Theil. Regensburg 1854, стр. 10 подъ словомъ: Lanze.

61) Menologium Graecorum iussu Basilii imperatoris graece olim editum. Pars tertia. Urbini 1727, стр. 68: ... Διὰ τοῦτο μετὰ τοῦ κονταρίου τὴν γαστέρα διατέμνεται...

ситься Святымъ. Старинное руководство къ живописи, находящееся въ рукописи въ одномъ монастырѣ на аѳонской горѣ (Ἑρμηνεία τῆς ζωγραφικῆς), кажется, не даромъ начинаетъ Главу о святыхъ мученикахъ и ихъ признакахъ (οἱ ἅγιοι μάρτυρες καὶ τὰ σχήματα αὐτῶν) исчисленіемъ *святыхъ воиновъ*:

«Святой Георгій, *молодъ, безъ бороды*;
«Дмитрій, у него усы[62]).

Хотя грудное изображеніе на стокгольмскомъ экземплярѣ Ярославля сребра не обнаруживаетъ прямо юноши, однако это слѣдуетъ приписать не столько невѣдѣнію, сколько неловкости гравера, потому что типъ св. Георгія былъ довольно установленъ и общеизвѣстенъ въ Византіи, Россіи и славянскихъ земляхъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ниже указанныя нами изображенія, заимствованныя съ монетъ, иконъ, крестовъ, коронъ, шлемовъ, рѣзныхъ камней и проч. Было ли между «крещеною Русью», съ 865 года до возведенія христіанства въ государственную религію въ 988 году, распространено поклоненіе святому Георгію, объ этомъ мы не

62) Manuel d'Iconographie Chrétienne grecque et latine avec une introduction et des notes ... traduit du manuscrit Byzantin par M. Didron. Paris 1845, стр. 321. — Das Handbuch der Malerei vom Berge Athos aus dem handschriftlichen neugriechischen Urtext übersetzt .. von Godeh. Schäfer. Trier 1855, стр. 313. О славянскомъ «Подлинникѣ» см. ниже Прилож. I.

знаемъ; но вѣрно то, что его имя уже съ 988 года на долго водворилось въ великокняжеской фамиліи.

Помѣщенная же по обѣимъ сторонамъ Святаго надпись вполнѣ убѣждаетъ насъ въ томъ, что здѣсь на монетѣ представленъ намъ ликъ св. Георгія. Надпись эта — греческая; ея буквы слѣдуютъ одна за другой параллельными линіями въ перпендикулярномъ направленіи[63]). Какъ вообще перпендикулярныя надписи, такъ и здѣсь обѣ половины слѣдуетъ читать сверху внизъ. По палеографической терминологіи надпись состоитъ болѣе изъ такъ называемыхъ уставныхъ или, по нынѣшнему выраженію, прописныхъ буквъ, чѣмъ изъ полууставныхъ. Иныя буквы по недостатку мѣста вышли помельче; другія изобличаютъ мало опытную руку, отъ чего и сомнительно, былъ ли граверъ вообще Грекъ, или скорѣе Болгаринъ, — (о Русскомъ мы не думаемъ по особенной причинѣ), — именно такой Болгаринъ, который, какъ и понынѣ многіе

63) Г. Кёне выдаетъ надпись за латинскую, тогда какъ она явно греческая. Далѣе онъ ошибся въ направленіи надписи: она не круговая, а перпендикулярная. Послѣднюю ошибку еще можно извинить нѣкоторымъ образомъ, потому что граверъ по тѣснотѣ мѣста не могъ строго соблюсти перпендикулярное направленіе. Но пусть читатели сами объяснятъ себѣ, какъ г. Кёне могъ попаеть на мысль совершенно произвольно объяснять посредствомъ латыни нѣкоторые письменные знаки, (которые *въ изображенномъ* на его рисункахъ *видѣ* не встрѣчаются ни въ греческихъ, ни въ латинскихъ письменахъ среднихъ вѣковъ), и съ такою странною самоувѣренностью упорствовать въ своемъ объясненіи!

Болгары, разумѣлъ и по славянски и по гречески. При такомъ положеніи дѣла трудно опредѣлить столѣтіе, къ которому эти греческія буквы принадлежатъ судя по ихъ виду. Вырѣзанныя по правую сторону Святаго три буквы удались всего лучше.

Объяснимъ теперь отдѣльныя буквы. Знакъ *о* есть сокращеніе, происшедшее изъ монограммы и стоитъ здѣсь вмѣсто опредѣленнаго члена ὁ и прилагательнаго: ἅγιος = *святой*. Въ примѣрахъ такаго употребленія, какъ этой монограммы, такъ и болѣе сокращенной ея формы *о*, на византійскихъ рукописяхъ и монетахъ нѣтъ недостатка[64]). Двѣ первыя буквы имени Святаго очевидно ΓΕ. Третья вверху съ лѣвой стороны Святаго правда имѣетъ видъ прямаго Ε, въ слѣдствіе чего г. Кёне и принялъ ее за *е* въ словѣ R*e*x; но это навѣрное недостаточно округленная неловкимъ граверомъ греческая ω (о мега), средняя черта которой часто удлиняется на монетахъ и рукописяхъ[65]). — Оригиналенъ видъ греческаго Ρ, которое граверъ, желая помѣстить крестъ въ видѣ 4 шариковъ, по недостатку мѣста почти слилъ во едино съ покоя-

64) См., на прим., ниже Табл. С, № 3, 4 и 2 и В, № 4 и 5. На монетѣ имп. Мануила (Т. В, 6) встрѣчается полная форма прилагательнаго: αγιος.

65) См., между прочимъ, рисунки въ Essai de classification des suites monétaires byzantines, par F. de Saulcy. Metz 1836. Planche XXXI, № 6 и ниже Табл. С, № 1. Ср. форму буквы Ѡ въ Остромір. Евангеліи.

щимся на лѣвомъ плечѣ Г, такъ что г. Кёне обѣ буквы произвольно принялъ за латинское R (въ словѣ Rex). На счетъ особенной формы Р въ надписи покамѣстъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго[66]). Послѣднія двѣ буквы I и O на монетѣ помѣщены съ боку надъ щитомъ, но вовсе не связаны между собою такъ тѣсно, какъ на рисункѣ г-на Кёне, который въ обѣихъ этихъ буквахъ вмѣстѣ видитъ латинскій знакъ вмѣсто g (въ имени Oleg). — Окончательной буквы имени, т. е. знака именительнаго падежа Σ или C, недостаетъ въ надписи по тѣснотѣ мѣста, какъ и въ другихъ памятникахъ (см. ниже Табл. B и C), гдѣ встрѣчается это имя.

Итакъ вся надпись на главной сторонѣ Ярославля сребра читается слѣдующимъ образомъ:

и означаетъ: Ὁ(ἅγιος) Γεώργιο(ς), т. е. *Святый Георгій.*

---

66) Можно догадываться, что здѣсь не обошлось безъ произвола денежника; однако такъ какъ на кіевскомъ и дерптскомъ экземплярахъ встрѣчается (см. ниже Табл. B, № 2) еще подобная и, вѣроятно, болѣе вѣрная форма буквы Р, то можно спросить: не передана ли здѣсь древнѣйшая форма этой буквы, которая находилась на предлежащемъ граверу первообразѣ? Старинныя греко-италійскія надписи, особенно этрускія, здѣсь едвали могутъ быть приняты въ соображеніе, хотя на нихъ

Подобно лицевой сторонѣ *оборотная* также окружена ободкомъ изъ точекъ (grènetis), которыя однако, судя по гальванопластической копіи, довольно истерты[67]). Все поле оборотной стороны занято фигурой, попадающеюся на всѣхъ русско-византійскихъ монетахъ, хотя въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Здѣсь она во всякомъ случаѣ сохраняетъ болѣе первобытный видъ, представляя намъ одинъ важный признакъ, котораго мы не видимъ на другихъ экземплярахъ. О прежнихъ толкованіяхъ этой фигуры, какъ трезубца, трезубчатаго свѣтильника или паникадила, хоругви и проч., нынѣ уже не можетъ быть болѣе рѣчи: фигура на стокгольмскомъ экземплярѣ Ярославля сребра снабжена *глазами*; потому что вырѣзанныя вверху два углубленія, явно отличаясь отъ трехъ находящихся въ серединѣ, рельефно выдѣланныхъ шариковъ, какъ по своему положенію, такъ и по формѣ совершенно сходствуютъ съ двумя углубленіями на ликѣ святаго Георгія. Но если фигура изображаетъ *живое* существо, то нельзя не признать въ немъ символическаго значенія. Изъ церковныхъ символовъ всего ранѣе и всего чаще встрѣчается бóльшій

встрѣчается буква Р въ видѣ V. См. на пр. De literaturae phoneticae origine atque indole disseruit. G Geisler. Berolini 1858. Tabul. u. J. Hanusch, Zur slavischen Runenfrage (въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. 18. Band. Wien 1857, pag. 96).

67) Итакъ ободокъ на рисункѣ г-на Кёне, какъ кажется, не совсѣмъ точенъ.

крестъ на оборотѣ византійскихъ монетъ. На этихъ монетахъ ликъ Богоматери (ὁδηγήτρια), иногда съ младенцомъ, и ликъ Спасителя часто являются не прежде IX вѣка.

Какой символъ должно разумѣть на стокгольмскомъ экземплярѣ Ярославля сребра, достаточно обясняется 4-мя крестами, изъ которыхъ одинъ номѣщенъ вверху, другой внизу фигуры, а прочіе два вѣроятно должны были стоять по обоимъ ея бокамъ, но не могши помѣститься тамъ въ надписи, были расположены по обѣимъ сторонамъ нижней части фигуры. Но не указываютъ ли кресты въ такомъ количествѣ на благочестивую цѣль? Если такъ, то, кажется, нельзя не признать въ фигурѣ *церковнаго* символа. Самая фигура не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ птицей, что само по себѣ ясно всякому. Какъ на этой и на другихъ монетахъ были вырѣзываемы только контуры крестовъ, такъ и здѣсь неопытный граверъ, или для облегченія себѣ труда, или по какому либо ему предлежавшему подлиннику такой же формы, сдѣлалъ, такъ сказать, только очеркъ птицы[68]). На счетъ клюва, глазъ и хвоста нельзя обо-

---

68) На оборотной сторонѣ нѣкоторыхъ монетъ послѣдняго англо-саксонскаго короля — Эдуарда Исповѣдника († 1066) встрѣчаются четыре птицы, принимаемыя нумизматами за ласточекъ или вороновъ (??). На другихъ же монетахъ тогоже короля изъ фигуръ этихъ птицъ остались лишь какія-то черты въ видѣ украшеній. См. Monnaies anglosaxonnes ... dècrites par B. C. Hildebrand. Stockholm 1846. Tab. X, H—K и ср. стр. 277—278 шведскаго текста.

знаться, а относительно крыльевъ слѣдуетъ замѣтить, что они на другихъ экземплярахъ Ярославовыхъ монетъ съ внутренней стороны нѣсколько округлены, и слѣдовательно естественнѣе[69]).

Какую же птицу должно разумѣть подъ этою фигурою и какое именно придать ей символическое значеніе? Изъ птицъ, употреблявшихся въ видѣ символовъ на христіанскихъ памятникахъ искуства, всего чаще встрѣчаются голубь и орелъ. Къ сожалѣнію христіанская церковная символика еще не разработана съ достаточною благонадежностью и во всѣхъ подробностяхъ; но мы не можемъ здѣсь не привести одного мѣста изъ Дидрона[70]): «..Ce qu'il faut dire, c'est que jusqu'au «XIe siècle la colombe seule est destinée à symboliser le Saint-«Esprit, et qu'à partir de cette époque la colombe partage cet «honneur avec l'homme». Правда, у птицы на Ярославлѣ сребрѣ недостаетъ вѣнчика или крестообразнаго сіянія, но четыре креста, которыми она окружена, явно указываютъ на ея символическое значеніе. Да и самая птица на стокгольмскомъ экземплярѣ невольно напоминаетъ собою видъ креста, а на русско-византійскихъ монетахъ, которыя Волошинскій

---

69) На пр. на дерптскомъ экземплярѣ Ярославля сребра (см. ниже Табл. В, № 2).

70) Iconographie chrétienne. Histoire de Dieu. Paris 1843, стр. 507 и ср. стр. 470 и 479.

считаетъ послѣдне чеканенными изъ нѣжинскаго клада, видъ птицы уже почти вовсе исчезъ и одно изъ ея крыльевъ прямо превращено въ крестъ[71]). Можетъ быть и *три* шарика въ серединѣ птицы слѣдуетъ понимать символически[72]). О тѣсномъ соотношеніи этой фигуры къ св. Георгію или его небесному предшественнику, архангелу Михаилу, кажется, нѣтъ никакого намека. Напротивъ того, мы скорѣе должны полагать, что птица относится къ *князю*, упоминаемому на оборотной сторонѣ монеты[73]). Птицы, изображенныя на гробницѣ Ярослава I Владиміровича (въ кіево-софійскомъ соборѣ), по

---

71) Ср. сочиненіе Тертулліана de oratione (Tertulliani opera. Pars II. Lipsiae 1839, cap. 24): «...Sed et aves nunc exsurgentes eriguntur ad coelum, et *alarum crucem* pro manibus extendunt, et dicunt aliquid, quod oratio videatur» и сочиненіе: Sinnbilder und Kunstvorstellungen der alten Christen von Friedrich Münter. 1. Heft. Altona 1825 («Das Kreuz», стр. 68 и слѣд.). См. у Волошинскаго № 21—31 и ср. особенно № 21 и 27 съ украшеніями надписи, вырѣзанной на блюдѣ черниговскаго кн. Владиміра Давыдовича († 1151. См статью А. Ѳ. Бычкова въ Запискахъ Археологич. Общества. Т. III, стр. 159). Замѣтимъ еще, что и стволы двухъ пальмъ (см. Christliche Symbolik von W. Menzel, II, 182) на гробницѣ Ярослава I (см. ниже прим. 74) имѣютъ видъ креста.

72) Такія три точки или шарика встрѣчаются на разныхъ средневѣковыхъ монетахъ и въ извѣстныхъ случаяхъ, конечно, служать лишь одниимъ украшеніемъ. Для примѣра мы укажемъ только на монету византійскаго императора Романа IV Діогена († 1071), на оборотной сторонѣ которой (см. у Saulcy, Planche XXV, № 6) изображенъ ликъ Спасителя и по обоимъ бокамъ его находится три точки. Столько-же точекъ и еще три раза встрѣчается на птицѣ изображенной на динарѣ Этельреда II, см. Табл. D, 2 и ниже прим. 76.

73) См. ниже Глав. IV.

видимому, должно принимать за голубей; но онѣ едвали выражаютъ здѣсь символически пареніе души праведника (Ярослава) къ небу, а скорѣе жизнь въ раю[74]). За то одна русская монета, приписываемая великому князю Василію Василіевичу Темному (1425—1462), представляетъ намъ довольно поразительную аналогію съ Ярославлимъ сребромъ. На лицевой сторонѣ этой деньги изображена не Божія Матерь, какъ думали до сихъ поръ, а *князь*, (сидящій на престолѣ), и ангелъ, вмѣстѣ держащіе крестъ по древне-византійскому обычаю. На оборотной сторонѣ круговая надпись: «князь ве-

---

74) Объ этой гробницѣ коротко упоминаетъ Карамзинъ (II, прим. 51). Ср. Кеппена Списокъ русскимъ памятникамъ. М. 1822, стр. 19. Изображеніе гробницы можно видѣть у Ивана Фундуклея (Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ. К. 1847, стр. 36.). На рисункѣ, изданномъ въ 1858 г. (Памятники и виды Кіевской, Подольской и Волынской губерній. Выпускъ первый, Кіевъ, въ листъ), птицъ, рыбъ, пальмъ и др. предметовъ не видно. При объясненіи символическаго значенія этихъ фигуръ нѣкоторымъ пособіемъ можетъ служить сочиненіе Менцеля (Christliche Symbolik von Wolfg. Menzel. 2. Theil. Regensb. 1854, стр. 182, 281, 443 и 444). Вообще о символическомъ значеніи голубя см. сочиненія приведенныя Дюканжемъ (въ его Словаряхъ подъ слов. περιστερά и columba), Минтеромъ (Sinnbilder I, 105 и рис. № 81—84), Guenebault (Dictionnaire iconographique des monuments de l'antiquité chrétienne et du moyen-âge. Tome I. Paris 1843, стр. 302 и 444) и др. — Рисунки голубя съ крестообразнымъ вѣнчикомъ у Дидрона въ Iconographie chrétienne. — Можно надѣяться что мы найдемъ еще обильнѣйшіе матеріалы о символическомъ значеніи голубя въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ дѣльнаго сочиненія Ферд. Пипера (Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst von der ältesten Zeit bis in's sechszehnte Jahrhundert).

лики» и въ кругѣ изъ точекъ парящій вправо голубь.[75]). Голуби и птицы, встрѣчающіеся на другихъ монетахъ и на печатяхъ московскаго періода, кажется, не служатъ объясненіемъ Ярославля сребра, которое впрочемъ представляетъ нѣкоторое сходство съ одной англо-саксонской монетой XI вѣка. Этотъ динарь чеканенъ королемъ Этельредомъ II (978—1013; 1014—1016), внуки котораго, въ 1018 г., хотя на короткое время, нашли убѣжище у Ярослава Владиміровича. На лицевой сторонѣ этого динаря изображенъ, вмѣсто груднаго портрета короля, — *агнецъ Божій* съ крестомъ, а на оборотной сторонѣ, вмѣсто крестовъ и благославляющей руки Божіей, обыкновенно встрѣчающихся на чеканкѣ Этельреда II, — *парящая птица*, въ которой нельзя не узнать святаго Духа въ видѣ голубя. Прибавимъ еще, что голова агнца Божія, т. е. Христосъ, окруженъ вѣнчикомъ и что голова голубя направлена къ кресту, изображенному въ видѣ трехъ шариковъ и что наконецъ тѣже самыя *три* точки, которыя

75) Эта монета была изображена Рейхелемъ (см. Die Reichelsche Münzsammlung. 1. Theil. 1842—47, № 268, Рисун. I, № 8; Зап. СПб. Археол. Общества. Т. I, 26, Рисун. I, № 8. Ср. Черткова Описаніе монетъ. М. 1834, (стр. 29 и Табл. III, 7; IV, 11) и Afbildninger fra det Kongelige Museum for Nordiske Oldsager i Kjöbenhavn. Ordnede af Worsaae. 1854, (стр. 103). Мое объясненіе лицевой стороны этой деньги, изображенной ниже на Табл. D, 3, основано на сравненіи ея съ другими монетами Василья Темнаго. Типъ этого голубя точь въ точь встрѣчается на другихъ древне-русскихъ памятникахъ.

видны на птицѣ Ярославля сребра, являются и еще три раза на птицѣ динаря Этельреда[76]).

Слѣдуетъ теперь разобрать самую надпись оборотной стороны. Она *круговая*, какъ бываетъ на византійскихъ монетахъ 9 и 10 вѣка. Но вся надпись состоитъ изъ церковно-славянскихъ буквъ, а эти не смотря на то, что граверъ былъ стѣсненъ на счетъ мѣста, главнымъ образомъ принадлежатъ къ уставному письму. Не удивительно, что отдѣльныя буквы напоминаютъ собою греческія и латинскія, потому что кирилловская азбука составилась не прежде 9-го вѣка по образцу греческаго уставнаго письма, а это въ то время еще очень сходствовало съ латинскимъ уставнымъ письмомъ, потому что оба они проистекали изъ одного общаго древняго греко-латинскаго источника; однако за всѣмъ тѣмъ на нашей надписи есть также довольно и славянскихъ особенностей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что русско-византійская монета предста-

76) Упомянутая монета Этельреда II, найдена на островѣ Готландѣ и изображена у Гильдебранда (Monnaies anglosaxonnes, Tabl. IV, Typ. G, и ср. шведскій текстъ на стр. 29), который и указываетъ на другой экземпляръ этой монеты. См. ниже Табл. D, 2 и ср. Гл. IV. На птицу, изображенную на монетѣ Этельреда, мною обращено было вниманіе до полученія гальванопластической копіи Ярославля экземпляра изъ Стокгольма, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать и другіе. Г. Кёне былъ руководимъ подобной же догадкою. Но какимъ образомъ онъ развилъ ее, объ этомъ пусть судятъ сами читатели. См. выше стр. 53. Видѣть въ птицѣ Ярославля сребра подражаніе англо(?)-датскому ворону, не дозволяетъ и христіанская символика.

вляетъ надписи на двухъ разныхъ языкахъ. Должно полагать (см. ниже Гл. IV), что граверъ по всей вѣроятности имѣлъ передъ собою *русско-греческій* образецъ св. Георгія. Далѣе, замѣтимъ, что и на нѣкоторыхъ экземплярахъ такъ называемой черниговской медали также имѣется греческая и славянская надпись. Довольно разительное сходство представляетъ надпись на печатяхъ, привѣшенныхъ къ пергаминнымъ грамотамъ 1356 г., великаго князя московскаго, Іоанна Іоанновича. На лицевой сторонѣ славянскими буквами вырѣзана греческая надпись: «**агиωсъ їω**», т. е. св. Іоаннъ, а на оборотной надпись: «**печать кнѧзѧ великого ївана ивановича**»[77]).

Чтеніе круговой надписи, занимающей собою все пространство монеты, не затруднительно, даже и въ томъ случаѣ, еслибы кто сначала поколебался, откуда начать чтеніе. Извѣстно, что на грамотахъ, по благочестивому обычаю среднихъ вѣковъ, передъ первымъ словомъ весьма часто ставится *крестъ*, а въ концѣ грамотъ нерѣдко прибавляется слово *аминъ*. На нѣкоторыхъ монетахъ крестомъ, ясно, хотѣли обозначить начало чтенія. Надпись Ярославля сребра имѣетъ два креста: одинъ меньшій и другой бóльшій; послѣдній подъ хвостомъ

---

77) Эти серебряныя вызолоченныя печати изображены въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Часть I, стр 41 и 43. Ср. у Карамзина (IV, прим. 386).

птицы[78]). Есть довольно монетъ среднихъ вѣковъ, на которыхъ круговая надпись начинается внизу съ лѣва на право. Передаемъ всю надпись, кромѣ 2-ой и 7-ой буквы, церковно-славянскими буквами, вырѣзанными по образцу (новгородскаго) Остромирова Евангелія 1056—57 года:

† ЯROСЛАО † ЛЕ СРЕБРО

или русскими буквами: *Ярославле сребро*[79]).

Что касается до отдѣльныхъ буквъ, то мы замѣчаемъ на этой круговой надписи два разныхъ знака для звука Р. Это на первый взглядъ возбуждаетъ подозрѣніе на счетъ древности надписи. Уже въ надписи на лицевой сторонѣ мы нашли особенный знакъ для греческой буквы Р, которая въ своей славянской формѣ дважды является въ словѣ: СРЕБРО. Напротивъ того въ прилагательномъ *Ярославле* встрѣчается буква, совершенно похожая на латинское R. Какъ объяснить это? Всего естественнѣе полагать, что болгарскій граверъ допустилъ византійско-латинское R, встрѣчающееся еще довольно

---

78) Надобно замѣтить, что этотъ крестъ на стокгольмской гальванопластической копіи не много больше, чѣмъ вышелъ, виною петербургскаго гравёра, на рисункѣ B, № 1.

79) Мы воздерживаемся отъ всякихъ замѣчаній на счетъ того, какъ г. Кёне читаетъ надпись, а для объясненія читателю скажемъ только, что онъ, не заботясь о большемъ крестѣ, искалъ начало у малаго креста, т. е. изъ *ле* сдѣлалъ латинскій слогъ Re.

часто на византійскихъ монетахъ 11 вѣка[80]). Иныя буквы въ круговой надписи не хорошо удались граверу, какъ именно в въ словѣ: Ярославле[81]).

---

80) Едвали можно полагать, чтобы гравёръ былъ Европеецъ романскаго или германскаго происхожденія и чтобы онъ, какъ потомокъ норманскихъ родителей или праотцевъ, вставилъ отдѣльную руну, какъ иногда дѣлали латинскіе писатели на западѣ. Сѣверная руна для звука R правда похожа на него, но въ своей обыкновенной формѣ слишкомъ отличается отъ R круговой надписи (См. впрочемъ выше въ прим. 66 приведенное сочиненіе Гануша и руническія азбуки на стр. 372 датскаго журнала: Annaler for Nordisk Oldkyndighed og Historie... 1855. Kjoebenhavn.). Греческое P правда только сокращеніе болѣе стариннаго R, но принадлежитъ весьма раннему времени. Итакъ надобно полагать, что граверъ, знавшій греческія и латинскія письмена, вставилъ латинское R по какой-либо прихоти. Это впрочемъ легче объясняется, чѣмъ странная форма P въ греческой перпендикулярной надписи. Первые императоры, бывшіе въ Византіи, пришли изъ Рима, по имени котораго Константинополь даже былъ прозванъ новымъ Римомъ (Ἡ Νέα Ρώμη; см. Уч. Зап. И. Акад. Наукъ по I и III Отдѣленіямъ, 1854, Т. II, стр 428); по тому природный языкъ ихъ былъ латинскій, который долго оставался въ Византіи дѣловымъ языкомъ, такъ что даже императоръ Управда-Юстиніанъ († 565), коего дядя Управда-Юстинъ переселился въ Константинополь изъ Илляріи, какъ истый Славянинъ, повелѣлъ составить свой знаменитый «Сводъ» на латинскомъ языкѣ и даже называлъ этотъ языкъ своимъ отечественнымъ (πάτριος φωνή). Монетныя надписи византійскихъ императоровъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій также оставались латинскими. Позже начали примѣшивать греческія буквы и слова. Особенно часто употреблялось латинское R, такъ что встрѣчается MR-ΘY вмѣсто MP-ΘY (= Божья матерь, Богородица) и царь RωMAIωN (Ромеевъ = Византійцевъ). Даже въ XII вѣкѣ, когда греческія буквы одержали верхъ, латинское R еще попадается, хотя уже рѣже.

81) Не смотря на то, что эта буква, точно изображенная на рисункѣ B, № 1, имѣетъ почти видъ четыреугольника, она едвали примыкаетъ къ формѣ □ буквы В

Занимательна и даже важна форма слова: «сребро», потому что въ русской надписи собственно слѣдовало бы ожидать «серебро», уже встрѣчающееся и у Нестора. Не указываетъ ли это, такъ какъ и употребленіе византійско-латинскаго R. на то, что денежникъ или серебряныхъ дѣлъ мастеръ (по церковно-славянски *сребростьчьць* = ἀργυροκόπος) былъ не Русскій, а южный Славянинъ, и именно Болгаринъ? Въ переведенныхъ съ Греческаго договорахъ Олега и Игоря 907 и 945 годовъ встрѣчаются уже чисто-болгарскія формы «*злато*» и «*сребро*», которыя однако едва ли были употребительны въ велико-русскомъ разговорномъ языкѣ.

Значеніе «сребра» ясно, какъ скоро мы примемъ это слово за болгарскій нумизматическій терминъ. Сосѣдніе Византійцамъ Болгары придавали своему выраженію «сребро» значеніе серебряныхъ денегъ или денегъ вообще, по аналогіи съ греческимъ ἀργύριον, которое уже въ древности употреблялось въ смыслѣ серебряныхъ денегъ и денегъ вообще. Всего соотвѣтственнѣе было бы передать слово *сребро* на монетѣ Ярослава

въ русской скорописи. Должно полагать, что рѣзчикъ сдѣлалъ промахъ: онъ первоначально хотѣлъ, по видимому, вырѣзать слогъ *ле* (Ярослав*ле*) на лѣвой сторонѣ птицы, но ему помѣшалъ крестъ. Г. Кёне принимаетъ букву В (см. выше стр. 53) лишь за украшеніе; но это толкованіе происходитъ отъ невѣрнаго рисунка, имъ самимъ сдѣланнаго. См. ниже Табл. А и ср. снимокъ въ берлинскомъ нумизматическомъ журналѣ.

церковно-славянскимъ *сребрьникъ* (по русски: серебреникъ, по польски «śrébrnik», по нѣмецки «Silberling», по латыни среднихъ временъ «moneta argentea»[82]).

Описавъ, сколько возможно было на основаніи гальванопластическаго снимка, стокгольмскій экземпляръ Ярославля

82) Древне-греческое слово ὁ ἄργυρος означаетъ преимущественно серебро какъ металлъ. Отсюда происходитъ уменьшительное τὸ ἀργύριον, въ смыслѣ чеканнаго серебра и денегъ вообще. Замѣчательно, что у Ульфилы и въ Остромиров. Евангеліи два мѣста греческаго текста одинаково передаютъ словами *сребро* и silubr, *сребрьникъ* и silubrein. Въ Еванг. Матѳ. 27, 3—5 говорится о Іудѣ: възврати 30 сребрьникъ (silubrinaize)... и повьргъ сребро (silubr) въ црькъви = ἀπέστρεψε τὰ τριάκοντα ἀργύρια.. καὶ ῥίψας τὰ ἀργύρια ἐν τῷ ναῷ.. Впрочемъ въ Византіи, въ смыслѣ: «серебреника» были также въ употребленіи выраженія: ἀργυροῦς, δηνάριον, μιλλιαρήσιον, ἄσπρος, ἄσπρον и др. Въ Еванг. Лук. X, 35 читается: изьмъ дъва съребрьника = ἐκβαλὼν δύο δηνάρια и въ Ев. Іоанна XII, 5: и чесо ради мvро се не продано бъість на трьхъсътѣхъ сърeбрьникъ (у Ульфилы: skatte) = διατί τοῦτο τὸ μύρον οὐκ ἐπράϑη τριακοσίων δηναρίων. Если готеское skatts уже въ IV вѣкѣ употреблялось для означенія опредѣленной серебряной монеты, то удивляться нечему, что родственное славянское *скотъ* имѣло уже при в. кн. Ярославѣ I значеніе *денегъ* вообще и что *скотолюбье* (см. Посланіе митрополита Іоанна II, 1080—1088, къ черноризцю Іакову у Карамзина, II, прим. 158) и *кунолюбье* (см. выше на стр. 6) на Руси въ XI вѣкѣ замѣняли церковное выраженіе *сребролюбье*. Такъ какъ «сребро» на Руси часто употреблялось въ смыслѣ чеканной деньги, то естественно, что выраженіе: «серебреникъ» и подобныя формы довольно рѣдко встрѣчаются въ литературныхъ памятникахъ. См. у Карамзина, I, прим. 214; II, прим. 284 и ср. Новгор. I лѣтоп. подъ 1200 г. Въ 1115 г. Владиміръ Всеволодовичь Мономахъ при перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба «повелѣ метати поволокы, фофудью и орничѣ, и бѣль» для народа. Въ ипатьев-

сребра, слѣдуетъ еще опредѣлить отношеніе его къ тождественнымъ между собою экземплярамъ кіевскому и дерптскому. Здѣсь раждается вопросъ: который экземпляръ былъ чеканенъ прежде и что побудило рѣзчика штемпеля или одного изъ двухъ рѣзчиковъ, при гравированіи втораго, позднѣйшаго экземпляра уклониться отъ прежняго?

По разнымъ причинамъ должно полагать, что оба штемпеля были произведеніемъ не одного и тогоже рѣзчика. Притомъ вѣроятно Ярославъ или его «скотникъ» разными соображеніями побуждены были чеканить серебреники не одинаковой величины и достоинства. Между тѣмъ какъ стокгольмскій экземпляръ не болѣе 21 миллиметра, величина дерптскаго составляетъ ровно 27 миллиметровъ: первый (почти) съ 20-ти копѣечникъ, а второй (почти) съ 30-ти копѣечникъ величи-

---

скомъ спискѣ кіевской лѣтописи прибавлено къ слову *бѣль*: ово же *сребреники*. Ср. у Кар. II, прим. 215. Если это толкованіе (glossa) вѣрно, то слово *бѣль*, очевидно, соотвѣтствуетъ средневѣковымъ нумизматическимъ выраженіямъ: albus, le blanc, Witten(pfennig) или Weiss(groschen), византійскому ἄσπρος или ἄσπρον, и подобнымъ словамъ въ западно-словянскихъ языкахъ. Названіе: Ἄσπρα.. λεγόμενα Κομνήνατα, упоминаемыя въ грамотѣ (1365 г.) трапезунтскаго императора Алексія III изъ рода Комниновъ (см. у Фальмерайера, Original-Fragmente zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt, p. 90 и 148, и сочиненіе подъ заглавіемъ: Essai sur les Aspres Comnénates, ou Blancs d'argent de Trébisonde, «Ἄσπρα λεγόμενα Κομνήνατα» par F. de Pfaffenhoffen. Paris 1847, p. 73) точно также произошло отъ фамиліи трапезунтскихъ императоровъ, какъ названіе «Ярославле сребро» отъ имени великаго князя русскаго.

ною. Почти въ такой же пропорціи разнится и вѣсъ стокгольмскаго экземпляра отъ вѣса двухъ прочихъ экземпляровъ[83]); обтертая кіевская монета вѣсила 53 аптекарскихъ грана, дерптская же вѣситъ $60\frac{5}{7}$ грановъ, такъ что только немногіе экземпляры нѣжинскихъ серебрениковъ довольно близко подходятъ вѣсомъ къ дерптской. Отношеніе количества серебра въ обѣихъ монетахъ, малой и бóльшей[84]), покамѣстъ должно оставаться неопредѣленнымъ.

На бóльшемъ экземплярѣ замѣтно бóльше искуства и опытности со стороны гравера. Впрочемъ нельзя не принять въ соображеніе и того, что граверъ малаго сребра былъ очень стѣсненъ на счетъ пространства, тогда какъ рѣзчикъ кіевскаго и дерптскаго экземпляровъ имѣлъ возможность точнѣе отдѣлить буквы, правильнѣе расположить кресты и вообще лучше украсить всю монету. Могло быть, хотя это и не вѣроятно, что граверъ меньшаго экземпляра имѣлъ передъ собою бóльшій, правильнѣйшій и красивѣйшій; а въ такомъ случаѣ слѣдовало бы предположить, что онъ не только весьма неловко

---

83) См. выше стр. 63. Въ новомъ Каталогѣ генерала Шуберта (Catalogue... Première Partie. Carlsruhe 1857) помѣщено: «Table pour la réduction des grammes en zolotniki et doli».

84) Названіе: μέγα ἀργύριον едвали служитъ объясненіемъ отношенія большаго экземпляра Ярославля сребра къ меньшему. Впрочемъ въ Византіи были въ употребленіи серебряныя монеты разной цѣнности.

подражалъ своему образцу, но и нарочно исказилъ лучшее устройство цѣлаго на бо́льшемъ экземплярѣ. Старшинство меньшаго экземпляра передъ бо́льшимъ становится еще вѣроятнѣе, если ближе сличить ихъ между собою въ частности. И греческія, и славянскія буквы не совсѣмъ сходствуютъ между собою на обѣихъ монетахъ.

Греческая надпись на бо́льшемъ экземплярѣ та же самая, даже до загадочной формы буквы P (см. выше прим. 66). И на ней также недостаетъ знака именительнаго падежа Σ или C. Однако форма буквы E на обоихъ различна и можетъ быть подтверждаетъ нѣкоторымъ образомъ наше мнѣніе о старшинствѣ меньшаго сребра[85]). Изображеніе святаго Георгія на

85) Первобытная греко-италійская форма буквы E въ греческой письменности весьма давно получила форму Є, перешедшую въ томъ самомъ видѣ въ коптскую, готскую и славянскую азбуки. Достовѣрно, что на средне-греческихъ надписяхъ, встрѣчающихся на нумизматическихъ и другихъ памятникахъ, форма E, въ сравненіи съ формой Є, весьма рѣдко попадается. Мы съ намѣреніемъ указываемъ на одну монету, чеканенную около 1075 г. и изображающую на лицевой сторонѣ императора Михаила VII Дуку (см. Essai de classification des suites monétaires byzantines par de Saulcy, стр. 313) и его супругу Марію, (дочь Баграта IV: см. Ученыя Записки И. Акад. Наукъ по I и III Отдѣл. Томъ II. 1854, стр. 710, прим. 3), а на оборотной: Божью Матерь съ младенцемъ Іисусомъ На ней (см. у Дюканжа, Familiae Byzantinae, стр 159) читается: XΘKE (= Deipara). Итакъ нѣтъ настоящей причины сомнѣваться въ правильномъ чтеніи надписи:.. 'EN Χριστῷ πιστός на портретѣ императора Михаила Дуки, вырѣзанномъ на венгерской коронѣ (см. Приложеніе I). Въ одной надписи, (см. у Дюканжа, Familiae Byzantinae

бóльшемъ сребрѣ, сообразно съ правилами византійскаго иконописанія, является въ видѣ юнаго, безбородаго воина съ кудрявыми волосами. Пряжка, которою на правомъ плечѣ прикрѣплена воинская мантія, видна явственно; а равно и кисти на правомъ плечѣ. Вообще весь ликъ св. Георгія столько соотвѣтствуетъ первообразу, въ томъ видѣ, какъ онъ оказывается изъ сличенія разныхъ византійскихъ и древне-русскихъ изображеній (см. Прил. I), что надобно предполагать, что второй рѣзчикъ штемпеля вѣрнѣе перваго придерживался предлежавшаго ему образца, которымъ служилъ для него какой-либо еще неизвѣстный намъ доселѣ видъ сребра Ярославля или какой нибудь другой памятникъ. Еслибы буква Р не была сходна на обоихъ экземплярахъ, то можно бъ было подумать, что каждый изъ двухъ граверовъ имѣлъ особый образецъ. Бóльшій экземпляръ еще тѣмъ отличается отъ меньшаго, что имѣетъ двойной ободокъ изъ точекъ или шариковъ, въ слѣдствіе чего граверъ нашелъ для себя возможнымъ помѣстить 4 креста на приличныхъ мѣстахъ, а именно въ видѣ шариковъ (см. выше стр. 65).

стр. 233) относящейся къ императору Михаилу VIII Палеологу Комнину († 1282) и его семейству, буква Е встрѣчается 7 разъ. И на одномъ экземплярѣ т. назыв. черниговской гривны встрѣчается Е.

Имя св. Георгія на византійскихъ монетахъ и печатяхъ (σφραγίσμα) часто бывало вырѣзано въ видѣ монограммы, но на всѣхъ другихъ до сихъ поръ мнѣ извѣстныхъ среднегреческихъ памятникахъ вездѣ читается: ΓЄωΡΓΙΟΣ (или … ΟС).

Вѣроятно, онъ былъ наведенъ на это меньшимъ экземпляромъ, на которомъ уже имѣется крестъ въ видѣ шариковъ[86]).

На оборотѣ бóльшаго экземпляра также замѣтны кое-какія различія. Изображеніе птицы въ нѣкоторомъ отношеніи менѣе пропорціонально и отъ того не такъ явственно: клювъ не такъ остеръ, а потому не мудрено, что на немъ доселѣ не было замѣчено глазъ. Изъ сличенія съ стокгольмскимъ экземпляромъ оказывается однако, что денежникъ Ярослава отнюдь не упустилъ изъ виду глазъ предлежавшаго ему образца: но онъ не выразилъ ихъ въ углубленномъ видѣ, а только въ видѣ двухъ шариковъ, которые притомъ, служа какъ бы только украшеніемъ, помѣщены на нижней части крыльевъ. Вѣроятно, онъ не находилъ для нихъ довольно мѣста на головѣ. Съ другой стороны внѣшніе очерки птицы вышли яснѣе отъ того, что крылья къ низу округлены. Конечно, не случайно то, что на бóльшихъ экземплярахъ, на золотыхъ монетахъ Владиміра и на нѣжинскихъ серебреникахъ голова обращена къ низу: это, какъ мы увидимъ изъ Главы IV, намекаетъ на символическое значеніе птицы.

Круговая надпись, помѣщенная между изображеніемъ

86) На рисункѣ кіевскаго экземпляра размѣщеніе шариковъ, кажется, правильнѣе, чѣмъ на второмъ рисункѣ дерптскаго экземпляра, о чемъ см. ниже «Объясненіе рисунковъ».

птицы и меньшимъ ободкомъ, начинается (также какъ и на меньщемъ экземплярѣ) съ крестика по близости хвоста, и византійско-латинское R является чисто церковно-славянскимъ Р, но эта буква всего яснѣе на рисункѣ кіевскаго экземпляра. Также форма в на бо́льшихъ экземплярахъ обыкновенная церковно-славянская. Совершенно русское вліяніе обнаруживается изъ вставки ъ между двумя первыми буквами слова *сребро*. Примѣненіемъ русской формы граверъ очевидно хотѣлъ поддѣлаться подъ русскій простонародный выговоръ. Какъ въ то время русское правописаніе еще не было установлено и авторы или переписчики состояли подъ вліяніемъ церковно-славянскаго или старо-болгарскаго языка, слѣдовавшаго особымъ законамъ фонетики, то граверъ для выраженія русскаго серебро прибѣгнулъ къ полугласной ъ, которая въ то время на старо-болгарскомъ языкѣ имѣла еще живое значеніе. Этимъ онъ дозволилъ себѣ тотъ же самый способъ, какъ и новгородскій писецъ Остромірова Евангелія въ 1056—1057 годахъ, — слѣдовательно нѣсколько лѣтъ спустя по кончинѣ Ярослава. Въ этой-то рукописи церковно-славянская форма *сребро* употреблена дважды, *ср*ебрьникъ 1 разъ, а напротивъ того славяно-русскія формы *сър*ебро 6 разъ, *сър*ебролюбьць 2 раза, *сър*ебрьникъ 7 разъ[87]).

---

87) Полугласная буква ъ въ старо-болгарскомъ языкѣ, конечно, болѣе замѣ-

Крестовъ на оборотѣ двухъ бо́льшихъ монетъ Ярослава имѣется вмѣсто 4 только 1, а именно передъ начальною буквою главной надписи. Прочіе кресты денежникъ могъ бы помѣстить въ ихъ настоящемъ видѣ, или въ видѣ шариковъ, по краямъ монеты, но онъ предпочелъ размѣстить между обоими ободками 4 буквы, которыя вмѣстѣ образуютъ собою слово **АМНН**, однако безъ окончательнаго знака. По его мнѣнію это слово, столь часто встрѣчающееся въ библіи и въ

няла гласныя буквы *у* и *о*, чѣмъ *е*. См. статью Шлейхера: Was vertritt im Litauischen die Stelle von ъ und ь? (въ сочиненіи: Die Sprachen Europas.... 1850) и П. Билярскаго, О средне-болгарскомъ вокализмѣ. Изд. II. СПб. 1858, стр. 65 и слѣд.

Приписка. Оставляю свою догадку о значеніи знака ъ въ формѣ *съребро* такъ, какъ она первоначально мною была написана, но не смѣю надѣяться что всѣ лингвисты согласятся съ этимъ взглядомъ. А. Х. Востоковъ находитъ употребленіе полугласной ъ, въ замѣнъ буквы *е*, въ *этомъ* словѣ возможнымъ. Иные же скажутъ: Если денежникъ Ярослава захотѣлъ выразить русское *е* съ предъидущей мягкой согласной, — *полугласною*, то взялъ бы для этого *ь*, а не *ъ*, какъ мы читаемъ на прим. въ готляндской редакціи смоленскаго договора 1229 года то «серебро», то серьбро». Но покуда еще не могу совсѣмъ отказаться отъ своего мнѣнія. Древне-болгарская полугласная ъ, довольно часто употребляемая русскими писцами для выраженія звука *о* или *у* (на пр. въ словѣ: Тъмоуторокань на надписи таманскаго камня 1068 г.), конечно могла бы быть въ русской формѣ: «съребро», безгласнымъ знакомъ, какъ это бывало во многихъ другихъ случаяхъ. Но положимъ что писецъ Остромірова Евангелія по особой прихоти расположенъ былъ вставить безгласный ъ въ болгарскомъ словѣ: «сребро», то все-таки кажется страннымъ, что онъ позволилъ себѣ этотъ произволъ *пятьнадцать* разъ.

литургическихъ сочиненіяхъ, хотя и неупотребительное по видимому на чисто византійскихъ монетахъ, было совершенно умѣстно на монетѣ, снабженной столь многими священными эмблемами. Можетъ быть не случайно начальная буква а поставлена передъ самымъ окончаніемъ главной надписи... о. Точно такъ въ видѣ *удостовѣренія* встрѣчается *Аминъ* въ концѣ средневѣковыхъ грамотъ еще задолго до Ярослава, а на одномъ видѣ такъ называемыхъ черниговскихъ медалей имѣется церковно-славянская надпись:

✝гн помоꙃи расоу своıемꙋ васиλигꙗ̆ амин (безъ ѣ).

Изъ предъидущаго неопровержимо оказывается, что рѣзчикомъ меньшаго и бо́льшаго вида Ярославля сребра было не одно и тоже лице, и что первая изъ этихъ монетъ была чеканена прежде. Что же касается до ихъ національности, то едвали можно полагать, что они были Греки. Греческія буквы ни на одной изъ обоихъ родовъ монетъ не имѣютъ, кажется, чисто византійскаго характера. Итакъ надо полагать, что по крайней мѣрѣ одинъ изъ граверовъ былъ Болгаринъ, который, хотя подобно многимъ нынѣшнимъ своимъ единоземцамъ, разумѣлъ по гречески, однако былъ болѣе знакомъ съ славянскими, нежели съ греческими письменами. Распространенію славяно-русской письменности на Руси уже до Владиміра Великаго положили начало, конечно, не Греки,

а Болгаре. И когда «посласта цари (Василій II и Констан-«тинъ XI) свою сестру (т. е. близкую родственницу, болгар-«скую княжну) Анну и сановники ея и прозвитери» къ Владиміру, то въ числѣ посланныхъ безъ сомнѣнія находились не одни Греки, не умѣвшіе совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ.

Второй же граверъ, употребившій вмѣсто болгарской формы *сребро* славяно-русское *съребро* и поставившій вмѣсто византійско-латинскихъ буквъ R и E чисто византійскія P и Є, могъ быть и русскій инокъ или священникъ. Во всякомъ случаѣ, въ предѣлахъ греко-славянскаго міра онъ былъ для своего времени не совсѣмъ обыкновеннымъ художникомъ, и обладалъ нѣкоторыми познаніями и вкусомъ, хотя бы и самъ Ярославъ подалъ ему основную идею къ украшенію монеты. А что великій князь въ этомъ дѣлѣ самъ участвовалъ, то въ томъ, судя по всему, что намъ извѣстно о его любви къ образованію и о его заботахъ касательно распространенія христіанства, кажется, нельзя сомнѣваться.

IV. Почему должно приписать Ярославле сребро великому князю Ярославу I Владиміровичу?

Конечно никому уже болѣе не придетъ на мысль относить русско-византійскія монеты къ татарскому періоду. Правда, на печатяхъ и монетахъ и этого времени попадаются иныя византійскія изображенія и эмблемы; но они по своему началу или относятся ко времени до 13-го и 12-го вѣка, или заимствованы у чужихъ народовъ, которые сами были нѣкогда болѣе или менѣе подвержены вліянію Византіи или христіанскаго востока вообще. Старинныя русско-византійскія монеты, по ихъ опредѣлительно-выраженному характеру, нельзя *тѣсно* сближать даже съ славянско-византійскими монетами Сербовъ и Болгаръ 13-го и слѣдующихъ вѣковъ. Если мы и согласимся, что при тѣхъ особыхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ искуства водворились и были воздѣлываемы въ древней Руси, то трудно по одному проекту и по способу отдѣлки «Ярославля сребра» заключать о его вѣкѣ, и если мы

даже сдѣлаемъ уступку въ томъ, что палеографическія и ороографическія особенности на надписяхъ этихъ монетъ не могутъ еще служить рѣшительнымъ мѣриломъ ихъ древности, то все же нельзя не сознаться, что между монетами нѣжинскаго клада, принадлежащими разнымъ князьямъ удѣльнаго періода, и между экземплярами Ярославля сребра замѣтно большое разстояніе времени. На серебреникахъ нѣжинскаго разряда мы не видимъ развитія и усовершенствованія художественной техники и вкуса, перенесенныхъ изъ Византіи, а видимъ, напротивъ, упадокъ ихъ. Однимъ словомъ, нѣжинскіе серебреники являются намъ скорѣе произведеніемъ автодидактовъ, чѣмъ дѣйствительно обученыхъ техниковъ, между тѣмъ какъ особенно бóльшіе экземпляры Ярославля сребра были произведеніемъ человѣка, обладавшаго вкусомъ и искуствомъ и умѣвшаго работать по образцамъ вовсе не дурнымъ въ своемъ родѣ. Но вѣкъ чисто византійскаго искуства въ древней Руси на вѣрное продолжался не далѣе конца 11-го столѣтія. Призванные Владиміромъ и сыномъ его Ярославомъ, именно для сооруженія великолѣпныхъ храмовъ, греческіе художники, какъ кажется, вовсе не успѣли образовать учениковъ достойныхъ себя. Византійское искуство съ тѣхъ поръ во многихъ отношеніяхъ измѣнялось и болѣе и болѣе преобразовывалось въ русско-византійское. Этому не мало содѣйствовали самыя об-

стоятельства времени. Болѣе и болѣе проходила эпоха отважной предпріимчивости, и все сильнѣе обнаруживался духъ смиренія и вмѣстѣ внутренняго раздора. Россія, переставъ быть морскою державою, ограничилась рѣчнымъ судоходствомъ, а тѣмъ самымъ все болѣе отказывалась отъ непосредственной торговли съ чужими краями, которую на сѣверозападѣ привлекла къ себѣ Ганза, начиная отъ Волхова до Полоты и Нѣмана, торговлю же съ востокомъ нарушали напиравшіе съ азіатскаго сѣверовостока тюркскіе народы — Печенѣги и Половцы, предшественники Татаръ. Эти дикіе конные народы рѣшительно затрудняли также сношеніе южной Россіи съ Византіей, такъ что на пр. въ 1168 году одиннадцать князей съ своими дружинами должны были сопровождать караванъ «гречниковъ» для защиты ихъ отъ Половцевъ. Да и самая потребность большаго сношенія съ Византіей по разнымъ причинамъ не была уже столь ощутительною; а съ 1204 года стала еще слабѣе.

Къ сожалѣнію, изъ той эпохи, когда византійское искуство развивалось въ Россіи во всей его чистотѣ, мало дошло до насъ памятниковъ, которые могли бы служить къ непосредственному сличенію съ Ярославлимъ сребромъ. Сохранился впрочемъ *одинъ* изъ нихъ, при разсматриваніи котораго нельзя не вспомнить объ этой монетѣ: это достопримѣчательная мра-

морная гробница Ярослава Владиміровича, усѣянная символическими изображеніями, въ софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ (см. выше примѣчаніе 74). Еслибы у насъ и не было другихъ извѣстій о времени Ярослава, то одинъ этотъ памятникъ, воздвигнутый, вѣроятно, около 1055 году, могъ бы нѣкоторымъ образомъ ослабить сомнѣніе о томъ, можно ли приписывать Ярославле сребро Ярославу I. Но мы имѣемъ еще историко-нумизматическія доказательства, которыя не дозволяютъ даже и думать о какомъ-либо другомъ Ярославѣ, кромѣ перваго князя этого имени. Такъ какъ прежнія сомнѣнія на счетъ такого объясненія монеты до сихъ поръ еще существуютъ въ Россіи и внѣ ея между уважаемыми знатоками русскихъ и византійскихъ древностей и монетъ, то мы должны войти здѣсь въ разныя подробности для окончательнаго, по возможности, поясненія этого вопроса.

Князей съ именемъ Ярослава съ XI до половины XIII вѣка извѣстно около 20, и они княжили во всѣхъ частяхъ тогдашней Руси[88]). Потому съ перваго взгляда кажется очень затруднительнымъ, кому изъ нихъ приписать Ярославле сребро, особенно если сообразимъ, что вѣроятно каждый владѣ-

88) См Изслѣдованія М. Погодина. Томъ VI, стр. XX. И въ Витебскѣ является еще въ XIV вѣкѣ, князь Ярославъ, отецъ первой супруги в. кн. Ольгерда, названной Маріею. Многіе изъ удѣльныхъ князей намъ даже по имени не извѣстны.

тельный князь въ продолженіе удѣльнаго періода былъ въ правѣ отливать деньги въ видѣ золотыхъ или серебряныхъ гривенъ (см. выше примѣчаніе 1). И врядъ ли какой либо великій князь имѣлъ власть запретить удѣльнымъ князьямъ того времени снабжать золотые или серебряные слитки, или кожаныя деньги, «знаменемъ», какъ бы вмѣсто штемпеля. Чеканить монету было дозволено инымъ удѣльнымъ князьямъ, хотя при другихъ обстоятельствахъ, въ татарскій періодъ. Но странно было бы принять, что древнѣйшіе экземпляры денегъ русскаго чекана происходили только отъ какихъ либо удѣльныхъ князей, соименныхъ Ярославу и Владиміру. Это конечно скорѣе было дѣломъ великихъ князей всея Руси, которые имѣли свою столицу въ Кіевѣ, гдѣ наиболѣе водворилось византійское образованіе. Да и вообще, кромѣ великихъ князей кіевскихъ, почти никакому другому князю не были приписываемы русско-византійскія золотыя и серебряныя монеты съ именемъ Ярослава и Владиміра, исключая только Ярослава галицкаго (1152—1187; см. выше стр. 47). Но противъ этого слѣдуетъ замѣтить, что въ Галиціи или собственно Польшѣ понынѣ не найдено ни одной русско-византійской монеты и что перенесеніе такихъ серебрениковъ изъ Галиціи въ землю эстонскую и Швецію не легко можетъ быть объяснено изъ исторіи международныхъ сношеній около 1200 года.

Сверхъ того намъ вовсе неизвѣстно, имѣлъ ли Ярославъ Владимірковичь еще христіанское имя Георгія. А что въ особенности касается его связей съ Византіей, то они главнѣйше основаны были на временныхъ отношеніяхъ, именно на преходящемъ личномъ отношеніи къ членамъ императорскаго дома Комниновъ[89]). Но въ такихъ личныхъ сношеніяхъ къ византійскому двору состояли въ 11 и 12 вѣкѣ также великіе князья кіевскіе, и — что въ настоящемъ случаѣ особенно важно — все, понимаемое нами подъ словомъ: русско-византійское образованіе, преимущественно обрѣталось въ Кіевѣ, — столицѣ, которую Адамъ бременскій († послѣ 1076) называетъ (см. выше прим. 53) «прославленнымъ украшеніемъ византійскаго міра».

89) Ярославъ Владимірковичь (-Володаревичь) Осмомыслъ имѣлъ свою столицу въ Галичѣ. Онъ былъ въ какомъ-то родствѣ съ византійскими Комнинами (см. Ученыя Записки Акад. Наукъ по I и III Отдѣл. Томъ II, 715, 721, 788; III, 742), изъ которыхъ Андроникъ (впослѣдствіи, съ 1183—1185 императоръ) нашелъ, въ 1164 г., убѣжище у Ярослава Владимірковича. Кромѣ того, Ярославъ владѣлъ еще древне русскими «подунайскими городами», вслѣдствіе чего его подданные имѣли въ устьи Дуная непосредственныя сношенія съ греческими купцами. См. объ этихъ подунайскихъ городахъ сочиненіе Зубрицкаго (Исторія древняго Галичскаго-Русскаго княжества. Часть II. Львовъ 1852, стр. 101) и ср. статью Н. Надеждина (О мѣстоположеніи древняго города Пересѣчена, принадлежавшаго народу Угличамъ, въ Зап. Одесскаго Общ. Исторіи. Томъ I, стр. 235).

Съ Венгріею и Польшею имѣлъ онъ, то дружескія, то непріязненныя сношенія. Въ 1173 (или 1171) г. онъ нанялъ Ляховъ, для опустошенія луцкаго княжества «и да имъ 3000 (?) гривенъ сребра». — Перечень русскихъ источниковъ о дѣяніяхъ Ярослава см. у Погодина, Изслѣд. VI, стр. 184—186.

Ни объ одномъ изъ 20-ти князей соименныхъ Ярославу изъ періода съ 1054—1240 намъ неизвѣстно, имѣлъ ли кто изъ нихъ христіанское имя Георгія. Только двое ихъ княжили на кіевскомъ престолѣ, именно Ярославъ Изяславичь въ 1173 г., и то самое короткое время[90]) и Ярославъ Всеволодовичь въ 1236 г.[91]). Хотя послѣдній носилъ на своемъ шлемѣ изображеніе св. Георгія (см. ниже рисунокъ В, 5), но вмѣстѣ съ тѣмъ носилъ и св. Өеодора стратилата, коего имя онъ получилъ при св. крещеніи. Итакъ мы остаемся съ однимъ только Ярославомъ I Владиміровичемъ, родоначальникомъ всѣхъ русскихъ князей, за исключеніемъ полоцкихъ.

Когда Владиміръ въ 988 году возвелъ христіанство въ государственную религію, сынъ его Ярославъ, прижитый имъ въ супружествѣ съ Рогнѣдою, дочерью князя полоцкаго, по видимому, былъ еще нѣжнымъ отрокомъ, и потому христіанство скоро могло укорениться въ его душѣ. И дѣйствительно, онъ въ продолжительное свое правленіе далъ много доказательствъ своего благочестія: для него христіанство не

90) Ярославъ Изяславичь-Мстиславичь (см. у Погодина, Изслѣдов. VI, 209—211) занялъ въ 1173 г., Кіевъ лишь на короткое время.

91) О Ярославѣ-Өеодорѣ Всеволодовичѣ-Юрьевичѣ, отцѣ Александра Невскаго см. у Погодина, VI, стр. 257—267. Княживши неоднократно въ Новѣгородѣ, онъ лишь въ 1236 г. сѣлъ на столъ въ Кіевѣ, а по удаленіи Татаръ въ половецкую землю въ 1238, занялъ столъ великаго княжества владимірскаго и † 1246.

было лишь внѣшнимъ обрядомъ: онъ считалъ его вмѣстѣ средствомъ къ образованію своихъ подданныхъ. А потому справедливо замѣчаетъ лѣтописецъ, что въ его правленіе «нача вѣра хрестьяньская плодитися и расширяти». Число церквей въ «градахъ и мѣстахъ» значительно умножилось[92]), — въ одномъ Кіевѣ, по достовѣрному свѣдѣнію, въ 1018 году имѣлось ихъ около 40, — и духовенство уже до того образовалось, что въ 1051 году первый «Русинъ» по имени Иларіонъ былъ

92) Въ Несторовой лѣтописи подъ 6544 г читается: «Ярославу же сущу «Новѣгородѣ, вѣсть приде ему, яко Печенѣзи остоять Кыевъ... и ступишася на «мѣстѣ, *идпже стоить нынп святая Софья*, митрополья Руськая; бѣ бо тогда «поле внѣ града. и бысть сѣча зла, и одва одолѣ къ вечеру Ярославъ... Въ лѣто «6545.. Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ...; заложи же и церковь святыя «Софья, митрополью, и посемъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ святое Богородицѣ «Благовѣщенье, *посемъ святаго Георія манастырь* и святыя Ирины. И при семъ «(посемъ, въ *Р.* и *Т.*) нача вѣра хрестьяньская плодитися и расширяти, и черноризьци «почаша множитися, и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа «и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ «Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы, и сниска, ими же поучащеся вѣрніи людье, наслажаются ученья божественнаго... Ярославъ же се, якоже «рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ положи въ церкви святой Софьи, «юже созда самъ; украси ю златомъ и сребромъ и съсуды церковными, въ ней же «обычныя пѣсни Богу въздають, въ годы обычныя. *И ины церкви ставляше по «градомъ и по мпстомъ*, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, «веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ «церквамъ; и умножишася прозвутери, людье хрестьяньстіи Радовашеся Ярославъ, »видя множьство церквій и люди хрестьяны зѣло...»

посвященъ въ митрополиты. Кромѣ того не должно выпускать изъ виду, что Ярославъ состоялъ въ многоразличныхъ сношеніяхъ съ западными государями, что онъ даже самъ ревностно заботился объ умноженіи памятниковъ церковно-славянской литературы, основалъ въ Новѣгородѣ школу для 300 человѣкъ дѣтей и издалъ «Русскую Правду», въ которой пени были положены по опредѣленной монетной системѣ.

Въ древней Руси въ продолженіе вѣковъ велось, что князья имѣли двойныя имена, одно «*мірское*», которое они получали при своемъ рожденій, а другое «*крестное*» или «*христіанское*», которое давалось имъ при ихъ крещеніи. Такъ великая княгиня Ольга или Эльга при своемъ крещеніи получила имя Елены, а внукъ ея Владиміръ — имя Василія. Ярославъ въ 988 году получилъ имя великомученика Георгія, которое и у его потомковъ долго сохранялось какъ мірское, и какъ крестное имя. Еще при жизни своей Ярославъ просто именовался Георгіемъ. Иларіонъ[93]) обращается къ блажен-

---

93) См. сочиненіе Иларіона: «Похвала кагану нашему Владимиру», (напеч. въ Твореніяхъ св. отцевъ въ русскомъ переводѣ. Годъ второй. Книжка 2. Москва 1844, стр. 249):

«5. Паче же помолися о сынѣ твоемъ, благовѣрномъ *Каганѣ нашемъ Георгіи*, «въ мирѣ и въ сдравіи пучину житія преплути».

Въ Церковномъ Уставѣ, приписываемомъ в кн Ярославу, читается: «Се азъ князь Ярославъ, нареченный въ святомъ крещеніи Георгій Владиміровичь».

ному Владиміру съ просьбою: «помолися о... благовѣрномъ Каганѣ нашемъ Георгіи», а равно и на западѣ отецъ королевы Анны, супруги Гейнриха I короля французскаго, обозначается у лѣтописцевъ «Rex Sclavorum Georgius» и «George Sclane Roi des Ruthènes». Безъ сомнѣнія, самъ Ярославъ, какъ государь вмѣстѣ воинственный и благочестивый гордился тѣмъ, что имѣлъ св. побѣдоносца Георгія своимъ покровителемъ. Это громко подтверждается разными фактами: сына своего Игоря онъ велѣлъ, какъ кажется, крестить по его имени и съ тѣхъ поръ имя Георгія оставалось наслѣдственнымъ въ великокняжескомъ семействѣ, такъ что у иныхъ его представителей оно заступало вмѣстѣ и мірское имя[94]). Можно даже предполагать, что Ярославъ старался *по одержаніи побѣдъ* увѣковѣчить своего покровителя особыми дѣяніями. Финскіе жители Эстляндіи, коихъ страна еще со временъ Рю-

---

94) Игорь Ярославичь былъ княземъ смоленскимъ съ 1057—1060. У Карамзина (II, прим 50) читается: «Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (Синодал. Библ. «№ 354, лист. 257) одинъ сынъ Ярославовъ названъ Романомъ, другой *Юрьемъ* «(вѣроятно Игорь), а третій Андреемъ». Эта догадка исторіографа получаетъ нѣкоторую вѣроятность отъ того, что Игорь Святославичь († 1202), герой Слова о полку Игоревѣ, назывался также Георгіемъ. См. Кіевскую лѣтопись подъ 6659: «Родися у него (Святослава) сынъ и нарекоша имя ему въ святомъ крещеньи Георгій, а мирьскій Игорь». На основаніи разныхъ примѣровъ можно полагать, что при нареченіи новорожденныхъ князей иногда выбирали имя, имѣющее нѣкоторое созвучіе съ мирскимъ именемъ. См. еще ниже въ Прилож. I о Егорьѣ храбромъ

рика составляла часть государства, при в. кн. Ярославѣ I оказались столь независимыми, что онъ въ 1030 году самъ выступилъ противъ нихъ и побѣдилъ ихъ. Для упроченія надъ ними своего господства онъ заложилъ на рѣкѣ Эмбахѣ «градъ» и прозвалъ его Юрьевымъ (Георгіевымъ), — имя, которое вмѣсто нѣмецко-эстонскаго Дерпта, и понынѣ еще сохранилось въ устахъ русскаго простолюдина. Уже само по себѣ ясно, что столь благочестивый государь, какъ Ярославъ, оставилъ военную стражу въ Юрьевѣ не безъ церкви. И въ самомъ дѣлѣ еще при послѣднемъ его потомкѣ мужескаго пола, царѣ Өеодорѣ Ивановичѣ, въ 1594 году во время спора его бояръ съ посланниками германскаго императора Рудольфа II о приморской отчинѣ возникаетъ преданіе, «что Великій Государь Ярославъ тотъ городъ Юрьевъ поста-«вилъ въ свое имя, и храмъ въ Юрьевѣ Ангела своего имя, «Страстотерпца Христова Георгія, поставилъ»[95]). Не невѣ-

95) См. Нестор. лѣтопись: «Въ лѣто 6538. ... Семъ же лѣтѣ иде Ярославъ на Чюдь, и побѣди я̀, и постави градъ Юрьевъ». Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ спискахъ, принадлежавшихъ къ новгородскому разряду (на прим. въ т. н. Софійск. I лѣтописи) прибавлено: «и пріиде къ Новугороду; собра отъ старостъ и поповыхъ «дѣтей 300 учити книгамъ. Того же лѣта преставися архіепискупъ Ноугородскій «Акимъ; бяше ученикъ его Ефремъ, иже *ны* учаше». Не указываетъ ли это извѣстіе на что, что в. кн. Ярославъ, какъ ревнитель христіанскаго просвѣщенія, возъимѣлъ мысль назначить нѣкоторыхъ изъ этихъ учениковъ миссіонерами для обращенія въ христіанство вновь покоренныхъ и другихъ странъ?

роятно также, что и церковь святаго Георгія въ Старой Ладогѣ первоначально воздвигнута была еще во времена Ярослава (см. Прилож. I). Въ столицѣ Ярослава съ его времени и по нынѣ сохранилось также названіе, свидѣтельствующее о томъ, что сынъ св. Владиміра былъ проникнутъ теплою вѣрою въ своего заступника. Въ 1036 году Печенѣги осадили Кіевъ. Яро-

Между тѣмъ изъ всѣхъ древне-русскихъ «убережій морскихъ» одна вотская и ижорская земля осталась за Новгородомъ (См. объ этомъ мое Предисловіе къ изданію Археографической Коммиссіи: Писцовыя Книги ижорской земли. Томъ I. СПб. 1859). Въ 1224 году погибъ въ Дерптѣ полоцкій князь Вячко (Вячеславъ), временно тамъ же посаженный новгородскимъ намѣстникомъ. Но память о построеніи «града Юрьева» не могла исчезнуть тѣмъ болѣе, что извѣстіе объ этомъ внесено было въ лѣтописи, составлявшія предметъ чтенія при дворѣ князей и архіреевъ русскихъ. Въ 1558 году царь Иванъ Васильевичь въ письмахъ къ польскому королю Сигизмунду Августу подписывался «государемъ ливонскіе земли града Юрьева», а черезъ Адашева велѣлъ сказать посламъ датскаго короля Фридриха II, предъявившему свои права на эстонскую землю (См. у Карамзина, VIII, Гл. V и прим. 552 и ср. Лѣтописецъ Русскій изд. Н. Л. СПб. Томъ V, 311): «Удивляемся, что (король) находитъ датскія владѣнія въ той землѣ, которая уже «шесть сотъ лѣтъ принадлежитъ Россіи. Великій князь Георгій Владиміровичь, именуемый Ярославомъ, завоевалъ Ливонію, основалъ городъ Юрьевъ, построилъ «тамъ церкви греческія, обложилъ всю землю данію — и съ того времени она не «бывала достояніемъ иныхъ Государей...» А въ 1593 г., бояре царя Θеодора Ивановича говорили посламъ нѣмецкаго императора Рудольфа II (см. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Ч. I. СПб. 1851, столб. 1347): «А Юрьеву и Ругодиву съ пригороды быти за Государемъ на«шимъ, и не поступится ихъ Государь нашъ никому, потому что Великого Государя «нашего прародитель, Великій Государь Ярославъ тотъ городъ Юрьевъ поставилъ «въ свое имя, и храмъ, въ Юрьевѣ Ангела своего имя, Страстотерпца Христова «Георгія, поставилъ; а Ругодивъ такъ же Государя нашего отчина изъ давныхъ лѣтъ».

славъ изъ Новогорода поспѣшилъ туда на помощь и съ большимъ трудомъ одержавъ побѣду, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходила битва, онъ по образцу софійскаго храма въ Царьградѣ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, «заложи церковь святыя Софья, митрополью» и «по семъ предъ враты св. София» основалъ монастырь св. Георгія, не щадя никакихъ издержекъ. При освященіи его онъ «заповѣда по всей Руси» ежегодно «творити праздникъ св. Георгія мѣсяца Ноября 26 день и створи въ церкви св. Георгія настолованіе новоставимымъ епископомъ», т. е. возведеніе ихъ на столъ (ἐνθρονισμός). Хотя этотъ монастырь и разрушенъ Татарами, но и до сихъ поръ небольшая каменная церковь св. Георгія стоитъ еще на томъ же мѣстѣ, гдѣ за 800 лѣтъ предъ симъ въ послѣдній разъ отражены были буйные Печенѣги отъ столицы древней Руси[96]).

---

96) Извѣстіе о постройкѣ Георгіева монастыра сообщено въ лѣтописи Нестора подъ 1037 г. (см. выше прим. 92), но это только потому что лѣтописецъ хотѣлъ совокупить нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о набожности Ярослава. Освященіе монастыря св. Георгія относится къ позднѣйшему времени, можетъ быть даже къ 1052 году. См. объ этомъ «Исторію Русской Церкви, Епископа Макарія. Томъ I. СПб. 1857», стр. 224, прим. 125 и «Кіевлянинъ. Книга III. Москва 1850», стр. 67. Недавно вышла брошюрка подъ заглавіемъ: «Сказаніе о Церкви Святаго Георгія Побѣдоносца, яже предъ враты св. Софіи, въ Кіевѣ. Составилъ В. Аскоченскій. Кіевъ 1856». Нынѣшняя небольшая церковь св. Георгія построенна въ память его при Елисаветѣ Петровнѣ.

До насъ дошелъ весьма любопытный разсказъ о построеніи кіевскаго георгіевскаго монастыря, между прочимъ, въ одномъ старинномъ Прологѣ, перешедшемъ изъ

Что же могло быть естественнѣе, — воскликнутъ иные, — какъ не то, что великій князь Ярославъ-Георгій, столь

Погодинскаго Собранія въ И. Публичную Библіотеку, въ которой онъ значится подъ № 58. Подъ 26 мѣсяца Ноября помѣщено слѣдующее: «Въ тотъ же день свя-«щение церкви святаго Георгия въ Киевѣ предъ враты святыя Софии».

«Блаженный и приснопамятны всея Руськыя земля князь Ярославъ, нарече-«ный в святѣмь крещеньи Георьгий, сынъ Владимѣрь крестившаго землю Рускую, «братъ же святою мученику Бориса и Глѣба: се всхотѣ создати церковь в свое имя «святого Георгія, да еже всхотѣ и створи; и яко нашаша здати ю, и не бѣ многа «дѣлатель у нея; и се видѣвъ князь призва тиоуна: почто не много оу церкве стра-«жющихъ? Тиоунъ же рече: понеже дѣло властелское, боятся людье, еда трудъ подъ-«имше, наима лишени будутъ. И рече князь: да аще тако есть, то азъ сице створю. «И повелѣ куны возити на телѣгахъ въ комары Златыхъ вратъ, и возвѣстиша на «торгу людемъ да возмуть кождо по ногатѣ на день. И бысть множьство дѣлаю-«щихъ. И тако вскорѣ конча церковь, и святи ю Лариономь митрополитомь, мѣсяца «Ноября въ 26 день, и створи в ней настолование новоставимымъ епископомъ, и «заповѣда по всей Руси творити праздникъ святаго Георгия мѣсяца Ноября 26 день».

Нѣтъ сомнѣнія, что *куны* въ Прологѣ просто значатъ *деньги* (см. выше стр. 6) и вѣроятно гривны литаго серебра. Но что же разумѣть подъ словомъ *ногата*? Числительную или мелкую металлическую монету? Если числительную, то тіуну и рабочимъ не легко было разсчитываться между собою. Полагали, что ногата въ Прологѣ равна нынѣшнимъ $12\frac{1}{2}$ коп. сер., въ чемъ не могу согласиться. Здѣсь ограничиваюсь окончательнымъ объясненіемъ финскаго и именно ливско-финскаго происхожденія этого нумизматическаго термина, пользуясь для того матеріалами, доставленными мнѣ академикомъ Видеманомъ.

Эстонскому слову nahk (= шкура, кожа; род. пад. naha) соотвѣтствуетъ ливонское (ливское) nāg съ тѣмъ же значеніемъ. У перваго мн. число: nahad, у второго: nāged. Финское nahka (въ род. п. nahan) тоже значитъ: шкура, кожа, а множ. ч. nahat = мѣха. Внутренняя связь между этими словами и эстонскимъ nugis (= куница; ср. emis = супоросъ) возможна, но не доказана. За то очень вѣроятно, что nahad и naged, подобно слову: куны, нѣкогда употреблялось въ смыслѣ: денегъ

высоко чтившій своего угодника, велѣлъ вычеканить ликъ его также на монетахъ? Этимъ онъ сдѣлалъ только то, присовокупитъ читатель Главы III, что позднѣе на прим. сдѣлалъ великій князь Иванъ Ивановичь (см. прим. 77). При всемъ томъ наше дѣло еще не кончено. На счетъ прежнихъ, конечно не весьма основательныхъ попытокъ приписать Ярославле сребро великому князю Ярославу I, подняты были разныя и довольно значительныя сомнѣнія, въ слѣдствіе которыхъ рѣшительно утверждали, что «сребро» могло принадлежать только 12-му столѣтію. Уже Шодуаръ склонялся къ этому мнѣнію, а нынѣ оно принято двумя опытными нумизматами, именно: графомъ С. Г. Строгановымъ и Лелевелемъ. Главныя возраженія этихъ зоркихъ наблюдателей заключаются въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ. 1) Лики Святыхъ, и именно св. Георгія, на византійскихъ монетахъ появляются не прежде

вообще. Въ послѣднемъ, какъ кажется, встрѣчается у Генриха леттляндскаго (Henricus de Lettis) подъ г. 1210 и 1212 (см. Scriptores rerum Livonicarum. I Riga 1853, стр. 138 и 162): Eodem tempore rex magnus Novogardiae simul et rex de Plescekowe .. venerunt ... in Unganniam, et obsidentes castrum Odempe (Медвѣжья голова) pugnaverunt cum eis (съ Эстонцами) ... et dederunt pacem eis, ... et acceperunt ab eis *quadringentas marcas nagatarum* (по новгор. лѣтоп.: и дань на нихъ възя), et recesserunt ab eis. Далѣе: Rex magnus Novogardiae Misceslawe ... progressus est in Harriam, et obsedit castrum Warbole, et pugnavit cum eis (съ Эстонцами) per dies aliquot, et promiserunt ei Castrenses *septingentas marcas nagatarum* (по новгор. лѣтоп.: Мьстиславъ князь възя на нихъ дань) et reversus est in terram suam. Подъ словомъ marca, конечно, разумѣется русская *гривна*.

династіи Комниновъ (1057—1059, 1081—1185), и въ особенности со временъ Іоанна II Комнина (1118—1143). Де-Соси (de Saulcy) также придерживаясь этого мнѣнія, объясняетъ изображеніе св. Георгія на византійскихъ монетахъ вліяніемь крестоносцевъ; 2) На монетѣ Ярослава, вычеканенной очевидно по византійскимъ образцамъ, встрѣчается отвѣсная надпись параллельными линіями. А надписи такого рода появляются на византійскихъ монетахъ Алексія I Комнина (1081—1118) и то на немногихъ экземплярахъ, но чаще на монетахъ его сына Іоанна.

На эти возраженія вообще замѣтимъ, что въ нумизматикѣ, какъ и въ другихъ отрасляхъ исторической науки, кромѣ законовъ, встрѣчаются и отступленія, и что именно Россія въ византійско-средневѣковой нумизматикѣ, въ слѣдствіе своего особаго историческаго развитія, занимаетъ исключительное положеніе. Мы соглашаемся, что во времена великаго князя Ярослава кіевскаго (1016—1054) на византійскихъ монетахъ не употреблялись ни отвѣсныя надписи, ни лики Святыхъ, хотя этотъ обычай нѣкоторымъ образомъ уже предваренъ былъ тогда монетами съ ликомъ Спасителя и отдѣльными медальонами, помѣщавшимися въ серединѣ поля[97]) на император-

97) Такія отвѣсныя надписи встрѣчаются, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, на монетахъ X вѣка, представляющихъ бюстъ царя въ кружкѣ. Подъ нимъ или по

скихъ монетахъ Но мы прямо считаемъ *невозможнымъ*, чтобы одна изъ до сихъ поръ извѣстныхъ византійскихъ монетъ съ ликомъ св. Георгія служила первообразомъ Ярославля сребра: главные типы монетъ Комниновъ съ ликомъ св. Георгія изображены ниже (Табл. В и С), и при точнѣйшемъ ихъ сличеніи съ лицевою стороною Ярославля сребра они не обнаруживаютъ никакого ближайшаго съ нею сходства. Именно, размѣщеніе буквъ на византійскихъ экземплярахъ и самая форма отдѣльныхъ буквъ не соотвѣтствуютъ обоимъ видамъ Ярославля сребра. Даже если предположимъ, что византійскія монеты 12-го вѣка дѣйствительно предлежали чеканщику (неизвѣстнаго намъ) князя Ярослава того же столѣтія, то мы должны бы принять, что онъ съ умысломъ не вѣрно подражалъ[98])

обѣимъ сторонамъ его вырѣзано имя царя, на прим.

На нѣкоторыхъ монетахъ имя царя читается внутри кружка медальона. См. у Saulcy (Planches XX, 7; XXI, 9 (Essai, p. 242): XXII, 3 и ср. XV, 3.

98) Пособіемъ мнѣ служили, правда, только небогатое собраніе византійскихъ монетъ Императорскаго Эрмитажа и еще бѣднѣйшее собраніе Академіи наукъ, въ которыхъ даже нѣтъ ни одного экземпляра съ ликомъ св. Георгія. Но пользуясь сочиненіями Дюканжа, Бандури, Экеля, Соси, Сабатье и другихъ, я полагаю, что будущіе нумизматическіе клады византійскихъ монетъ не откроютъ намъ совершенно новыхъ типовъ св. Георгія. Жаль, что богатое собраніе византійскихъ монетъ кіевскаго университета до сихъ поръ не описано; оно должно по преимуществу состоять изъ кладовъ найденныхъ въ южной Россіи.

своему византійскому первообразу. Правда, многіе уже давно считаютъ дѣломъ рѣшенымъ, что Ярославле сребро чеканено по византійской монетѣ, и это мнѣніе само по себѣ очень естественно, но оно можетъ быть допущено только въ извѣстномъ отношеніи (ср. выше стр. 61). Никто до сихъ поръ не излагалъ, въ чемъ именно состоятъ отступленія Ярославля сребра отъ византійскихъ монетъ. Видна ли и на этихъ монетахъ 11-го или 12-го вѣка птица, изображенная на оборотѣ Ярославля сребра? — Нѣтъ. Находимъ ли на нихъ слово: Аминъ? — Нѣтъ. Составлена ли оригинальная круговая надпись: «Ярославле сребро» по какой либо византійской монетной надписи? — Нѣтъ. Надпись: ἀργύριον Ἰαροσλάβου въ подражаніе предполагаемой формѣ: ἀργύριον Μανουήλου или тому подобной, по крайней мѣрѣ на монетахъ нигдѣ не встрѣчается. Если послѣ этого изложенія еще найдутся археологи, безусловно придерживающіеся прежняго мнѣнія, то да будетъ и намъ дозволено высказать парадоксъ, что мысль — вырѣзывать на монетахъ ликъ св. Георгія, византійскіе монетчики 12-го вѣка заимствовали съ русскаго «сребра» 11-го столѣтія. Мы не колеблясь прибѣгли бы къ такому истолкованію, если бы намъ не оставалось никакого другаго исхода изъ этого лабиринта. Но попытаемся открыть его или по крайней мѣрѣ указать на его возможность.

Византійскія монеты 12-го вѣка, изображающія св. Георгія, всѣ сходны между собою въ томъ, что надпись: святой Георгій (ὁ ἅγιος Γεώργιος) на нихъ всегда помѣщается отвѣсно. На бо́льшей части извѣстныхъ намъ экземпляровъ св. Георгій изображенъ на оборотѣ, тогда какъ ликъ императора и его имя, обыкновенно въ видѣ *круговой надписи*, помѣщаются на лицевой сторонѣ (такъ напр. ниже на Табл. В, 6). Постоянное соблюденіе этого правила конечно было не безъ причины. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что византійскіе императоры на монетахъ 12-го вѣка начали изображать св. Георгія и другихъ Святыхъ по примѣру западныхъ крестоносцевъ. Допустимъ это покамѣстъ: все же неопровержимо, что самый ликъ св. Георгія и принадлежащую къ нему надпись византійцы заимствовали *не* у Латиновъ, а рѣшительно придерживались въ этомъ отношеніи давнишнихъ первообразовъ греко-восточнаго *иконописанія*. Излишне было бы приводить что-нибудь изъ множества примѣровъ въ подтвержденіе того, что по крайней мѣрѣ съ 6-го вѣка лики греческихъ Святыхъ на мозаикахъ, въ миніатюрахъ рукописей, на фрескахъ катакомбъ, церквей и пр. почти сплошь имѣли отвѣсныя надписи въ одной или въ нѣсколькихъ параллельныхъ линіяхъ[99]).

---

99) Въ И. Публичной Библіотекѣ и въ И. Академіи Художествъ имѣется довольно богатое собраніе фотографическихъ снимковъ изображеній греческихъ Свя-

Итакъ всякое сомнѣніе на счетъ того, употреблялись ли въ Россіи отвѣсныя надписи на иконахъ первой половины 11-го вѣка, можно почесть устраненнымъ. Граверу стокгольмскаго экземпляра Ярославля сребра было бы легче и удобнѣе передать имя св. Георгія въ круговой надписи. Но изъ благоговѣнія къ святой старинѣ онъ придерживался предлежащаго оригинала, который, можетъ быть, былъ гравированъ на металлѣ и, судя по формѣ буквъ Е и Р, вѣроятно былъ довольно старинный. Этимъ самымъ объясняется также общій византійскій типъ св. Георгія на Ярославлѣ сребрѣ и частное различіе его отъ типа на византійскихъ монетахъ 12 столѣтія. Сличая между собою всѣ дошедшіе до насъ русскіе лики св. Георгія 11, 12 и 13 вѣковъ, мы находимъ, что они по большей части представляютъ особый видъ византійскаго типа, стало быть именно *русско-византійскій*. Конечно граверу Ярославля сребра, не трудно было найти хорошій оригиналъ у государя, который сдѣлалъ столько для прославленія своего угодника. Ликъ, изображенный на стокгольмскомъ экземплярѣ, собственно не принадлежитъ къ русскому виду, но за то на дерптскомъ онъ чисто русскій (см. ниже Прил. I). Можетъ быть, первый не удался только по неискуству гравера.

тыхъ съ вертикальными надписями. Эти снимки сдѣланы въ парижской библіотекѣ иждивеніемъ двухъ русскихъ любителей древностей.

Но этимъ все еще не объясняется собственно *побужденіе*, заставившее Ярослава (или его «скотника», либо монетчика) изобразить на лицевой сторонѣ монеты именно ликъ его заступника. Изъ одного благоговѣнія, которое оказывалъ ему Ярославъ, это едвали объяснится достаточно, даже если допустимъ, что подъ исходъ своей жизни онъ назначилъ его покровителемъ всей русской земли (см. выше стр. 106). Скорѣе можно думать, что онъ перенесъ на монету ликъ св. Георгія съ своей печати. Послѣ того, что было сказано выше (стр. 14) объ употребленіи золотыхъ и серебряныхъ печатей у пословъ и гостей Игоря и Святослава уже не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Ярославъ имѣлъ печать; и весьма вѣроятно, что на ней былъ вырѣзанъ ликъ его угодника. Позднѣе такое употребленіе встрѣчается очень часто, какъ на пр. на грамотѣ Мстислава-Ѳеодора Давыдовича смоленскаго 1229 г., гдѣ на печати изображенъ св. Ѳеодоръ, на грамотѣ московскаго великаго князя Ивана Ивановича и т. д.[100]). Однако и изъ этого употребленія еще не достаточно объясняется, почему Ярославъ или его чеканщикъ поступили именно такъ, а не иначе. Кажется, должно полагать, что имъ вообще служили образцами какія либо извѣстныя монеты. Всего

100) См. выше прим. 77 и ср. § 41 Русской Геральдики А. Лакьера. — О византійскихъ печатяхъ съ изображеніемъ св. Георгія см. ниже Приложеніе I.

естественнѣе думать о современныхъ византійскихъ и англосаксонскихъ монетахъ, которыя, кромѣ восточныхъ, были въ то время распространены въ Россіи, какъ свидѣтельствуютъ разные клады. На византійскихъ златникахъ и сребреникахъ изъ періода 970—1050 Ярославъ на лицевой сторонѣ могъ видѣть преимущественно только портретъ императоровъ или одинхъ, или вмѣстѣ съ св. Богоматерью или Спасителемъ рукополагающими, или ликъ Спасителя между членами императорскаго дома. Какъ два вида Ярославля сребра, съ точки зрѣнія нумизматическихъ памятниковъ, составляютъ въ цѣлости оригинальныя созданія, а Ярославъ столь высоко чтилъ своего угодника, то можно догадываться, что онъ на мѣсто своего собственнаго портрета, — но едва ли вмѣсто Спасителя или Богоматери, — изъ христіанскаго смиренія поставилъ ликъ своего тезоименитаго. Эта догадка могла бы бытъ допущена и тогда, еслибъ Владиміръ Великій дѣйствительно чеканилъ монеты съ ликомъ Христа на оборотѣ. Въ этомъ случаѣ находящаяся на оборотной сторонѣ надпись «*Ярославле* сребро» замѣняла бы собою портретъ великаго князя. Но коль скоро мы толкуемъ эту надпись въ смыслѣ *серебреника* великаго князя *Ярослава* (см. выше стр. 84), то и символическая птица должна относиться къ нему же, т. е. означая, что св. Духъ покровительствуя или просвѣщая его споспѣшествуетъ ему. На золо-

тыхъ монетахъ Владиміра (см. Табл. С, 7) птица въ самомъ дѣлѣ, хотя впрочемъ уже въ болѣе обезображенномъ видѣ, помѣщена на главной сторонѣ подлѣ портрета князя, а на дерптскомъ экземплярѣ Ярославля сребра она изображена *съ опущенною внизъ головою*. Эта перемѣна, которую мы замѣчаемъ также на златникахъ и серебреникахъ Владиміра[101]), а равно на всѣхъ серебреникахъ нѣжинскаго клада, не можетъ быть случайною: по библейскимъ иносказаніямъ, это — опускающійся или парящій св. Духъ, явственно изображаемый на многихъ церковныхъ памятникахъ древней Россіи и на прим. на одной хоругви западной Европы[102]).

---

101) И на Владиміровомъ сребрѣ, принадлежащемъ А. Ѳ. Бычкову, птица вырѣзана головою внизъ, хотя граверъ, по недоразумѣнію, переставилъ всю оборотную сторону монеты. См. ниже Табл. С, 6.

102) Iconographie chrétienne. Par M. Didron. Paris 1843, стр. 460—462. «Enfin, et c'est là une admirable tâche, le Saint-Esprit éclaire les rois dans «leurs actions. Au sacre des rois et reines d'Angleterre, un duc, encore aujourd'hui. «porte un sceptre surmonté d'une colombe devant le souverain qui va recevoir l'investi-«ture sacrée. Dans Montfaucon, on voit Charlemagne portant également un sceptre sur-«monté d'une colombe qui doit représenter le Saint-Esprit. Si le sceptre est un bâton «qui sert à affermir la démarche, la colombe est l'esprit qui dirige les pas. Voici la «colombe divine brodée sur un étendard religieux et militaire à la fois: religieux par la «croix qui termine la hampe, militaire par sa forme. La colombe descend du ciel, «figurée par les ondulations qui sont brodées au sommet de cette voile guerrière; elle «descend sur la terre et plane au-dessus des bataillons qui vont en venir aux prises».

Слѣдуетъ изображеніе хоругви (Miniature française, XVe siècle, Bibl. roy. Heures du duc de Berri).

Откуда заимствована птица, этого покамѣстъ не беремся рѣшить. Византiйскiя древности, собственно вовсе еще не существующiя въ видѣ специальной науки, со временемъ, можетъ быть, разъяснятъ это. Почему бы не предположить, что фигура оборотной стороны взята съ подобнаго же церковнаго памятника, какъ и ликъ св. Георгiя? Конечно, можно думать и объ англо-саксонскихъ образцахъ, какъ сказано выше, стр. 78, тѣмъ болѣе, что одна изъ этихъ англо-саксонскихъ монетъ съ агнцемъ Божiимъ или Христомъ на лицевой сторонѣ и съ птицею на оборотѣ, попадается и въ русскихъ кладахъ[103]). Но лучше было бы предварительно доискиваться первообраза самой англо-саксонской монеты Этельреда II, современника Владимiрова. По какимъ образцамъ чеканены монеты великаго

«Cet étendard est entre les mains de la Réligion chrétienne personnifiée, de «l'Église, qui s'apprête à vaincre la synagogue et le paganisme. — Au sacre de nos «rois de France, après l'onction, on lâchait dans l'église des colombes blanches... «Chaque don du Saint-Esprit est symbolisé par une colombe.. »

103) Этотъ динарь перешелъ изъ Рейхелева собранiя въ Имп. Эрмитажъ. Объясненiе этой монеты, напечатанное г. Кёне (въ Mém. de la soc. d'Archéologie de St.-Pét. 1850. Tome IV, p 223 и въ Запискахъ археолог. Общества, IV, 207), не удовлетворяетъ любознательнаго изслѣдователя, и экземпляръ этотъ, безъ помощи другихъ подобныхъ памятниковъ, вѣроятно, останется довольно загадочнымъ. Здѣсь мы замѣтимъ только, что въ надписи вокругъ птицы г. Кёне расположенъ видѣть имя ирландскаго св. Колумбана. Такъ какъ я не занимаюсь англо-саксонскою нумизматикою ex professo, то предоставляю другимъ оправдать или отвергнуть вѣрность этого объясненiя.

князя Василія Ивановича Темнаго съ изображеніемъ голубя? Этотъ и подобные вопросы, возникающіе по части русской нумизматики позднѣйшаго времени, требуютъ обстоятельнѣйшаго изслѣдованія. Мы довольствуемся здѣсь замѣчаніемъ, что иная фигура на русскихъ монетахъ татарскаго періода вовсе не такъ безсмысленна и беззначительна, какъ покажется на первый взглядъ. Изученіе русской нумизматики съ сравнительной археологическо-исторической точки зрѣнія со временемъ и сюда прольетъ свой свѣтъ. Укажемъ здѣсь относительно Ярославля сребра еще на одну нумизматическую сторону.

Въ теченіи двадцати лѣтъ тщетно пытались (см. выше стр. 22, 58) сблизить древне-русскія монеты съ южно-славянскими. Странно, что толкователи при томъ затрудненіи, въ которомъ они находились, не обратились для поясненія Ярославля сребра къ аналогіямъ у другихъ славянскихъ народовъ, гораздо ближайшихъ къ древней Руси и состоявшихъ съ нею также въ сношеніяхъ. Мы разумѣемъ тѣ страны, которыя населены Славянами чешскаго и польскаго племени и въ которыхъ христіанство было непосредственно введено и распространено отчасти обоими славянскими апостолами, отчасти же ихъ туземными учениками и ихъ преемниками. Кто ближе знакомъ съ этимъ вопросомъ, который столь долго былъ искажаемъ пристрастными писателями, тотъ согласится съ нами, что у этихъ

народовъ легко могли быть древности и монеты съ церковно-славянскою надписью въ эпоху съ 864 по 1064 годъ. Выше (на стр. 20 и 62) мы только робко упомянули о Болеславлѣ сребрѣ съ церковно-славянскою надписью. И здѣсь мы, хотя уже тверже убѣждены въ ея подлинности, также воздерживаемся отъ ближайшаго изслѣдованія аналогіи, можетъ быть существующей между нею и Ярославлимъ сребромъ, отсылая читателей на этотъ счетъ къ Приложенію III.

Въ заключеніе нельзя не коснуться еще вопроса, для какой цѣли Ярославъ велѣлъ чеканить монеты[104]). Прежде неоднократно полагали, что Ярославле сребро не было ходячею монетой, а медалью, которая чеканилась при торжественныхъ случаяхъ для раздачи въ подарокъ или въ награду за службу, оказанную великому князю. Такое употребленіе легко могло быть подражаніемъ византійскому обычаю[105]). Великой княгинѣ Ольгѣ въ 957 г., послѣ угощенія со стороны императрицы, поднесено было въ даръ на золотомъ блюдѣ 500 серебрениковъ;

---

104) Пользуюсь случаемъ, чтобы объяснить происхожденіе слова *чеканъ*. Оно, подобно слову: *деньги*, перешло въ русскій языкъ, вѣроятно, во время татарскаго владычества. До сихъ поръ казанскіе Татары употребляютъ это слово въ смыслѣ: орудія, чѣмъ бьютъ. См. еще Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи И. Арх. Общ. Томъ I. СПб. 1851, Отд. III, стр. 43 и ср венгерско-польское слово czekan у *Линде*, (Wydanie drugie. Tom I. Lwów 1854, стр. 361).

105) См. объ этомъ сочиненіе *Круга*, Zur Münzkunde Russlands, (Pet 1805) стр. 157 и 158 (стр. 214 русск. перев.).

племянникъ ея получилъ ихъ 30, каждый изъ 20 присутствовавшихъ русскихъ пословъ по 12-ти и по стольку же каждый изъ бывшихъ въ то время въ Царьградѣ русскихъ купцевъ. И въ эпоху царства московскаго этотъ обычай велся до временъ Петра великаго. Но во всякомъ случаѣ для 11-го вѣка не должно выпускать изъ виду, что тогда (см. выше стр. 9) еще раздавались великими князьями въ награду шейныя гривны. Изъ малаго числа дошедшихъ до насъ экземпляровъ Ярославля сребра еще нельзя заключать (см. стр. 60), что каждымъ штемпелемъ было чеканено только самое небольшое число экземпляровъ. Сколько европейскихъ и мугамеданскихъ монетъ изъ среднихъ вѣковъ извѣстны намъ только въ 2 или 3 экземплярахъ! Безъ новыхъ находокъ вопросъ о цѣли Ярославля сребра, конечно, еще не можетъ быть разрѣшенъ съ полною благонадежностью. Правда, уже самое названіе Ярославле *сребро* какъ-бы указываетъ на ходячую монету, въ точности соотвѣтствуя встрѣчающемуся на многихъ европейскихъ монетахъ: «moneta argentea». А если мы еще примемъ въ соображеніе, что всѣ нѣжинскіе серебреники, очевидно принадлежавшіе разнымъ князьямъ, носятъ на оборотѣ своемъ надпись: «а се его сребро», то весьма трудно принять «Ярославле сребро» за медаль.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

О византійскихъ и древне-русскихъ изображеніяхъ св. Георгія побѣдоносца.

«Русская Геральдика въ основаніи своемъ имѣетъ начало *религіозное*, «совершенно противоложное рыцарской Геральдикѣ..».

«Нашъ древній Русскій гербъ — родовое знамя — явился впервые на «печати Великаго Князя Кіевскаго, законнаго самовластителя Русской земли. «Ликъ Святаго, по имени котораго назывался князь, осѣнялъ его печать, а «надпись удостовѣряла принадлежность...».

«Вотъ первое основаніе нашей Геральдики, Русской — по своему про«исхожденію, самобытной по своему основному началу — религіозному. «Вотъ почему въ нашей Геральдикѣ всѣ облики и личины изображались *въ* «*право отъ зрителя*. Во главѣ этого правила находимъ обычай Византій«скій, переданный намъ вмѣстѣ съ иконописаніемъ».

Таково мнѣніе высказанное И. П. Сахаровымъ въ 1856 году[106]), и до сихъ поръ никто въ литературѣ не опровергнулъ главныхъ его основаній. Наша задача состоитъ только въ томъ, чтобы обратить вниманіе читателей на предположеніе, что св. Георгій на Ярославлѣ сребрѣ находится въ тѣсной связи съ позднѣйшимъ государственнымъ гербомъ. Мы не можемъ здѣсь заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ этого предмета, но ограничиваемся указаніемъ на нѣкоторыя данныя, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія.

Болѣе всего нужнымъ мы считаемъ соблюденіе строгаго различія между многочисленными видами изображеній св. Георгія въ византійскомъ мірѣ и

106) Записки о Русскихъ гербахъ. I. Московскій гербъ. (Съ 3 Таблицами рисунковъ). СПб. 1856, на стр. III.

для этой цѣли укажемъ мы на довольно значительное число изображеній, съ намѣреніемъ выбранныхъ изъ эпохи до бракосочетанія племянницы послѣдняго византійскаго императора съ великимъ княземъ московскимъ Іоанномъ III Васильевичемъ въ 1462 году. Между ними встрѣчаются немногія, которыя мы вмѣстѣ съ изображеніемъ св. Георгія на бóльшемъ экземплярѣ Ярославля сребра, принимаемъ за древнѣйшій *русско*-византійскій типъ этого Святаго. Особенное вниманіе обратили мы при составленіи этого перечня на византійскія монеты съ изображеніемъ святаго Георгія, потому что выше (стр. 110) изо всѣхъ намъ до сихъ поръ извѣстныхъ экземпляровъ такого рода вывели заключеніе, что ни одинъ изъ нихъ не могъ служить образцомъ денежнику Ярославля сребра.

Мы раздѣляемъ памятники, изображающіе св. Георгія, на *три* главныхъ разряда, предоставляя другимъ пополнить нашъ списокъ, и точнѣе опредѣлить изчисленныя нами изображенія по времени и мѣсту ихъ происхожденія и вообще характеризовать ихъ по отдѣльнымъ типамъ.

A. *Св. Георгій впрямь, во весь ростъ* (Statue, de face).

1) На такъ называемомъ Triptychon eburneum graecae orientalis ecclesiae olim Tuderti penes nobilem virum. Надпись: Ο ΑΓΙΟϹ ΓΕѠΡΓΙΟϹ[107]).

2) Древнее изображеніе Святаго на стѣнѣ одного собора, на аѳонской горѣ[108]).

3) Св. Георгій вмѣстѣ съ св. Дмитріемъ на рѣзномъ камнѣ, первый съ мечемъ, второй же съ копьемъ. Надъ ними грудное изображеніе Спасителя[109]).

---

107) Рисунокъ въ сочиненіи: Francisci Gori Thesaurus veterum diptychorum consularium et ecclesiasticorum. Tomus III. Florentiae 1759, стр. 217, 223 и слѣд.

108) Прóрись въ настоящую величину сдѣлана была подъ руководствомъ П. И. Севастьянова, и находится теперь въ русско-византійской школѣ при Имп. Академіи Художествъ. Въ Имп. Публичной Библіотекѣ находится ксилографическій листокъ, вырѣзанный въ 1779 г. на Аѳонѣ и представляющій св. Георгія во весь ростъ. Ср. у Сахарова, Табл. III, № 21.

109) Рисунокъ на стр. 182 парижскаго изданія Льва діакона (Leonis diaconi

4) Св. Георгій съ мечемъ на монетахъ Іоанна II Комнина (1118—1143) и никейскаго царя Іоанна III Дуки Ватаца (1222—1255). Впрочемъ вопросъ объ этихъ Іоанновыхъ монетахъ и ихъ разныхъ типахъ окончательно еще не рѣшенъ [110].

---

historia... Edidit C. B. Hase. Paris, 1819 in-fol.) На стр. XXII. Газе сообщаетъ слѣдующее описаніе:

«Sardonyx ineditus gazophylacii Regii, zonarum trium, exhibens numina, a qui«bus custodiri servarique incolume imperium Graeci opinabantur. Supra προτομή Ser«vatoris, cum orbe radiato circa caput. Coma promissa, ut solet esse in imaginibus «vetustis Assertoris: brachia ab utraque parte porrecta, manus expassae ad benedicen«dum: corpus indutum tunica ampla, amictum pallio. Subter, adolescentes duo stantes, «militari habitu, eximia venustate, thorocati et paludati. Alter, S. Georgius, spatham «dextra tenet, alter, S. Demetrius, pilum. Hic laevam clypeo triquetro imponit, qui «a pedibus surrigitur. S. Georgii clypeus ovatus est, ductu oblongiore, in eum, quem «vides, modum. Tunicae manicatae, pro more medii aevi: thoraces, cum pterygibus «et cingulis, pulcherrime elaborati. Litterae superne IC XC, Ἰησοῦς Χριστός· ad «laevam, Ὁ Ἅγιος ΓΕѠΡΓΙΟС· ab altero latere Ὁ Ἅγιος ΔΙΜΗΤΡΙΟС (sic). «Substratum nigerrimi coloris, paludamenta brachiaque e caeruleo pallent: thoraces et «capita fusca. Gemma nobilissima: nec multas alias arbitror saeculi IX aut X, quae «aeque teneant oculos». Имена Святыхъ отчасти вязью написаны.

110) См. ниже Табл. С, 1 (по рисунку у Соси, Pl. 27, 4) и С, 3 (по рисунку у Соси, Pl. 31, 6). Ср. Дюканжа (Fam. Byz. p. 159).

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ Іоанновыхъ монетахъ можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Essai de classification.. par de Saulcy, стр. 329 и слѣд., 395 (Pl. 27, 8) и 400. — Iconographie... par I. Sabatier. St.-Pét. Pl. 20, 20. — Catalogue des monnaies byzantines qui composent la collection de M. Soleirol. Metz. 1853, стр. 279, № 919 и 920; стр. 281, № 926; стр. 304, № 1000 и 1001. — Description de la collection de médailles antiques, en or, grecques, romaines, byzantines.., recueillies par J. P. Maynaerts. Gand 1852, стр. 118.

См особенно сочиненіе: De la rareté et du prix des médailles romaines,.. par T. E. Mionnet. Seconde édition. Tome second. Paris 1827, p. 550, гдѣ мнѣнія Дюканжа и другихъ нумизматовъ опровергнуты.

5) Храмовая икона св. Георгія въ юрьевомъ монастырѣ, близъ Новгорода, замѣчательна по древности [111]).

6) Стѣнная икона св. Георгія и св. Дмитрія въ биѳанійской церкви въ Грузіи. Построеніе этой церкви относятъ къ 1196 г. [112]).

B. *Грудное* (или поясное) *изображеніе св. Георгія* (Büste).

7) На такъ называемомъ Reliquaire byzantin de Limbourg. Часть этого эмальированнаго сосуда, на которой изображенъ св. Георгій, относятъ къ 10 вѣку [113]).

8) Два типа св. Георгія на Ярославлѣ сребрѣ.

9) На крестѣ преподобной Евфросиніи (дочери полоцкаго князя Георгія Всеславича), сдѣланномъ въ 1161 году. Вмѣсто оружія св. Георгій держитъ въ рукахъ крестъ [114]).

10) Св. Георгій на фрескѣ кіево-софійскаго собора безъ всякаго военнаго аттрибута [115]). Это изображеніе слѣдуетъ отнести къ временамъ послѣ Ярослава.

---

111) См. «Описаніе новгородскаго.. первоклассная Юрьева-Монастыря. Сочиненіе Архимандрита Макарія» въ Чтеніяхъ моск. Общества Исторіи. 1858. Кн. II. Смѣсь, стр. 16. Авторъ этой статьи относитъ основаніе монастыря къ княженію Ярослава I.

112) Рисунокъ въ сочиненіи: Le Caucase Pittoresque dessiné d'après nature par le prince Grégoire Gagarine etc. Paris. Planche XXXIX. Вообще о почитаніи св. Георгія въ Грузіи см., кромѣ сочиненія Дюбуа, Отчеты М. И. Броссе о его путешествіи (Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie. St.-Pét. 1851 in-8°. I. Rapport, p. 65; VIIIe Rapp. p. 98).

113) Рисунокъ находится въ періодическомъ изданіи Дидрона: Annales Archéologiques publiés par Didron aîné. Tome 18e. Paris 1858, p. 48.

114) Рисунокъ этого креста приложенъ къ Журн. Мин. Народн. Просв. за 1841 г. (см. Часть XXIX, Отд. VII, стр. 1) и кромѣ того, къ отдѣльной въ тоже время вышедшей брошюрѣ о житіи преподобной Евфросиніи.

115) См. снимокъ у Сахарова, Табл. I, № 2 и ср. стр. 18 его «Записокъ».

11) На панагіи, хранящейся на погостѣ Унжѣ Владимірской губерніи. Святой держитъ въ правой рукѣ крестъ [116]).

12) Изображеніе св. Георгія на навершьи шлема кн. Ярослава-Ѳеодора Всеволодовича, пораженнаго въ липецкой битвѣ 1216 г. [117]).

13) Св. Георгій съ копьемъ и мечомъ на образахъ аѳонской горы [118]).

14) Эмальевый образокъ св. Георгія (см. ниже Табл. В, 4) на венгерской коронѣ, придѣланный къ ней, вѣроятно, въ царствованіе византійскаго императора Михаила VII Дуки (1071—1078), а эмаль по своему происхожденію, быть можетъ, еще древнѣе. Голова императора и его сына Константина на коронѣ украшена вѣнчикомъ [119]).

15) Изображеніе св. Георгія на монетахъ, приписываемыхъ Алексію I Комнину (1081—1118), Алексію II Комнину (1180—1183), Алексію III Ангелу-Комнину (1195—1203), Алексію IV Ангелу (1203—1204) и Алексію V Дукѣ въ 1204 г. [120]).

---

116) См. снимокъ у Сахарова, Табл. 1, 5 и ср. стр. 18 его «Записокъ».

117) См. ниже Табл. В, 5. — Этотъ снимокъ былъ изображенъ Оленинымъ (Литографированные рисунки къ опыту: О Словенахъ отъ временъ Траяна и Русскихъ до нашествія Татаръ. СПб. 1833, Рис. XI) и послѣ въ «Древностяхъ Россійскаго Государства. Москва». (Отдѣлъ III, № 4.). Описаніе напечатано на стр. 5—6 третьяго Отдѣленія текста.

118) Два изъ аѳонскихъ изображеній напечатаны въ 1850 г. См. Молебное пѣніе святому славному великомученику, побѣдоносцу и чудотворцу Георгію. СПб. Въ Сѵнодальной Типографіи 1850 г. in-16°. Въ И. Публичной Библіотекѣ я видѣлъ, благодаря просвѣщенному участію въ моихъ трудахъ Влад. Вас. Стасова, нѣсколько аѳонскихъ лубочныхъ картинъ, 18 вѣка, изображающихъ св. Георгія.

119) См. статью: «Die ungarischen Reichsinsignien von Franz Bock» въ Mittheilungen der Kais. Königl. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. 2. Band. Wien 1857, стр. 201—211. Можно надѣятся, что обѣщанное авторомъ обширное сочиненіе о коронѣ св. Стефана сдѣлаетъ всѣ прежнія толкованія объ этомъ прелюбопытномъ памятникѣ ненужными.

120) Вопросъ о томъ, дѣйствительно ли встрѣчается изображеніе св. Георгія на монетахъ Алексія I Комнина, еще не удовлетворительно рѣшенъ. — См. сочи-

16) Изображеніе св. Георгія на монетахъ Мануила Комнина, царствовавшаго съ 1143—1180[121]).

17) Изображ. св. Георгія на монетахъ никейскаго императора Іоанна I Дуки Ватаца (1222—1255). Ср. выше прим. 110[122]).

18) Изображ. св. Георгія на монетѣ ц. Андроника (1282—1325)[123]).

C. *Св. Георгій верхомъ и ѣдущій въ право* (отъ зрителя, à droite)[124]).

19) Византійская печать. См. ниже Рисунокъ на Табл. D, 1 по экземпляру, принадлежащему Императорскому Эрмитажѣ[125]).

20) Лубочныя картины, напечатанныя съ 1713 г. въ аѳонскихъ монастыряхъ и изображающія ѣдущихъ на встрѣчу другъ другу, св Георгія (поражающаго дракона), и св. Димитрія (поражающаго воина)[126]).

ненія: Ducange (Fam. Byz., p. 201; см. ниже Табл. C, 5), Banduri (Numismata imperatorum romanorum. Tom. II. Paris. 1718, p. 754, 761 и 763), Tanini (Numismatum... A. Banduriо editorum supplementum. Romae 1791, p. 432), Eckhel (Catalogus Mus. Vindobon. Pars II. 1779, p. 554), Saulcy (Essai, p. 364, Planch. XXX, № 5 и ниже Табл. C, 2) и Catalogue de ... Soleirol (p. 299, № 988).

121) См. Ducange, (p. 168 и ниже Табл. C, 4), Saulcy, (Essai p. 340; Planche XXVIII, 5 и ниже Табл. B, 6), Soleirol (p. 288, № 953; p. 289, № 957).

122) См. Saulcy (Essai, p. 395; Pl. 31, 6 и ниже Табл. C, 3); Soleirol p. 304, № 1000 и 1001.

123) Въ «Catalogue des monn. byzant. qui comp. la collection de Soleirol» (p. 312, № 1018) эта монета приписывается Андронику II Палеологу.

124) Мы съ намѣреніемъ не употребляемъ выраженій: à dextre et a sénestre, выдуманныхъ западными гербовѣдцами и подавшихъ поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ.

125) Этотъ экземпляръ недавно доставленъ изъ Тифлиса генераломъ И. А. Бартоломеемъ. Византійскія печати, изданныя въ 1618 (см. Aller Röm. Keyser Leben ... durch ... de Strada a Rossberg. Frkft. 1618, p. 453) и 1857 году (см. Revue archéologique. XVe Année. Par. 1858. Pl. 331, 7) не изображають великомученика Георгія.

126) Не знаю, встрѣчаются ли подобныя картины между русскими лубочными

21) Изображенія св. Георгія и св. Димитрія, ѣдущихъ другъ къ другу на встрѣчу, находятся въ разныхъ мѣстахъ Грузіи и также на одномъ барельефѣ въ городѣ Ани, бывшей армянской столицѣ [127]).

22) Изображеніе св. Георгія и св. Димитрія, ѣдущихъ другъ къ другу на встрѣчу, на печатяхъ, приложенныхъ къ русскимъ грамотамъ 15 вѣка [128]).

23) Изображеніе св. Георгія на монетѣ или медали Ангелины, деспотицы Сербовъ, переселившихся въ австрійскія владѣнія еще въ 1459 году. На одной сторонѣ портреты Ангелины и ея сыновей: Георгія и Іоанна, а на другой великомученикъ съ круговою надписью: † Сті влкомиче Гіеоргіе помлоуи раби свое [129]).

24) Изображеніе св. Георгія въ срединѣ соединенныхъ гербовъ дунайскихъ (румынскихъ) княжествъ на одномъ знамени и на сабляхъ Грековъ послѣднихъ столѣтій [130]).

изданіями. Для народнаго чтенія не давно издано: «Жизнь, страданіе и чудеса св. великомученика Георгія. Москва 1859», съ картиной, изображающею св. Георгія верхомъ и ѣдущимъ на право.

127) См. Voyage autour du Caucase, par Fr. Dubois. Tome III. Paris 1839, p. 176; Atlas IIIe série, Pl. 20; Tome VI, 413. Въ Альбомѣ рисунковъ, собранныхъ Кестнеромъ на Кавказѣ и приготовленныхъ къ изданію, встрѣчается такой же барельефъ съ изображеніемъ св. Георгія и Дмитрія. «Il n'est pas postérieur au XIe siècle, parce qu'à cette époque à fini la gloire d'Ani, qui fut abandonné peu-à-peu depuis le milieu du XIVe siècle». M. Brosset.

128) См. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Томъ I, стр. 82, 90, 220 и 243 и ср. цитаты у Сахарова (Записки, стр. 23).

129) Надпись съ титлами. — Рисунокъ медали изданъ въ сербскомъ альманахѣ: Забавникъ (у Бечу 1821 г.), въ періодическомъ изданіи: Гласникъ друштва србске словесности. Свезка III. У Београду. 1851, (стр. 244; Табл. VIII, 88) и въ Журн. Мин. Народн. Просв. за 1835 г. (Томъ VII, стр. 297; Рисун. № 4). — О печати боснійскаго бана Твртка съ изображеніемъ св. Георгія см. Mémoires de la Imp. d'Archéologie. Tome VI (1852), p. 172.

130) За недостаткомъ времени пока не могу въ точности опредѣлить вѣка этого знамени, снабженнаго церковно-славянской надписью. Ср. также Записки

25) Изображеніе св. Георгія на фрескахъ старо-ладожской георгіевской церкви, построенной внутри крѣпости или т. н. Рюрикова дома. Фрески эти, по мнѣнію знатоковъ, относятся къ 14 или 13 вѣку[131]).

26) Велико-русскія изображенія св. Георгія 14 и 15 вѣка, у Сахарова.

27) Изображеніе св. Георгія на многихъ русскихъ монетахъ и княжескихъ печатяхъ 14 и 15 вѣка, въ видѣ великомученика, поражающаго дракона или змѣя[132]).

28) Изображеніе св. Георгія на печатяхъ литовскихъ князей до второй половины 14 вѣка[133]).

Число выше приведенныхъ изображеній св. Георгія[134]) въ полномъ вооруженіи во весь ростъ не значительно[135]), но вѣрно то, что ликъ его рано

Сахарова, стр. 26. О византійскихъ знаменахъ съ изображеніемъ св. Георгія, см. ниже стр. 130. — О сабляхъ новогреческихъ воиновъ см. Древн. Росс. Государства. Отд. III, р. 80 и Рисунки. Отдѣл. III, № 87, 89 или у Сахарова, Табл. III, 23.

131) См. снимокъ у Оленина (Литогр. рисунки. СПб. 1833. Р. III). Этотъ, впрочемъ не совсѣмъ вѣрный, рисунокъ повторенъ Лакьеромъ и Сахаровымъ.

132) О монетахъ и печатяхъ, на которыхъ изображенъ князь или просто всадникъ, здѣсь не говорится. Ср. статьи И. Снегирева, въ Моск. Вѣдом 1842, № 43, стр. 303; 1853, № 69; въ Вѣдом. моск. городск. полиціи, 1853, № 152 и въ Древност. Росс. Государства Отдѣленіе I. Москва 1849, стр. 32.

133) Здѣсь мы не можемъ подвергнуть этотъ предметъ особому разбору.

134) Почитаніе его мы видимъ также въ Жалованвой грамотѣ Мстислава Юрьеву монастырю, 1132 года: «Се язъ Мьстиславъ... повелѣлъ іесмъ сыноу своіемоу Всеволодоу огдати Боуицѣ святому Георгиеви съ данию...». Ср. прим. 111.

135) О георгіевскихъ церквахъ въ Царьградѣ, кажется, не имѣется подробныхъ описаній. См. у Дюканжа, Constantinopolis christiana, B, 124, 162 и стр. 128 сочиненія Скарлата (Ἡ Κωνσταντινούπολις· Περιγραφὴ τοπογραφικὴ, ἀρχαιολογικὴ καὶ ἱστορικὴ..... ὑπὸ Σκαρλάτου Δ. τοῦ Βυζαντίου. Ἀθήνησιν. 1851).

и довольно часто представляется въ видѣ груднаго изображенія. Сравнивая грудныя изображенія Побѣдоносца (τροπαιοφόρος) между собою, намъ кажется на первый взглядъ, будто онѣ весьма различны. Но даже предположивъ, что рисунки ихъ иногда не совсѣмъ точны, все таки можно подвести эти грудныя изображенія подъ извѣстные главные типы. Между изображеніями на бóльшемъ экземплярѣ Ярославля сребра, на крестѣ св. Евфросиніи, на кіевскихъ фрескахъ, на шлемѣ Ярослава Всеволодовича, на панагіи (см. выше прим. 116) и другихъ древностяхъ существуетъ столь разительное сходство, что нельзя не признать въ нихъ представителей *древне-русскаго типа* Великомученика (μεγαλομάρτυρ). Основаніемъ сему служилъ, конечно, византійскій первообразъ, копію котораго имѣлъ передъ собою денежникъ Ярослава.

Довольно важный фактъ находимъ мы въ томъ обстоятельствѣ, что на всѣхъ выше приведенныхъ изображеніяхъ св. Георгія во весь ростъ и по поясъ, дракона или символическаго звѣря не видно; но вывести изъ этого заключеніе, что Святой никогда не былъ изображаемъ пѣшимъ поразителемъ змія, кажется намъ пока слишкомъ смѣлымъ предположеніемъ. Не безъ основанія онъ считается земнымъ представителемъ архангела Михаила, который также встрѣчается на византійскихъ монетахъ 12 и слѣдующихъ вѣковъ; но и въ этихъ изображеніяхъ мы не видимъ дракона, между тѣмъ какъ на печати жалованной, юрьеву монастырю близъ Новгорода, грамоты 1132 года мы видимъ его поражающимъ дракона.

Съ котораго времени начали въ Византіи изображать святаго Георгія *коннымъ*, пока еще неизвѣстно. Кажется, что этотъ обычай былъ сперва въ ходу на Западѣ, какъ можно думать на пр. по изображенію въ одной римской и ахенской церкви[136]). Де-Соси и другіе предполагали, что обычай

136) Въ церкви св. Георгія въ Велабрѣ, въ Римѣ, изъ 6 или 7 вѣка, была мозаика, но посредствомъ живописи она воспроизведена уже позже. См. описаніе этой церкви въ сочиненіи: Monuments anciens et modernes. Collection formant une histoire de l'architecture des différents peuples à toutes les époques, publiés par Jules Gailhabaud. Tome deuxième. Moyen âge (Première Partie). Paris 1850 in-4°. Изображеніе Святаго, стоящаго и держащаго лошадь, какъ и на печатяхъ русскихъ князей, см. ниже на Табл. B, 3.

крестоносцевъ, занявшихъ Антіохію въ 1098 г. съ призываніемъ св. Георгія и впослѣдствіи изображавшихъ его на своихъ монетахъ [137]), побудилъ и Византійцевъ вырѣзывать ликъ этого Святаго на своихъ монетахъ [138]). Впрочемъ это еще не доказано убѣдительнымъ образомъ. Изъ византійскихъ историковъ, Георгій Кодинъ († послѣ 1453) сообщаетъ, что въ Царьградѣ, на праздникъ Рождества Христова, приносили въ придворную церковь знамена и между ними одно [139]), на которомъ св. Георгій изображенъ коннымъ (ἔφιππος).

Въ ахенскомъ соборѣ находится рѣзное изображеніе св. Георгія, ѣдущаго въ право и поражающаго звѣря. Фёрстеръ полагаетъ, что оно относится къ вѣку Карла Великаго (?). Во всякомъ случаѣ этотъ памятникъ послужитъ хорошимъ пособіемъ при сравнительномъ изученіи агіографіи, хотя физіогноміи Святаго дано чисто нѣмецкое или фламандское выраженіе. См. Denkmale deutscher Baukunst, Bildnerei und Malerei von Einführung des Christenthums bis auf die neueste Zeit. Herausgegeben von Ernst Förster. 1. Band. Leipzig 1855. (II. Bildnerei. 1.).

Указаніемъ на эти два изображенія я обязанъ В. В. Стасову. Онъ же обратилъ мое вниманіе на изображеніе св. Георгія 1179 г., во едвали свидѣтельствующее о вліяніи Византіи на Сицилію во время романско-норманскаго владычества. См. Del Duomo di Monreale... Ragionamente tre per... Duca di Serradifalco. Palermo 1838, p. 21, Pl. XII (Святой скачетъ въ *право*) и ср. Architecture moderne de la Sicile. Paris 1835. Pl. 68 (Св. Георгій, стоящій, съ мечомъ).

Здѣсь не мѣсто распространяться о романтическомъ почитаніи св. воина у народовъ западной Европы въ средніе вѣка. См. на пр. Histoire de S. Louis IX... écrite par Jean Sire de Joinville; par Charles du Fresne, sieur du Cange. A Paris 1668, p. 211, 212 и стр. 325—330 сочиненія подъ заглавіемъ: Christliche Symbolik. Von Wolfgang Menzel. 1. Theil. Regensburg 1854.

137) Numismatique des croisades par F. de Saulcy. Paris 1847.

138) Essai de classification des suites monétaires byzantines, p. 340, 357.

139) Codini Curopalatae de officialibus Palatii Constantinopolitani. Bonnae 1839, (на стр. 79 изд. Парижск.):·οἱ ἄρχοντες.. τὰ βασιλικὰ φέροντες φλάμουλα... ἕτερον ἔχον τὸν ἅγιον Γεώργιον ἔφιππον, ἄλλο δρακόντειον, καὶ ἕτερον δὲ τὴν τοῦ βασιλέως ἔχον στήλην ἔφιππον. Ср. еще № XL сочиненіе Дюканжа: De inferioris aevi nomismatibus Dissertatio (въ Glossarium novum ad scriptores medii aevi.

Едва ли къ эпохѣ Комниновъ (1081—1185) можно отнести печать изображенную ниже (на Табл. D, 1). Въ Грузію поклоненіе св. Георгію, кажется, проникло уже весьма рано и тамъ же часто встрѣчается изображеніе его и св. Димитрія солунскаго, ѣдущихъ другъ другу на встрѣчу[140]).

Когда именно начался на Руси обычай изображать «Егорія храбраго» *коннымъ*, пока не объяснено, потому что у насъ еще никто не принимался за установленіе хронологическаго порядка различнымъ видамъ его изображенія. Можетъ быть, обычай этотъ водворился не позже 13 вѣка, хотя извѣстные намъ древнѣйшіе памятники стѣннаго и образнаго иконописанія, относящіеся сюда, принадлежатъ позднѣйшему времени. Даже фактъ, что Святой въ 14 и 15 вѣкѣ былъ изображаемъ на Руси иногда всадникомъ съ мечемъ, вмѣсто копья, самъ по себѣ не противорѣчитъ памятникамъ византійской иконописи и нумизматики 12 и слѣдующихъ столѣтій. И въ Византіи, по свидѣтельству Кодина, изображался на знаменахъ то ликъ царя, то св. Георгій. А что̀ въ Россіи до Іоанна III подразумѣвали, изображая двухъ, ѣдущихъ другъ другу на встрѣчу? Вѣроятно, св. Георгія и Димитрія.

По этому слишкомъ смѣло было бы полагать, что «ѣздецомъ» на *оффиціальныхъ* печатяхъ до Іоанна III Васильевича преимущественно изображался не св. Георгій, а князь или всадникъ вообще. Великій князь Іоаннъ III Васильевичъ (1462—1505), давъ, съ полнымъ сознаніемъ, послѣ бракосочетанія своего съ Софіею, племянницей послѣдняго византійскаго императора, государственному гербу твердую форму, не позволилъ себѣ нововведенія. Покровителя Россіи православная церковь безъ того величала «свободителемъ плѣнныхъ и поборникомъ царей». И въ массѣ русскаго народа повсемѣстное средневѣковое вѣрованіе въ него, какъ покорителя дракона или язычества, выразилось въ болѣе положительной формѣ въ былинахъ, которыя сохранились тамъ и сямъ въ устахъ простолюдиновъ до

Tomus IV. Parisiis 1666): «Verum Graeci, a quibus (S. Georgius) immense cultus «est, ἔφιππον, seu equitem, fere semper (?) sanctum Georgium depingebant...».

140) Ср. выше стр. 122, № 3 и стр. 124. О св. Димитріѣ см. статью Филарета подъ заглавіемъ: Святой великомученикъ Димитрій солунскій и солунскіе Славяне (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. Годъ III, № 6, 1848). Ср. выше стр. 55.

*

новѣйшаго времени. Въ этихъ былинахъ приписывается «святому Егорію Хораброму» призваніе отражать и побѣждать «зміиное стадо», т. е. Татаръ и проч., или латинскаго «безбожнаго пса бусурманица», взявшаго Іерусалимъ[141]).

Если изображенія св. Георгія, на такъ называемыхъ оффиціальныхъ памятникахъ со времени Ярослава I, представляютъ его не только святымъ мученикомъ, но, какъ Сахаровъ впервые высказалъ, и покровителемъ всѣхъ воиновъ и вообще древней Руси (ср. выше стр. 106), то для удостовѣренія въ этомъ предположеніи необходимо подробно разсмотрѣть вопросъ о вліяніи другихъ народовъ на Русь, особенно въ 14 и 15 вѣкахъ. При этомъ нужно будетъ обратить вниманіе, въ какую сторону скачетъ всадникъ, т. е. скачетъ ли св. Георгій или «ѣздецъ» или «князь» или «человѣкъ на конѣ» *въ право* или *въ лѣво*. Мы ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими указаніями.

Не можетъ быть, чтобы на византійскихъ и русско-византійскихъ памятникахъ св. Георгій являлся безъ всякаго основанія скачущимъ *въ право* (отъ зрителя). Причину этому нельзя искать въ западной геральдикѣ; напротивъ того, это направленіе казалось, вѣроятно, искони весьма естественнымъ. Каждый воинъ на конѣ держитъ лѣвою рукою повода, сражается держа оружіе въ правой, которая по этому называлась уже древне-греческими поэтами *копьеметальною* (δορίπαλτος), и ѣдетъ на встрѣчу непріятелю. Потому всадники, являющіеся на монетахъ римскихъ и первыхъ византійскихъ императоровъ (см. ниже Табл. D, 6), обыкновенно изображены скачущими *въ право*. Тѣ же, которые на этихъ монетахъ изображены скачущими въ лѣво, представлены въ бѣгствѣ, или они изображены въ совершенно неестественномъ положеніи. На западѣ Европы также встрѣчаются изображенія св. воина, скачущаго въ лѣво и въ слѣдствіе этого держащаго копье обѣими руками, что конечно непристойно герою.

---

141) См. Стихъ о Егоріи храбромъ и о Елисаветѣ прекрасной въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. Годъ III. 1848, № 9. Смѣсь, стр. 148, 156.

Въ Софійской I Лѣт. подъ 1471 г. читается: «И тако моляся благочестья «дѣлатель, призываше къ собѣ на помощь великаго заступника и скораго помощника «на бранехъ воеводу небесныхъ силъ Архистратига Михаила, и великыхъ страсто«терпецъ Христовыхъ непобѣдимыхъ, Дмитрея Солуньскаго, и *Егорья Храбраго*, и «Θеодора Стратилата...».

Сахаровъ справедливо замѣтилъ, что изображенный коннымъ св. Георгій (или замѣнившій его великій князь) по правиламъ иконописи на древнѣйшихъ русскихъ изображеніяхъ, также на велико-княжескихъ печатяхъ, скачетъ въ право отъ зрителя[142]). Это положеніе относительно печатей великихъ князей не подвергается никакому исключенію. Но за то Сахаровъ ошибается, придавая соблюденію этого правила на велико-княжескихъ печатяхъ слишкомъ общее значеніе: на монетахъ и на печатяхъ частныхъ лицъ[143]), особенно XV столѣтія, «ѣздецъ» иногда изображенъ скачущимъ въ *лѣвую* сторону; но причина этого уклоненія отъ общаго правила заключается въ невѣжествѣ денежниковъ, изъ которыхъ иные при рѣзьбѣ штемпелей болѣе или менѣе придерживались иностранныхъ образцовъ. Это вліяніе на русскую нумизматику и сфрагистику можно назвать, для краткости, *чешско-польскимъ*, не исключая при этомъ Венгрію и Литву.

Давно признано, что на монетахъ Премысловичей, кромѣ баварско-англосаксонскаго типа, встрѣчаются признаки особеннаго рода, какъ напр. бой воина съ зміемъ или дикимъ звѣремъ, имѣющій символическое значеніе, и др. Въ какой степени въ такихъ случаяхъ дѣйствовало византійское вліяніе, это еще не объяснено. Достовѣрно то, что уже князь Вратиславъ I (912—926), сынъ св. Людмилы и отецъ св. Вячеслава, воздвигнулъ въ Прагѣ церковь во имя св. Георгія побѣдоносца. Когда въ послѣдствіи богослуженіе по греко-славянскому обряду въ Чехіи вытѣснено латинскимъ (см. ниже Прил. III), то разныя идеи и представленія были заимствованы съ запада и онѣ-то перешли, по всей вѣроятности, изъ Чехіи въ Польшу и оттуда въ Литву, напр. всадники на печатяхъ и монетахъ, скачущіе не въ правую, а въ *лѣвую* сторону.

---

142) Необходимо критическое изданіе разныхъ редакцій славяно-русскихъ «Подлинниковъ», т. е. Правилъ о церковной живописи (см. выше стр. 69). Мѣста изъ нихъ, относящіяся къ св. Георгію, напечатаны Сахаровымъ. См. Записки о русскихъ гербахъ, стр. 18 и Изслѣдованія о русскомъ иконописаніи. Изданіе второе. Книжка первая. (СПб. 1850).

143) Сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и другимъ юридическимъ актамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, составленный П. Ивановымъ. М. 1858.

Но въ литовскомъ великомъ княжествѣ эти западныя представленія уже повстрѣчались съ древне-русскими [144]).

Когда литовскіе князья, пользуясь слабымъ состояніемъ Руси со времени нашествія Татаръ, начали свои завоеванія съ береговъ Нѣмана, они вступали въ близкія сношенія особенно съ Витебскомъ, Полоцкомъ, Псковомъ, Смоленскомъ и Новгородомъ. Нѣкоторые литовскіе князья поселились въ XIII и XIV столѣтіяхъ владѣтельными князьями въ Полоцкѣ и въ другихъ мѣстахъ, «опекальниками» во Псковѣ и на новгородской землѣ и приняли вмѣстѣ съ св. крещеніемъ обычай изображать св. Георгія на своихъ печатяхъ. Не стараясь подробно доказывать этотъ фактъ, скажемъ только, что Лелевель, хотя ему не всѣ источники доступны, въ сущности придерживается того-же мнѣнія [145]). Между прочимъ на печати полоцкаго князя Наримунта-Глѣба Гедиминовича около 1335 года встрѣчается русскій ѣздецъ, скачущій въ право и передѣланный изъ изображенія св. Георгія [146]). На неизданной, хотя и грубо выдѣланной печати [147]) смоленскаго князя Александра Глѣбовича († 1313) изображенъ св. Михаилъ пѣшимъ и на другой сторонѣ всадникъ съ *вѣнчикомъ* и скачущій въ право, по правиламъ иконописанія.

---

144) Это было уже написано, когда я получилъ возможность воспользоваться экземпляромъ чешскихъ Памятниковъ (Památky archaeologické a mistopisné. Redaktor K. V. Zap), принадлежащимъ А. Н. Пыпину. Во второмъ томѣ (Dil II. V Praze 1857. Obr. 7) помѣщено изображеніе св. Георгія, (1373 г.), ѣдущаго *въ лѣво* и поражающаго дракона. Ср. Obr. 2.

145) См. Главу: «Herby litewskie» (Polska. Dzieje i rzeczy jéj rozpatrywane przez J. Lelewela. Tom IV. Poznań 1856), стр. 408.

«...Ten jeździec smoka zabijający, dał początek jeźdzcowi z włócznią równie «Pogonią zwanemu, pod którym bywa smok rozciągniony».

146) См. Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами, собранныя въ Рижскомъ Архивѣ и изданныя Археографическою Коммиссіею. СПб. 1857, Сним. № 7.

147) Смоленская печать будетъ описана мною подробнѣе при другомъ случаѣ. Замѣчу только, что она приложена къ готляндской редакціи договора 1229 г., вновь утвержденнаго Александромъ Глѣбовичемъ.

Нельзя отрицать сходства этого всадника съ всадникомъ на литовскихъ монетахъ, приписываемыхъ, хотя и безъ достаточныхъ поводовъ, князю Кейстуту. Въ указанномъ сходствѣ можно убѣдиться изъ слѣдующаго рисунка.

Вмѣсто копья видимъ мы мечь въ рукѣ всадника, изображеннаго на этой монетѣ; въ ней, по этому, намъ представляется уже переходъ къ литовскому погону, который однако получилъ твердый типъ только послѣ бракосочетанія литовскаго великаго князя Владислава-Ягайла, сына Ольгерда Гедиминовича и тверской княжны Юліаны Александровны, съ польскою королевою Ядвигою въ 1386 году, какъ мы можемъ судить по печатямъ Ягайлы 1388 года и его сына Владислава 1438 года [148]).

Здѣсь литовско-русскій Георгій совершенно отличается отъ своего русско-византійскаго первообраза. Скача въ *лѣвую* сторону, погонъ разсѣкаетъ своимъ мечемъ воздухъ, между тѣмъ какъ драконъ, подобно сопровождающей или преслѣдующей его охотничей собакѣ, бѣжитъ подлѣ него. Наконецъ, когда

---

148) Рисунокъ литовской монеты не хорошо вышелъ. Полная печать польскихъ королей изображена въ сочиненіи, вышедшемъ подъ заглавіемъ: Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Poznań 1841. Табл. IV и V и, кромѣ того, у Фоссберга (Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. Berlin 1854).

на монетахъ и печатяхъ вовсе перестали помѣщать дракона, погонъ сдѣлался простымъ всадникомъ, которому ложная ученость временъ прошедшихъ придала особое символическое значеніе. Въ слѣдствіе близкихъ отношеній, начавшихся съ XV столѣтія, между Москвою и литовскимъ великимъ княжествомъ, на русскихъ монетахъ и на печатяхъ частныхъ людей стали подражать изображенію скачущаго въ лѣво погона, но это подражаніе не имѣло вліянія на направленіе св. Георгія въ государственномъ гербѣ московскихъ великихъ князей. Справедливо замѣчаетъ Сахаровъ, что въ этомъ отношеніи только люди, подобные Герберштейну и Лжедмитрію, изкажали изображенія святаго воина, давая ему направленіе *въ лѣво*, потому что они не имѣли понятія ни о византійской иконописи, ни о символическомъ значеніи св. Георгія въ византійскомъ мірѣ вообще. Но и Сахаровъ ошибается, предполагая, что Герберштейнъ, Лжедимитрій (и его польскіе граверы), Майербергъ и др. при этомъ руководствовались какими-то правилами западной геральдики.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Ярославле сребро древнѣе ли Владимірова злата и сребра?

Еслибы цѣлью настоящей статьи было подробно разъяснить всѣ виды русско-византійскихъ монетъ, то прежде всего нужно было бы въ точности разсмотрѣть вопросъ о подлинности отдѣльныхъ монетъ съ надписью: «Владиміръ», къ чему и въ средствахъ, по видимому, нѣтъ недостатка. Но здѣсь мы уже напередъ допускаемъ положенія, что кіевскій экземпляръ *Владимірова злата*, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ 1816 году, — подлинный и что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ монетъ втораго типа также подлинны.

Экземпляръ перваго типа на лицевой сторонѣ (см. Табл. С, 7) представляетъ изображеніе во весь ростъ князя, сидящаго на престолѣ, съ надписью: «**ВЛАДИМИРЪ А СЕ ЕГО ЗЛ**(а)**ТО**», а на оборотѣ грудной ликъ Спасителя, держащаго книгу, Евангеліе, съ круговою надписью: **ІСУСЪ ХРИСТОСЪ**. На этомъ экземплярѣ двѣ буквы (*а* и *ъ*) вычеканены на-изворотъ, другія же, какъ кажется, соединены между собою[149]). Надписи экземпляровъ *втораго* типа, которыя вообще не совсѣмъ точно списаны нашими нумизматами, вычеканены также на-изворотъ, какъ бываетъ и на византійскихъ[150])

149) См. выше прим. 13. Рисунокъ, напечатанный на Табл. С, 7 гравированъ по Шодуару (III, Pl. II, 1, Fig. 1), который получилъ слѣпокъ съ перваго Владимірова злата отъ митрополита Евгенія.

150) Ср. ниже Табл. С, 1. — Экземпляры втораго типа Владимірова злата не рѣдки, но подлинность нѣкоторыхъ подлежитъ сомнѣнію. Рисунки ихъ у Сахарова (Лѣтопись Русской Нумизм. II Изд. Табл. I, 1) и Рейхеля (Mémoires de la Soc. d'Archéol. Tome II, Pl. XIII, 1; Зап. Археол. Общ. I, Табл. XVIII, 1).

монетахъ. Надпись на лицевой сторонѣ: **ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛѢ**, а на оборотной сторонѣ: **ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ**.

Византійскій типъ лицевой и оборотной стороны этихъ златниковъ очевиденъ, но никто доселѣ не принималъ на себя труда убѣдительно доказать, какія именно византійскія монеты 11 или 12 вѣка служили здѣсь образцами. Нѣкоторые признаки явственно указываютъ на то, что кромѣ Ярославля сребра, тутъ предлежали чеканщику также византійскія монеты, чеканенныя скорѣе послѣ, чѣмъ прежде кончины Ярослава.

Изъ свойства буквъ надписи нельзя вывести вѣрнаго заключенія на счетъ времени, которому принадлежатъ златники: отчасти недостатокъ мѣста не дозволялъ граверу увеличить буквы, отчасти же начатки нумизматики у народовъ, еще мало образованныхъ, не подлежатъ общимъ законамъ техники и искуства вообще. Но вѣрно каждый, лишь немного знакомый съ русскою палеографіей, согласится отнести буквы на надписяхъ златниковъ по общему ихъ характеру скорѣе къ 12-му вѣку, чѣмъ ко времени Владиміра I. Въ частности поразительна на пр. форма И вмѣсто болѣе древней Н въ Остроміровомъ Евангеліи 1056—1057, на таманскомъ камнѣ 1068, на крестѣ св. Евфросиніи полоцкой 1161 года и т. д.

Особенно замѣчательно одно обстоятельство, по которому можно заключить почти на вѣрно, что златники Владиміра принадлежали не св. Владиміру, а чеканены однимъ изъ потомковъ Ярослава. Мы разумѣемъ форму птицы и мѣсто, гдѣ она поставлена. Выше замѣчено было, что голубь на сребрѣ Ярославлѣ по всей вѣроятности относится къ тому князю, который названъ въ круговой надписи и что она по обычаю церковной символики изображена головою внизъ[151]). Если это толкованіе справедливо, то понятно, что символъ голубя уже не могъ болѣе оставаться на оборотѣ, когда *лицевая* сторона златниковъ была снабжена ликомъ *князя*; по этому-то символъ былъ поставленъ въ возможно уменьшенномъ видѣ подлѣ князя. Тутъ граверъ едва ли соображался съ византійскими монетами, хотя на нихъ цари не рѣдко изображаются держащими въ лѣвой рукѣ глобусъ съ крестомъ, какъ знаменіе владычества по образцу Творца, или съ стоящими возлѣ

151) См. выше стр. 116.

нихъ Іисусомъ Христомъ, или Богоматерью, Ангеломъ или Святымъ. На одной золотой монетѣ Константина XII Мономаха (1042—1055), тестя Всеволода Ярославича, по обѣимъ сторонамъ его лика помѣщены двѣ звѣзды, а звѣзды между прочимъ считались символами изліянія св. Духа[152]).

И такъ пока новые клады не дадутъ намъ лучшаго поученія, мы не имѣемъ права относить златники съ именемъ «*Владимира*» къ Владиміру Великому, а скорѣе должны приписывать ихъ кіевскому великому князю Владиміру Всеволодовичу Мономаху (1113—1125), внуку Ярослава I, а по матери внуку императора Константина XII Мономаха. Ему же въ такомъ случаѣ принадлежатъ и соотвѣтствующіе златникамъ въ нѣкоторомъ отношеніи экземпляры Владиміровыхъ серебрениковъ, которые сдѣлались извѣстными съ 1810, и особенно 1852 года. Тѣ изъ экземпляровъ, которые выбиты нѣсколько правильнѣе, имѣютъ на лицевой сторонѣ круговую надпись: **ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛѢ**, а на оборотѣ: **А СЕ ЕГО СРЕБРО**[153]).

Ученый хранитель минцъ-кабинета кіевскаго университета, Я. Я. Волошинскій, склоненъ раздѣлять найденные въ Нѣжинѣ серебреники Владиміра на два разряда[154]), т. е. на серебреники Владиміра Великаго и Владиміра Мономаха. Но во первыхъ нѣсколько странно было бы то, что въ одномъ и томъ же кладѣ оказались монеты, чеканенныя въ теченіе 120 лѣтъ; да и независимо отъ этого сказанное раздѣленіе не основано на прочномъ началѣ. Всѣ *серебреники* Владиміра, какъ найденные съ 1810, такъ и въ 1852 году, относительно изображенія птицы не могутъ быть отдѣлены одни отъ другихъ, т. е. на всѣхъ этихъ монетахъ фигура птицы одинаково искажена, — вѣроятно потому, что денежники или сами уже не понимали болѣе первоначальнаго ея значенія, или представляли себѣ подъ нею нѣчто другое. Скорѣе можно было бы сблизить оба типа Владимірова

---

152) Menzel, Symbolik II, 416.

153) Владимірово сребро, принадлежащее А. Ѳ. Бычкову, изображено на Табл. С, 6. Считаю нужнымъ замѣтить, что я для востановленія надписи въ увеличенномъ видѣ посредствомъ фотографіи, счистилъ съ этого экземпляра, хотя съ трудомъ, столѣтнюю грязь, которой онъ былъ покрытъ.

154) См. № 1—3 и № 4—10 на Табл. I сочиненія Волошинскаго.

злата съ серебрениками Ярослава I относительно способа выдѣлки ихъ; но второй типъ златниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ также близкое сходство съ серебрениками Владиміра, да и самыя надписи *«Владиміръ на столѣ»* и *«а се его злато»* — *«а се его сребро»* совершенно однородны. Нѣтъ сомнѣнія, что столь добросовѣстный наблюдатель, какъ г. Волошинскій, былъ бы въ состояніи, дать болѣе рѣшительное поясненіе на счетъ этого и подобныхъ вопросовъ; но при этомъ необходимо было бы прибѣгнуть къ помощи фотографіи[155]). На иныхъ серебреникахъ Владиміра голова князя окружена вѣнчикомъ. Еслибы это было сіяніе Святаго, то можно бы было подумать, что потомки Ярослава I, именно Владиміръ Мономахъ, изобразили на своихъ монетахъ св. Владиміра[156]), какъ напр. на монетахъ чешьскаго князя Яроміра (см. Прилож. III) является св. Вячеславъ. Усы на портретѣ этому не противорѣчатъ, потому что и св. Димитрій (см. выше стр. 69) по правиламъ иконописанія изображается съ усами. Правила «Подлинника» объ изображеніи святыхъ князей отчасти установлены вѣроятно послѣ 13 столѣтія[157]). Замѣтимъ еще, что по разсказу Грековъ Святославъ Игоревичь носилъ длинные усы[158]).

Но едва ли историческими доводами можно подтвердить догадку, что на позднѣйшихъ русско-византійскихъ серебреникахъ изображенъ св. Владиміръ, отчасти потому что на нихъ и другіе лики князей снабжены вѣнчикомъ, отчасти же потому что и позже иногда проявляется старинный

155) Если примемъ въ соображеніе, какъ трудно изображать иныя монеты въ вѣрныхъ рисункахъ, то нельзя не пожелать, чтобы у насъ всѣ сколько нибудь значительные минцъ-кабинеты снабжены были фотографическимъ снарядомъ.

156) О времени, когда начали праздновать память Владиміра равноапостольнаго см. Исторію Русской церкви, Епископа Макарія I, стр. 66 и прим. 168 (на стр. 233).

157) См. (Сахарова) Изслѣдованія о Русскомъ иконописаніи. Изданіе второе. Книжка первая. СПб. 1850. Подлинникъ. Часть вторая, стр. 11—13.

158) Leo Diaconus (IX, 11): Δασεῖς τὰς ὀφρῦς, γλαυκοὺς ἔχων τοὺς ὀφθαλμοὺς, τὴν ῥῖνα σιμὸς, ἐψιλωμένος τὸν πώγωνα, τῷ ἄνωθεν χείλει δασείαις καὶ εἰς μῆκος καθειμέναις θριξὶ κομῶν περιττῶς.

обычай римскихъ и римско-византійскихъ императоровъ окружать вѣнчикомъ свою голову [159]).

Рѣшеніе вопроса, были ли златники Владиміра дѣйствительно ходячею монетою, или назначеніе ихъ состояло только въ томъ, чтобы служить для подарковъ, зависитъ частію отъ новыхъ кладовъ. Покамѣстъ должно придерживаться перваго мнѣнія, доколѣ оно не будетъ опровергнуто основательно. Только подъ серебрениками едва ли слѣдуетъ разумѣть «рѣзани» историческихъ источниковъ [160]). *Злато* соотвѣтствуетъ византійскому выраженію: νόμισμα (= solidus aureus), χρυσοῦς, χρύσινος и церковно-славянскому «златый, златикъ, златица, златьникъ, златьница», хотя эти выраженія рѣдко встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ 11-го и 12-го столѣтій; но мѣсто Игоревой пѣсни («Се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. *Звоня рускымъ златомъ*, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія»), покамѣстъ еще допускаетъ различныя толкованія.

---

159) См. выше стр. 125 (№ 14) и ср. стр. 134 (494) выше (на стр. 67) приведеннаго сочиненія подъ заглавіемъ: Nimbus и проч.

160) См. Изслѣдованія М. Погодина VII, 361 и ср мнѣніе Н. Ланге въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Ник. Калачовымъ. Книга первая (Приложеніе. 1859)», стр. 50.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

О чешско-византійскихъ монетахъ и о варяжско-византійскихъ брактеатахъ и монетахъ [161]).

(См. выше стр. 119).

При свѣтѣ науки болѣе и болѣе исчезаетъ старинный предубѣжденіе, будто языческіе народы сѣверной и сѣверовосточной Европы не имѣли вовсе или почти лишены были техническихъ познаній. Касательно отраслей чешскаго племени особенно надо согласиться, что они отнюдь не находились въ состояніи дикости во времена Рюрика, когда славянскіе апостолы, св. Кириллъ и Меѳодій съ своими учениками, съ успѣхомъ начали у нихъ дѣло обращенія. И кладъ монетъ съ греческою или славянскою надписью временъ моравскаго князя Ростислава (846—870), который около 862 года призвалъ къ себѣ св. Кирилла и Меѳодія, или изъ царствованія его племянника Святоплука (около 869—894), или моравско-паннонскаго князя Коцеля († 874), вовсе не могъ бы почесться за археологическое чудо.

Въ Богеміи и Моравіи уже издавна выкапывается родъ золотыхъ монетъ, которыя очевидно вылиты, и нерѣдко снабжены извѣстными «рѣзами», или

---

161) Это Приложеніе имѣетъ цѣлью лишь обратить вниманіе нашихъ археологовъ на предметы, до сихъ поръ у насъ мало или вовсе неизвѣстные. Мы пока съ намѣреніемъ употребляемъ выраженіе: «*чешско*-византійскія монеты», потому что существованіе таковыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если со временемъ удастся осязательно доказать, что встрѣчаются и *польско*-византійскія монеты, то, конечно, онѣ должны быть въ генетической связи съ подобными монетами, выбитыми въ Чехіи. Названіе: *варяжско-византійскій* (varango-byzantin) объяснено въ самомъ текстѣ.

фигурами. Въ 1771 году ихъ было найдено въ одномъ котлѣ, недалеко отъ Подмокля въ Богеміи, нѣсколько тысячъ штукъ [162]). Нѣтъ сомнѣнія, что эти золотыя монеты употреблялись у народовъ, которые обитали тамъ до водворенія Чеховъ въ нынѣшнихъ мѣстахъ ихъ жительства, именно у кельтійскихъ Боіевъ [163]). Но не лишено вѣроятія и то, что этому роду выдѣлки монетъ подражали *Чехи*. Въ числѣ этихъ золотыхъ монетъ есть одинъ видъ, который описывается слѣдующимъ образомъ: «На одной сторонѣ видно шей-«ное изображеніе мужескаго лица, голова коего покрыта шлемомъ; на другой «представленъ воинъ, держащій въ правой рукѣ метательное копье, а въ «лѣвой щитъ, съ крестомъ по срединѣ; воинъ прямо противъ вала, окру-«женнаго частоколіемъ; за спиной его, начиная отъ руки, поднята вверхъ... «надпись: ƆΕΓΝΗΖΕ». Число золотыхъ монетъ съ этою надписью уже давно простиралось до нѣсколькихъ десятковъ, которые, сколько извѣстно, преимущественно были открыты въ области бывшаго велико-моравскаго царства. Бочекъ и другіе узнали въ этомъ греческомъ словѣ чешскую форму penjz (староболг. пѣнѧꙁь, по польски piéniądz [164]).

162) Beschreibung der bisher bekannten Böhmischen Münzen ... ausgefertigt von Adauctus Voigt. Des ersten Bandes erste Abtheilung. Prag 1771, p. 235.

163) Mince celtické w Čechách. Od J. Er. Wocela (см. Časopis českóho Museum. 1850, p. 103—114). Краткое извлеченіе изъ этой статьи помѣщено на нѣмецкомъ въ Abhandlungen der K. Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Band VI. 1851. (Gesch. der Ges. p. 45).

164) Въ первый разъ эти монеты сдѣлались извѣстными изъ нумизматическаго каталога Мадьяра Вичая (Viczaj), который, не умѣя прочесть ихъ надписи, назвалъ ихъ варварскими. Потомъ упомянулъ о нихъ Чехъ Пубичка. Бочекъ напечаталъ описаніе ихъ съ рисунками въ нѣмецкомъ журналѣ: Moravia 1838 № 84, а эта статья, кажется, была перепечатана въ журналѣ: Ost und West 1839 № 103. Оба эти журнала не находятся въ СПб. Библіотекахъ. Извлеченіе изъ статьи Бочека помѣщено въ Numismatische Zeitung. Weissensee 1840, № 6 (Professor Boczek über mährisch-slawische Goldmünzen). Здѣсь надпись читается: Pegnaze и Pieginaze. Ср. еще Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. XXIII (1839), Отд. IV, стр. 17 и Москвитянинъ за 1841 г. IV, стр 485.

Лѣтъ за двадцать носился слухъ, будто на одномъ экземплярѣ этихъ предполагаемыхъ чешско-византійскихъ монетъ «вокругъ шишака находятся «церковно-славянскія буквы: РАСТИСА», и эту монету необинуясь приписали моравскому князю Растиславу, именуемому латинскими хронистами Rastize. Но еслибъ даже оказалось еще нѣсколько экземпляровъ съ этою надписью, такое историческое толкованіе было бы весьма сомнительнымъ. И дѣйствительно въ послѣдствіи, кажется, вовсе перестали говорить о золотыхъ монетахъ Растислава [165]).

Ничего не было бы мудренаго, еслибъ нашлись церковно-славянскія надписи, вырѣзанныя на металлѣ, въ собственно такъ называемой Чехіи, потому что введеніе церковно-славянской литургіи и существованіе ея тамъ до исхода 11-го вѣка сдѣлалось неопровержимымъ фактомъ. Св. Мееодій около 875 года крестилъ чешскаго князя Боривоя и супругу его Людмилу, которая, бывъ умерщвлена въ 927 г., погребена въ Прагѣ въ церкви св. Георгія и русскою церковью чтится какъ Святая. Она велѣла «научити книгамъ словенскимъ» своего внука Вячеслава Вратиславича, который въ 935 году былъ убитъ своимъ братомъ, Болеславомъ I. Его мощи уже 938 были перенесены въ Прагу, а вскорѣ потомъ, какъ кажется, было написано въ Богеміи на церковно-славянскомъ языкѣ житіе его, которое однако въ этомъ видѣ сохранилось только между памятниками славяно-русской письменности. Неизвѣстно, когда русскою церковью было принято чествованіе св. Вячеслава, но вѣроятно уже въ 11-мъ вѣкѣ; ибо сочинитель Сказанія «о святою мученику Бориса и Глѣба» уже упоминаетъ о мученіи князя Вячеслава [166]). На чешско-латинскихъ мо-

---

165) О предполагаемыхъ монетахъ Растислава упоминаетъ еще Kilian въ Numismatische Zeitung 1847, № 21. По сказанію покойнаго Прейса, бывшаго въ 1840 г. въ Прагѣ, въ находку мнимой Ростиславлой монеты замѣшанъ былъ жидъ.

166) О времени происхожденія славянскихъ племенъ. Сочиненія О. Бодянскаго, М. 1855, стр. 29, 248 и прим. 179 (на ст. LXXVI). Даже нѣмецкіе историки, знающіе житіе св. Вячеслава по одному латинскому переводу, сдѣланному Миклошичемъ, держатся мнѣнія, что оно написано вскорѣ послѣ смерти Святаго, напр. Büdinger (Zur Kritik altböhmischer Geschichte. Besonders abgedruckt aus der Zeitschrift f. d. österr. Gymnasien. 1857. Heft VII. Wien), Wattenbach (Die slawische

нетахъ ликъ св. Вячеслава попадается уже, если не при Болеславѣ II, то при его сынѣ Яромірѣ (1004—1012), какъ о томъ свидѣтельствуютъ между прочимъ разные экземпляры найденные неподалеку отъ Ростова[167]), а потомъ и при его преемникахъ Удальрихѣ (Uldrih- Андрей, 1012—1037), съ которымъ состоялъ въ сношеніяхъ Владиміръ Великій, и Брячиславѣ I (1037—1055), который принялъ подъ могущественную защиту славянское богослуженіе. Конечно не безъ значенія то, что только на монетахъ Брячислава попадается ликъ св. Климента, почитаніе котораго такъ заботились утвердить славянскіе апостолы.

Не смотря на то, что Русь, со времени Олега завладѣвшаго частью Бѣлохорватіи, приблизилась къ Моравіи, могло быть, что рукописи церков-

---

Liturgie in Böhmen und die altrussische Legende vom heiligen Wenzel. Breslau 1857) и Dümmler. Ср. и замѣчанія П. Прейса въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1839 г. (Ч. XXII, Отд. VII, стр. 1—4).

«Извѣстіе о древнемъ канонѣ въ честь св. Вячеслава Чешскаго» сообщено И. И. Срезневскимъ въ Извѣстіяхъ И. А. Н. по Отдѣленію Русскаго языка (1856). Т. V, стр. 191 и 275. — Неизвѣстно, признавалъ-ли кто-нибудь изъ русскихъ князей, называвшихся Вячеславомъ или Вячко, своимъ покровителемъ св. Вячеслава.

Касательно судьбы греко-славянскаго богослуженія въ Чехіи см. статью Евг. Новикова: «Православіе у Чеховъ» въ Чтеніяхъ Моск. Общества Исторіи. (Годъ III № 9. 1848. Смѣсь). Должно сказать, что содержаніе этой статьи не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея заглавію.

167) Чешскіе нумизматы Ганка и другіе (Numismatische Zeitung, 1847, р. 156, 163) давно узнали изображеніе св. Вячеслава на монетахъ князя Яромира. Экземпляры того же типа, найденные въ Россіи, изображены г. Кёне (См. Mémoires de la soc. d'Archéologie de St.-Pét. Vol. IV, 1850, 97; Рисунки на Табл. XIII, 5, 6 третьяго тома. Также въ Запискахъ Археол. Общ. IV, 167; Табл. VI, 5, 6).

Недавно издано начало описанія чешскихъ монетъ — плодъ многолѣтнихъ трудовъ почтеннаго ветерана В. Ганки. Это описаніе напечатано, хотя до сихъ поръ только въ сокращенномъ видѣ, въ чешскихъ Памятникахъ (Památky см. выше прим. 144). Тамъ же (Dil II, стр. 177 и Tab. VIII) описаны и изображены монеты Яромира съ ликомъ св. Вячеслава.

но-славянской письменности Чеховъ получались въ Кіевѣ чрезъ посредство Польши[168]). Съ двухъ сторонъ христіанство вмѣстѣ съ славянскимъ богослуженіемъ проникало въ предѣлы Польши; во-первыхъ изъ Моравіи въ 9 вѣкѣ въ малую Польшу (Краковъ), а потомъ изъ Богеміи въ 10 вѣкѣ въ великую Польшу (Гнезенъ). Еще св. Меѳодій около 880 года старался обратить могущественнаго ляшскаго князя въ Вислицѣ[169]). По изгнаніи его Краковъ, вѣроятно, принадлежалъ къ моравскому царству, а позже перешелъ къ чешскому, у котораго и оставался до 999 года. Между тѣмъ и въ великой Польшѣ была положена прочная основа къ введенію христіанства. Князь Мѣчиславъ I въ 965 году сочетался бракомъ съ Дубравкою, дочерью чешскаго князя Болеслава I и племянницею св. Вячеслава, а вскорѣ за тѣмъ принялъ св. крещеніе. Сынъ ихъ былъ Болеславъ Храбрый (съ 992—1025 годъ), который, какъ и ближайшіе его преемники, между прочимъ подражалъ чешскимъ монетнымъ типамъ.

Когда г. Стрончинскій въ 1847 году издалъ свой трудъ о монетахъ Пястовъ[170]), онъ сообщилъ также каталогъ отчасти неизвѣстныхъ монетъ, нѣкогда принадлежавшихъ прусскому ландрату Волянскому. Нѣкоторыя изъ

---

168) Мѣсто въ Несторовой лѣтописи: «Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на «Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша «на Вислѣ и прозвашася Ляхове.. .» я уже давно не принимаю за народное преданіе, но вижу въ немъ лишь отголоскъ ложной краковской учености 11-го вѣка, отъ вреднаго вліянія котораго польскіе ученые до сихъ поръ не могутъ освободиться.

169) Св. Меѳодій, «посълавъ же к немоу (князю вислянскому изъ рода Попе«ловичей) рече: добро ти ся крьстити, сыноу, волею своею на своеи земли, да не «плѣненъ ноудьми крьщенъ боудеши па чюжеи земли, и помянеши мя. іеже и бысть». Въ польскихъ часословахъ до сихъ поръ сохранилась молитва за славянскихъ апостоловъ (nostri apostoli et patroni). См. Żywot ś Metodego. Wydał August Bielowski Lwów 1858, p. 6.

170) Pieniądze Piastów od czasów najdawniejszych do roku 1300. W Warzawie 1847. Съ явленія этого сочиненія въ свѣтъ началась систематическая обработка древне-польской нумизматики. Слышно, что авторъ приготовляетъ Прибавленіе къ своему большему сочиненію.

нихъ будто бы снабжены славянскими надписями[171]); но какъ при описаніи нѣтъ изображеній монетъ, то это свѣдѣніе должно принять съ нѣкоторою недовѣрчивостью, тѣмъ болѣе что Волянскій, какъ толкователь древностей, дозволялъ себѣ много произволу. Впрочемъ онъ, сколько извѣстно, никогда не былъ виновенъ въ грубомъ подлогѣ монетъ. Объ умышленномъ обманѣ нечего и думать относительно монеты, изображаемой здѣсь ниже (Табл. D, 5) по книгѣ Стрончинскаго, который описываетъ (стр. 250) ее такъ:

«*Solidus* — S. G. w obwodzie zwyczajnym coś na kształt kwiatu w koło + BOLESLAV. O. DVX.

«— S. O. krzyż patryarchalny, w kątach między ramionami kółka.

«Znajdował się w zbiorze Tadeusza Wolańskiego, zresztą nigdzie nie był «widziany. Ze wszystkich pieniędzy Bolesławowskich ten najbardziéj od Czeskich «Bolesławów odbiega, i najprędzéj może być Polskiéj mennicy wyrobem»[172]).

Едва вышло въ свѣтъ сочиненіе Стрончинскаго лѣтомъ 1847 года, какъ въ октябрѣ сдѣлался извѣстнымъ кладъ монетъ, незадолго передъ тѣмъ найденный между Сендоміромъ и Краковымъ въ окрестностяхъ Пинчова и перешедшій во владѣніе К. Бейера. Этотъ кладъ описанъ былъ Стрончинскимъ, а потомъ на его основаніи также Лелевелемъ[173]). Ссылаясь на

---

171) См. Spis monet piastowskich znajdujących się niegdyś w zbiorze Tadeusza Wolańskiego, p. 8, № 53—62.

172) Сообщаемъ и выписку изъ объясненія Волянскаго (на стр. 8):.... «№ 63 Ten tu solidus ... nosi na sobie wyraźny napis *Boleslaus Dux* przy tym samym krzyżu, który wraz z łukiem pojedynczym i podwójnym, oraz trójkątami znajduje się na monetach pod liczbą 46—52...». Изъ этихъ нумеровъ въ каталогѣ Волянскаго изображены только два экземпляра съ особымъ видомъ патріаршаго креста. Объ ихъ посредственной или непосредственной связи съ византійскими монетами у Волянскаго нѣтъ ни слова.

173) Nowości numizmatyczne. Z ryciną (см. Журналъ: Biblioteka Warszawska. 1848. Tom piérwszy, 93—100).

Polska wieków średnich czyli Joach. Lelewela w dziejach narodowych polskich postrzeżenia. Tom IV. Poznań 1851, 339. 353 « ..w myśli pieniędzy szczegulnych «dla Rusi, (moneta) mogła być bita gdzieś bliżéj: może w mennicy sandomirskiéj».

имѣющіяся въ этомъ кладѣ англо-саксонскія, нѣмецкія, венгерскія и чешскія монеты, Стрончинскій утверждаетъ, что монеты вмѣстѣ съ слитками были зарыты незадолго до 1060 года; но его доводы въ частности еще требуютъ нѣкоторой повѣрки. Въ числѣ монетъ была одна, которая подходитъ къ Болеславской монетѣ Волянскаго; находящуюся на ней (см. Табл. D, 4) надпись мы здѣсь передаемъ Остроміровскимъ шрифтомъ:

ВЪ
БОЛ ЄСЛ
И
..ЛЄС ВЪ [174]).

Первое извѣстіе объ этой монетѣ было у насъ принято съ недовѣрчивостью [175]). И я также долго колебался признать ее за подлинную. Однако, судя по формѣ креста невѣроятно, чтобы оба эти экземпляра были въ новѣйшее время поддѣланы въ Польшѣ. Стрончинскій полагалъ, что кирилловская монета чеканена въ Кіевѣ, который въ 1018 году на короткое время былъ занятъ Болеславомъ I Храбрымъ. По догадкѣ же Лелевеля она была

174) Рисунокъ этой монеты, приложенный къ Библіотекѣ Варшавской, вышелъ не совсѣмъ удачнымъ, и еще менѣе у Лелевеля. Благодаря услужливости г. Бейера, (издателя великолѣпнаго изданія: Album photographique des objets d'art et d'antiquité, exposés par les soins Impériale et Royale des sciences à Cracovie en 1858 et 1859) я могу ниже (Табл. D, 4) сообщить болѣе точный снимокъ. Выпишемъ нѣсколько мѣстъ изъ описанія К. Стрончинскаго (стр. 97 и 98), полагающаго, что сребро Болеславле *никакимъ образомъ* не можетъ быть относено къ монетамъ чешскихъ князей: «bo się różni od nich nietylko mniejszą wagą, ale nawet «całą powierzchownością, Byzantyńskie piéniądze najbardziéj przypominającą..».

«Należy ona do monet zwanych w technice numizmatycznéj *solidami*, i pod «tym względem podchodzi pod piérwszą epokę numizmatyki Piastów, która się przed «wstąpieniem na tron Bolesława II zakończyła... Stopa w nim (piéniądz) największéj do «Niemieckiéj stopy zbliżona, rysunek zaś na Byzantyńskich ukształcony wzorach ... «Wybicie to po r. 1018, tojest po zdobyciu ostateczném Kijowa mogło miéć miejsce».

175) Записки СПб. Археологическо-нумизматическаго Общества. Томъ I 1849, стр. 272.

выбита въ южной Польшѣ для обитателей русскаго племени. Но оба эти мнѣнія пока еще не доказаны.

Возбужденное у насъ въ 1848 году подозрѣніе на счетъ подлинности Болеславовой монеты съ кирилловскими надписями, можно надѣяться, исчезнетъ, какъ скоро мы разсмотримъ её въ одномъ разрядѣ византійскихъ монетъ, о которомъ Волянскій, Стрончинскій и Лелевель не могли еще имѣть вѣрнаго понятія, потому что онъ въ цѣломъ своемъ объемѣ можетъ быть обозрѣваемъ только съ 1857 года. Мы называемъ этотъ разрядъ монетъ и медалей *варяжско-византійскимъ*, не считая однако за невозможное, чтобы въ числѣ ихъ не встрѣчались и брактеаты, выбитые на югѣ Скандинавіи еще во времена готскихъ дружинъ (ἑταιρεία), состоявшихъ въ византійской службѣ. Сверхъ того иныя изъ этихъ медалей могутъ принадлежать также нижне-нѣмецкимъ племенамъ или прибалтійскимъ (померанскимъ) Славянамъ. Для правильнаго уразумѣнія этого, и для первобытной исторіи Руси важнаго предмета приведемъ здѣсь нѣкоторыя предварительныя историческія замѣчанія.

Племя Норманновъ около начала христіанскаго лѣтосчисленія населяло только среднія и сѣверныя части нынѣшней Швеціи и Норвегіи. Южныя же части скандинавскаго полуострова, большая часть острововъ и южнаго прибрежія балтійскаго моря были населены въ то время еще *монархически* управляемыми Готами. На берегахъ сѣверно-нѣмецкаго моря съ болѣе демократическимъ образомъ правленія жили нижне-нѣмецкія племена, часть которыхъ въ 5-мъ вѣкѣ основала англо-саксонское царство. Во 2-мъ столѣтіи большая часть Готовъ покинула прежнія свои жилища, но нѣкоторые роды еще остались тамъ и начали сливаться съ тѣснившимися къ югу Норманнами, особенно Датчанами. Еще въ 528 году дружина готскихъ Геруловъ, состоявшихъ, подъ названіемъ федератовъ, въ службѣ византійскаго императора, прошла съ низовьевъ Дуная чрезъ страны полабскихъ Славянъ въ южную Скандинавію, ища себѣ тамъ царя изъ древне-княжескаго рода. Связи скандинавскаго сѣвера съ Византіей и Италіей въ теченіе 6-го вѣка, при чемъ вывозимые изъ Руси собольи мѣха играютъ немаловажную роль, засвидѣтельствованы положительными источниками. И такъ весьма естественно, что въ Скандинавіи находятъ частые клады старинныхъ византійскихъ монетъ.

Готскія, нижне-нѣмецкія и скандинавскія племена еще до упомянутаго

сѣвернаго переселенія народовъ, начавшагося во 2-мъ вѣкѣ, употребляли руническія письмена, разные памятники которыхъ уцѣлѣли до сихъ поръ. Письмена эти разнаго вида. Всѣхъ проще и разборчивѣе *норманскія* руны, принадлежащія впрочемъ уже младшей эпохѣ, т. е. современной основанію русскаго государства[176]). Не этими новѣйшими рунами, а по преимуществу тѣми, которыя ближе примыкаютъ къ англо-саксонскимъ и готскимъ руническимъ азбукамъ, снабжены такъ называемые *золотые брактеаты* (по датски: Guldbracteater), которые всего чаще попадаются въ Скандинавіи, именно на датскихъ островахъ, и чеканены были не позже 11-го вѣка: это — фактъ, вѣрность котораго несомнѣнно подтверждается тѣмъ, что вмѣстѣ съ золотыми брактеатами такъ часто зарывались византійскія монеты отдѣльныхъ императоровъ опредѣленной эпохи. Другіе изъ этихъ брактеатовъ находятся въ болѣе тѣсной связи съ монетами западной Европы. Всѣ эти драгоцѣнные памятники сдѣлались доступными наукѣ лишь съ тѣхъ поръ, какъ Томсенъ издалъ болѣе 200 ихъ изображеній съ краткими примѣчаніями[177]). Этотъ знаменитый знатокъ скандинавскихъ древностей еще въ 1836 году не могъ воздержаться отъ догадки, что иные изъ этихъ брактеатовъ были вѣроятно выдѣланы въ южной Россіи.

---

176) Главные виды рунъ изображены въ изданіи Нипперта (Азбуки восточныхъ и западныхъ языковъ. СПб. 1859. Продается въ книжныхъ магазинахъ Струговщикова и Эггерса). Впрочемъ, надобно замѣтить, что болѣе вѣрный снимокъ съ рунъ вырѣзанныхъ на т. н. золотомъ рогѣ, напечатанъ въ изданіи копенгагенскихъ антикваріевъ: Annaler for Nordisk Oldkyndighed og Historie. 1855, p. 372. Этотъ Томъ полученъ въ С.-Петербургѣ лишь по выходѣ въ свѣтъ «Азбукъ».

177 При составленіи «Историческаго Введенія» я имѣлъ въ виду (см. стр. 9) нѣкоторыя изъ этихъ золотыхъ брактеатовъ, но лишь въ послѣднее время успѣлъ ближе ознакомиться съ превосходнымъ изданіемъ сѣверныхъ антикваріевъ, въ которомъ эти памятники изображены. См. Atlas de l'Archéologie du Nord, représentant des échantillons de l'âge de bronze et de l'âge de fer, publié par la Société Royale des Antiquaires du Nord. Copenhague 1857, in-fol. Описаніе же этихъ золотыхъ брактеатовъ (Om Guldbracteaterne og Bracteaternes tidligste Brug som Mynt, ved C. J. Thomsen) напечатано въ выше упомянутыхъ «Annaler» за 1855 г., стр. 265—347.

Только вкратцѣ замѣтимъ здѣсь, что эти золотые брактеаты, — число серебряныхъ и мѣдныхъ вовсе незначительно,— весьма различны по величинѣ и художественной отдѣлкѣ. Есть иные больше рублевика, другіе съ полтинникъ, а нѣкоторые съ гривенникъ величиною. Какъ всѣ средневѣковые брактеаты [178]), такъ и эти (золотые) только на одной сторонѣ съ чеканомъ. Большая часть снабжена круговою надписью, другіе же прямолинейною, однако имѣется не мало и такихъ, которые представляютъ изображенія, мистическіе или символическіе знаки, объяснимые только съ помощью миѳологіи. На очень многихъ видны портреты воиновъ въ профиль, изъ коихъ иные сражаются съ драконами. Большая часть надписей состоитъ изъ однѣхъ рунъ, или изъ рунъ, перемѣшанныхъ съ латинскими буквами, которые можно назвать варяжско-монетной азбукой.

---

178) Bracteati nummi — замѣчаетъ Дюканжъ — a *bractea*, quae est tenuissima auri argentive lamina, ex qua conficiebantur, vel qua ii inducebantur, т. е. *брактеатами* по преимуществу называются монеты изъ тонкихъ золотыхъ или серебряныхъ листовъ, на которыхъ фигуры или надписи выбиты только съ одной стороны, такъ, что онѣ кажутся вогнутыми или имѣющими форму блюдечка. Древнелатинское слово bractea первоначально значило просто *бляху*, Blech, откуда слово Blechmünze = брактеатъ низшаго сорта. См. выше стр. 21.

Каченовскій сообщилъ (Два разсужденія о кожаныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ. М. 1849, стр. 10) «за новость, что въ лѣтописи Кіевской не одинъ разъ упоминается о *бретіаницахъ*». Но при этомъ не должно выпускать изъ виду, что *бретьяница*, подобно древнему слову: скот*ьница*, указываетъ на какую-то мѣстность или хранилище. О такой «бретьяницѣ» упоминается подъ 6654 г. (см. Ипат. Списокъ на стр. 26 и 27): «идоста на Игорево селце, идѣже бяше устроилъ дворъ «добрѣ; бѣ же ту готовизны много въ бретьяницахъ ... повелѣста зажечи дворъ и «церковь святаго Георгія (ср. выше прим. 94).

Не смѣя сблизить слово: «*бреть*яница» ни съ латинскомъ: «bractea», ни съ древне-русскимъ: «*брат*ина», я укажу только на нѣкоторыя средне-латинскія выраженія:

Bracteator, bratteator = πεταλοποιός; brattea = πέταλον; bracteum, bratteum = πέταλον; bractearius, blattearius = πεταλουργός, μεταλλουργός.

Иныя изъ этихъ надписей безъ сомнѣнія также безтолково скопированы съ чужихъ монетъ, какъ и многія татарскія надписи на русскихъ монетахъ. Замѣчательно, что нѣкоторые экземпляры этихъ брактеатовъ, хотя одинаковые между собой, чеканены разными штемпелями. Но за всѣмъ тѣмъ Томсенъ рѣшительно того мнѣнія, что эти золотые брактеаты служили только вмѣсто шейныхъ украшеній или амулетовъ. И дѣйствительно у многихъ изъ нихъ еще хорошо сохранилось ушко, объ иныхъ же извѣстно, что они найдены въ могилахъ. А потому эти золотые брактеаты для различія отъ средневѣковыхъ монетныхъ брактеатовъ можно прямо называть *шейными брактеатами* и подвести подъ одинъ изъ разрядовъ шейныхъ гривенъ. Но навѣрно ихъ должно считать также знаками цѣнности. Къ сожалѣнію, Томсенъ вовсе не подумалъ объ опредѣленіи ихъ вѣса, что послѣ выше замѣченнаго на счетъ шейныхъ гривенъ (стр. 10) было бы особенно важно.

Нѣтъ сомнѣнія, что жители Скандинавіи, и въ числѣ ихъ вѣроятно прежде Готы, научились чеканить брактеаты у Византійцевъ. Сходство между ними и римско-византійскими брактеатами и византійскими монетами вообще относительно многихъ экземпляровъ разительно. Мѣсто портрета византійскаго императора нерѣдко, по видимому, заступало изображеніе туземнаго князя. Въ доказательство сошлемся на ниже (Табл. D, 6) изображенный брактеатъ съ руническою надписью, котораго въ Скандинавіи найдено нѣсколько экземпляровъ и который по мнѣнію Томсена (стр. 335) всего ближе подходитъ къ монетамъ сыновей царя Θеодосія и ихъ преемниковъ 5-го вѣка. Мы присовокупимъ, что этотъ брактеатъ можетъ быть отнесенъ и къ началу 6-го столѣтія, потому что римско-языческое изображеніе, служившее первообразомъ, въ послѣдній разъ встрѣчается на монетахъ Юстина I († 527), на которыхъ онъ изображенъ въ началѣ своего царствованія съ *копьемъ*, а потомъ съ *крестомъ*.

Ближе къ нашей цѣли, перейдемъ къ вѣку Владиміра и Ярослава, около котораго по всей вѣроятности были чеканены обѣ монеты Болеслава съ большимъ патріаршимъ крестомъ[179]). Подъ № 36—38 въ Атласѣ Томсена

---

179) О патріаршемъ крестѣ (croix patriarcale) кое-что сообщилъ Лелевель (Numismatique du moyen-âge. Atlas. 1835) XXXII и XXXVI. Особый видъ малаго

изображены три брактеата, величиною съ полтинникъ, представляющіе два византійскіе портрета неодинаковой выдѣлки. Первый изъ нихъ серебряный, принадлежащій г. Томландеру въ Гельсингфорсѣ, представляетъ только эскизъ или очеркъ портретовъ и снабженъ руническою надписью въ видѣ вязи. На найденномъ въ Шоніи брактеатѣ изъ желтой мѣди (Messing, № 37) имѣется круговая надпись, заключающая въ себѣ латинскій алфавитъ отъ А до буквы I = *c*, — подобно тому какъ другой золотой брактеатъ (№ 99) содержитъ полный руническій алфавитъ, подходящій къ англо-саксонскому. На мѣдномъ брактеатѣ (№ 38), найденномъ на островѣ Эландѣ, видна круговая надпись, состоящая изъ 6 буквъ: OHI HOI (= Ihs Xis?), которыя верхнимъ концемъ малаго патріаршаго креста очевидно раздѣлены на двѣ части или слова. Съ перваго взгляда нельзя не узнать, что оба портрета вмѣстѣ съ малымъ патріаршимъ крестомъ — подражаніе монетамъ византійскихъ царей Василія II и Константина XI (976 — 1025), родственниковъ болгарской княжны Анны, матери св. Бориса и Глѣба[180]). Этотъ же самый типъ попадается и на монетахъ. Такая монета найдена въ Финляндіи и изображена подъ № 248: на ней явственно видны лики обоихъ византійскихъ

якорнаго креста встрѣчается на фрескахъ кіево-софійскаго собора. См. у Фундуклея (Обозрѣніе Кіева стр. 40).

Исторія изображенія крестовъ въ Россіи далеко еще не объяснена, какъ слѣдуетъ. См. на пр. статью: О видѣ креста, на основаніи рукописей Императорской Публичной Библіотеки 11—16 вѣка (въ Христіанскомъ Чтеніи. 1855. Часть II, стр. 477—498) и статью Макарія: О формѣ крестовъ на главахъ храмовъ и колоколенъ (въ Извѣстіяхъ И. Археол. Общества. Томъ II, стлб. 145—149).

180) Уже Татищевъ (II, 409) и Кастельнанъ (Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie, par le marquis Gabriel de Castelnan. Paris 1820, I, p. 116) принимали Анну, супругу Владиміра I, за двоюродную сестру или за племянницу царей Василія и Константина. См. О лѣтописи Якимовской, П. Лавровскаго (въ Уч. Зап. II Отдѣл. И. Акад. Наукъ. Книга II, вып. 1, стр. 155) и Исторію Русской Церкви, Макарія (Томъ I 1857, стр. 230 прим. 156). Прибавимъ къ тому, что имена: Борисъ и Глѣбъ, неизвѣстныя Грекамъ, были наслѣдственными въ тюркской династіи дунайскихъ Болгаръ.

императоровъ, но съ другаго подлинника; на лицевой сторонѣ этой монеты имѣется загадочная круговая надпись, а на оборотѣ куфическо-арабская надпись въ полѣ и также съ загадочною круговою надписью. Тотъ же самый типъ съ малымъ патріаршимъ крестомъ обоихъ императоровъ виденъ также на одной монетѣ, найденной въ Помераніи, которая изображена ниже (Табл. D, 7) для того, чтобы обратить на нее вниманіе хранителей нашихъ минцъ-кабинетовъ и находчиковъ нумизматическихъ кладовъ [181]).

Монеты двухъ братьевъ-царей Василія II и Константина XI, сыновей Романа II, нерѣдко попадаются и въ русскихъ кладахъ, и вѣроятно не очень часто въ Польшѣ и Богеміи [182]). Не удивительно, что чешскій князь Яроміръ, сынъ Болеслава II набожнаго, помѣстилъ на собственныхъ своихъ монетахъ портреты обоихъ византійскихъ императоровъ съ небольшимъ патріаршимъ крестомъ. Въ Богеміи случилось почти тоже самое, что и въ Даніи [183]), т. е. баварско-латинская и англо-саксонско-латинская чеканка древнѣй-

181) Она принадлежитъ берлинскому нумизмату Данненбергу, который впервые ея описалъ. См. Mittheilungen der numismatischen Gesellschaft in Berlin. Drittes Heft. 1857, p. 218; Табл. X, 177.

182) Можетъ быть, вмѣстѣ съ варяжскими брактеатами или варяжско-куфическими монетами. См. у Томсена, № 40—45. Монеты царей-братьевъ изображены напр. у Sabatier, Pl. XVIII, 24 и 25. Малую монету этихъ царей можно видѣть у Saulcy, Pl. XXIII, 6 и въ сочиненіи гр. С. Г. Строганова (Дмитріевскій Соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ. М. 1849. Табл. XXIII, 14) Та-же монета, но лучшему экземпляру, у Томсена (№ 36ª). Кромѣ того, у него подъ № 36ᵇ изображена лицевая сторона большой монеты Василія II и Константина XI, при чемъ онъ увѣряетъ, что первая (подъ № 36ª) весьма часто встрѣчается въ скандинавскихъ кладахъ, прибавляя къ тому, что она служитъ, вѣроятно, первообразомъ для брактеатовъ подъ № 36ᶜ, 37 и 38.

183) Издавая нѣсколько варяжско-византійскихъ *монетъ* съ изображеніемъ византійскихъ царей-братьевъ, Томсенъ (Blätter für Münzkunde, herausgeg. von Grote. Hannover 1836, стр. 333 и XV, № 195—200) такъ отзывается о вліяніи Византіи на скандинавскую нумизматику:

«Hauptursache der Verbindung war immer, dass Haufen von Skandinaviern nach

шихъ чешскихъ монетъ отчасти измѣнена вліяніемъ византійскаго типа. Причиною тому, по всей вѣроятности, была реакція противъ латинскаго гоненія на введенное св. Меѳодіемъ богослуженіе по греко-славянскому обряду. Вообще старинная чешская нумизматика отличается разными особенностями, которыя болѣе или менѣе повторяются и на польскихъ и отчасти на русско-татарскихъ монетахъ (см. выше стр. 133). Здѣсь замѣтимъ только, что на монетахъ Яроміра (1004 — 1012), отчасти найденныхъ въ Россіи, видны лики обоихъ византійскихъ братьевъ-царей, и что на оборотѣ другихъ является также *византійскій* ликъ Христа съ Евангеліемъ въ рукѣ и съ надписью: Христосъ, то греческими, то латинскими буквами[184]) На оборотѣ двухъ типовъ монетъ, на лицевой сторонѣ которыхъ изображены братья-императоры, (съ латинскою круговою надписью: Iaromir Dux), виденъ въ находящемся посреди поля

«Constantinopel zogen, um in der berühmten Abtheilung der kaiserlichen Leibwache, «welche aus Skandinaviern und Engländern bestand, zu dienen; und so oft diese «Abtheilung dureh neue Ankömmlinge rekrutirt wurde, gingen wieder andere zurück, «und führten dem Norden nicht nur Gold und Kostbarkeiten, sondern selbst den byzan-«tinischen Geschmack zu, welcher in mehreren Arbeiten nachgeahmt wurde. Die ersten «Münzen des Nordens waren getreue Nachahmungen englischer, und die ersten nordi-«schen Münzmeister scheinen, wie man aus ihren Namen schliessen darf, Engländer «gewesen zu sein. Allein nach dem Tode Knut's des Grossen († 1036) und seiner «Söhne ist hierin eine Reaction erfolgt; man verliess das Englische und nahm das «Vaterländische und Byzantinische auf; die Runen und völlig byzantinische Typen «kommen auf einmal zum Vorscheine, und erst unter den Söhnen Swen Estridsons nahm «man wieder die englischen Münzen zum Muster, doch behielt man während jener «ganzen Reactions-Zeit den englischen Gebrauch, dass die Namen des Münzmeisters «und der Münzstadt wenigstens gewöhnlich auf den Münzen angegeben wurden, bei...».

184) См. изображенія ихъ у Беккера (200 seltene Münzen. Dresden 1813. Табл. II, 56), Каппе (Mittheilungen der numism. Gesellsch. in Berlin. 1 Heft. 1846. стр. 48; 2. Heft, стр. 102) и Кёне (Mém. de la Soc. d'Archéologie, Vol. IV, 97, 98; Vol. III. Pl. XIII 5, 7; Зап. Археол. Общ. 1852. Томъ IV, 167. Табл. VI, 5, 7). Но объясненія византійскихъ типовъ, высказанныя этими авторами, теперь требуютъ измѣненія. Ср. рисунки у Ганки (Památky II, Tab. VIII и слѣд.).

кружкѣ ликъ св. ***Вячеслава*** впрямь (en face) съ сіяніемъ[185]). На другихъ же экземплярахъ, которые попадаются и въ русскихъ кладахъ, главная сторона представляетъ въ кружкѣ ликъ св. Вячеслава съ круговою надписью: Iaromir dux, между тѣмъ какъ на оборотѣ стоитъ имя чешскаго Святаго въ видѣ круговой надписи: Sc. Vezeslavs[186]).

Такимъ образомъ мы пріобрѣли исходную точку для описанія и историческаго объясненія обѣихъ болеславовыхъ монетъ съ ***большимъ*** патріаршимъ крестомъ, который въ ***этомъ*** видѣ не можетъ быть заимствованъ съ западныхъ типовъ. Очевидно къ тому же самому разряду монетъ относятся отдѣльные экземпляры, изображенные у Стрончинскаго въ Приложеніи и отчасти объясненные, но только безъ строгаго различія чешскаго и польскаго типовъ[187]). Встрѣчается ли большой патріаршій крестъ на русскихъ памятникахъ, — рукописи въ этомъ отношеніи едва-ли что либо значатъ, — пусть рѣшатъ это другіе. Малый патріаршій крестъ, т. е. верхняя половина большаго, на западѣ Европы, со включеніемъ Даніи, въ средніе вѣка хотя и попадается, но сравнительно не слишкомъ часто, тогда какъ онъ и понынѣ еще красуется на русскихъ церквахъ[188]). Также вопросъ о существованіи большаго патріаршаго креста на византійскихъ архитектурныхъ и металлическихъ памятникахъ, мы должны предоставить разысканіямъ другихъ изслѣдователей.

На византійскихъ монетахъ къ двумъ видамъ Болеславля сребра болѣе всего подходятъ разные патріаршіе кресты, которые мы, кромѣ вышеупомянутыхъ экземпляровъ двухъ братьевъ-императоровъ, встрѣчаемъ также на монетахъ[189]) Константина X и Романа II (948—959) и Іоанна I Цимисхія (969 — 976). Это переноситъ насъ въ вѣкъ чешскаго князя Болеслава II благочестиваго (967 — 999), племянника св. Вячеслава. Въ его

185) См. выше прим. 184 (у Ганки VIII, 5, 6; у Кёне VI, 5).

186) См. выше прим. 184 и ср. прим. 167.

187) См. Spis стр. 7 и 8.

188) См. напр. рисунки въ «Памятникахъ древняго художества въ Россіи Изданіе А. А. Мартынова. Тетрадь первая 1850».

189) Saulcy, Pl. XXI, 2; XXII, 3; ср. Sabatier XVII, 15, 29.

княженіе Чехія достигла высшей степени своего могущества и къ ней принадлежали Словакія, Моравія и польская Хорватія, начиная отъ самой Моравіи вмѣстѣ съ столицею Краковомъ, вѣроятно со времени распаденія великаго моравскаго царства. По своей сестрѣ Дубравкѣ Болеславъ былъ шуринъ перваго христіанскаго польскаго короля въ Гнезенѣ, а со времени покоренія червонскихъ городовъ Владиміромъ В. въ 981 году, царство его вошло съ Русью еще въ большее соприкосновеніе. Не ему ли, какъ современнику Іоанна Цимисхія, слѣдуетъ приписать обѣ монеты съ большимъ патріаршимъ крестомъ? Правда, многочисленныя латинскія монеты, приписываемыя этому князю Ганкою, не обнаруживаютъ на себѣ никакого византійскаго вліянія; но при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ нельзя не пожелать, чтобы чешскіе и польскіе нумизматы-изслѣдователи взяли на себя трудъ точно опредѣлить сходство, существующее между латинской Болеславовой монетой съ большимъ патріаршимъ крестомъ, и другими типами Болеславовыхъ монетъ, какъ чешскихъ такъ и польскихъ. Бывъ принуждены, по особымъ обстоятельствамъ, отказаться отъ этого сравненія, мы пока позволяемъ себѣ сдѣлать лишь нѣкоторыя замѣчанія.

О Болеславѣ I (935—967), убійцѣ св. Вячеслава, здѣсь нечего и говорить, потому что на его монетахъ еще не попадаются лики ни князей, ни священныхъ особъ. На монетахъ Болеслава III (999—1002) намъ, какъ кажется по историческимъ причинамъ, нечего искать, что бы напоминало о Византіи, хотя нельзя не упомянуть о томъ, что на его монетахъ лице князя въ первый разъ изображается *впрямь*. Изъ сличенія круговой надписи на лицевой сторонѣ нѣкоторыхъ несомнѣнно чешскихъ монетъ съ круговою надписью монеты на таблицѣ D, 5, оказывается какое-то сходство между ними. Оборотная сторона монеты на таблицѣ D, 5 по свидѣтельству Волянскаго къ сожалѣнію стерлась. Надпись же на главной сторонѣ кирилловской монеты Болеслава размѣщеніемъ буквъ напоминаетъ отвѣсныя надписи на византійскихъ иконахъ, на Ярославлѣ сребрѣ и на венгерской коронѣ [190]). Святаго

---

190) На ней (ср. Saulcy, XXIX, 8) имя Михаила вырѣзано такъ:

X̄
MI и проч.

ли изображаетъ ликъ на лицевой сторонѣ или князя, это покамѣстъ остается нерѣшенымъ, особенно потому что изображеніе немного стерлось. Вспомнимъ напр. что на монетахъ Яроміра на главной сторонѣ изображенъ св. Вячеславъ въ кружкѣ и вырѣзана круговая надпись Iaromir dux, тогда какъ на оборотѣ въ полѣ видна церковь и вмѣстѣ съ тѣмъ круговая надпись съ именемъ св. Вячеслава. Буква 6, явственно замѣтная на оборотѣ присланнаго мнѣ оттиска, не есть ли остатокъ имени Вячеслава? А, можетъ быть, имя Болеслава встрѣчается на обѣихъ сторонахъ его сребра. Замѣтимъ еще, что на одной монетѣ князя Брячислава I (1037 — 1055), поборника славянскаго богослуженія, на лицевой сторонѣ встрѣчается въ кружкѣ особый видъ полнаго патріаршаго (византійско-англо-саксонскаго?) креста, тогда какъ на оборотѣ изображенъ св. Вячеславъ съ поднятыми для благословенія руками.

По словамъ Стрончинскаго кладъ былъ зарытъ не задолго до 1060 года; однако онъ самъ сознается, что не могъ опредѣлить всѣхъ отдѣльныхъ его экземпляровъ. Между тѣмъ онъ приводитъ въ числѣ ихъ также монеты Этельреда II (978—1016) и Стефана I, короля венгерскаго (997—1038). Если же обѣ монеты принадлежали чешскому Болеславу II, то спрашивается, когда онѣ были чеканены, въ первой или во второй половинѣ его царствованія? Во второй — онъ, какъ извѣстно, уже значительно склонялся на сторону богослуженія латинской церкви. Когда Папа Іоаннъ XIII въ 973 г. потребовалъ въ своей надменности, чтобы въ новомъ пражскомъ епископствѣ и въ новомъ монастырѣ близъ старой церкви св. Георгія совершаемо было богослуженіе «не по обрядамъ или сектѣ племени болгарскаго или Руси или словенскаго языка», Болеславъ изъявилъ на то свое согласіе, не заботясь о сопротивленіи отдѣльныхъ Чеховъ. Въ 983 г. посаженъ былъ тамъ вторымъ епископомъ урожденный Чехъ Адальбертъ-Войтѣхъ, который въ 997 году претерпѣлъ мученическую смерть между языческими Пруссами. Его-то обвиняетъ преданіе, и вѣроятно не безъ основанія, что онъ вездѣ въ предѣлахъ чешскаго царства, даже и въ Краковѣ, по мѣрѣ возможности искоренялъ славянское богослуженіе. Вытѣсненный изъ Чехіи онъ переселился, около 996 г., во владѣнія Болеслава Храбраго [191]). Позже онъ былъ объявленъ

191) Ejusque praedicationibus et institutionibus (Boleslaus) obedivit. Martinus Gallus.

самими Поляками Святымъ, но въ Чехіи почитаніе Вячеслава долго сохраняло перевѣсъ. По этому-то мнѣніе Лелевеля (см. стр. 382) о монетѣ съ кирилловскими буквами, пока сомнительно: онъ полагаетъ, что польскіе короли Болеславъ I или II чеканили монету съ кирилловскими письменами. Однакожъ окончательное рѣшеніе вопроса о происхожденіи двухъ видовъ Болеславля сребра зависитъ отъ сравнительнаго опредѣленія типовъ, встрѣчающихся на чешскихъ и польскихъ монетахъ съ надписью: Boleslav и Boleslaus dux. Если обѣ монеты дѣйствительно принадлежатъ Болеславу I Храброму, то все-таки должно полагать, что онѣ выбиты по какому либо чешскому первообразу.

Теперь понятно, что Ярославъ I *могъ* помѣстить на русско-византійской монетѣ изображеніе Святаго по примѣру какой либо монеты чешскихъ или польскихъ Славянъ, или что онъ, подобно чешскому князю Яроміру, не говоря уже о сицилійскихъ Норманахъ, по собственному побужденію поставилъ на «сребрѣ» ликъ своего заступника на мѣсто своего собственнаго. Принимая въ соображеніе все состояніе греко-славянскаго обряда въ Чехіи во время X и XI вѣка, мы не можемъ не полагать, что вмѣстѣ съ житіемъ св. Вячеслава перешли въ Россію и иконы этого Святаго съ церковно-славянскою надписью. Можетъ быть грубо изображенная на древнѣйшихъ чешско-польскихъ монетахъ птица имѣетъ такое-же значеніе, какъ на русскомъ «сребрѣ», особенно потому что на мѣстѣ птицы на тождественныхъ экземплярахъ иногда стоятъ также кресты и церкви [192]).

---

192) Ганка не безъ основанія видитъ въ этой птицѣ — павлина. Значеніе павлина въ средневѣковой символикѣ еще недостаточно объяснено. Мнѣ кажется, что птицу, находящуюся на чешско-польскихъ монетахъ, должно толковать не изъ *рыцарской*, а изъ *церковной* символики. См. сочиненія, приведенныя Менцелемъ (Christl. Symbolik: Pfau), Генебо (Dict. iconograph.), Фридрихомъ (Die Symbolik und Mythologie der Natur. Würzburg 1859, стр. 574 и 250) и др.

Сообщу еще выписку изъ сочиненія Ваагена (Kunstwerke und Künstler in England und Paris. 3. Theil. Berlin 1839, p. 273), описывающаго миніатюры на одной парижской рукописи 12 вѣка:

«Auf der letzten Seite die Verkündigung der Hirten und die Anbetung der

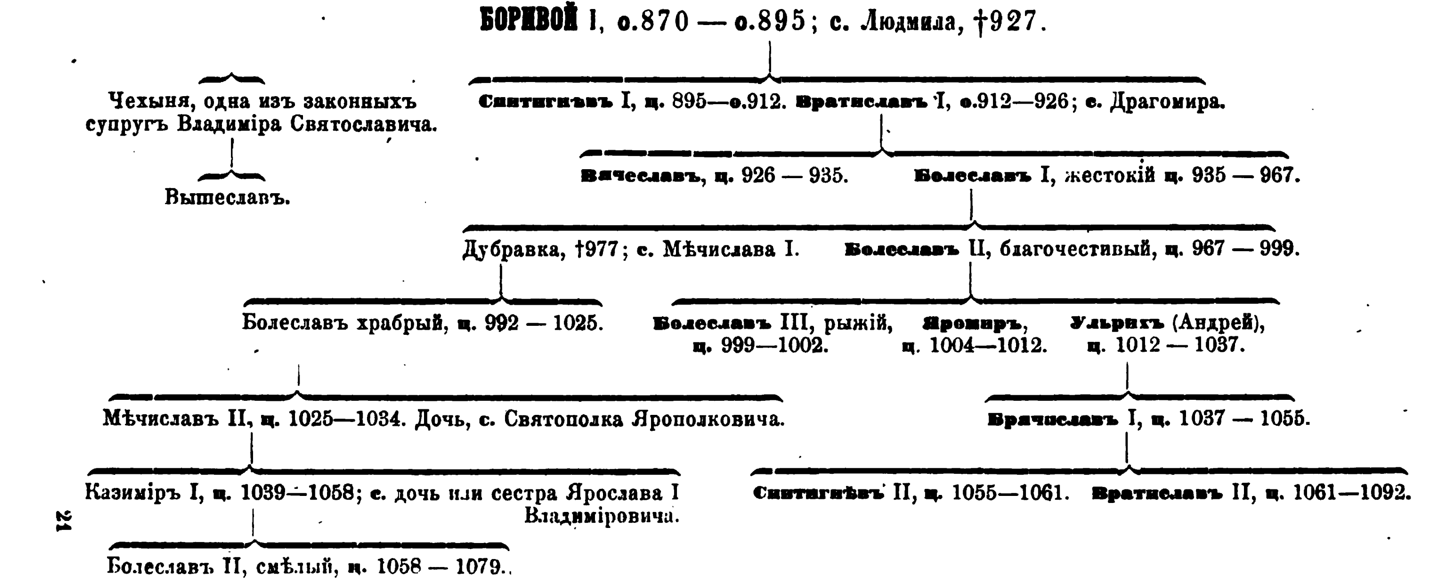
Такимъ образомъ и со стороны нумизматики представлено еще новое доказательство тому, что въ вѣкъ Ярослава I сношенія всей сѣверо-восточной Европы съ Византіею были живѣе, чѣмъ когда либо прежде или послѣ. Нынѣ догадка Круга, что какъ въ другихъ странахъ, такъ и въ древней Руси чисто-византійскія монеты, подобно позднѣйшимъ голландскимъ червонцамъ, перечеканивались, по крайней мѣрѣ уже не покажется столько странною, какъ она казалась Шлёцеру[193]). Томсенъ все еще не можетъ отказаться отъ прежней своей мысли, что часть варяжско-византійскихъ брактеатовъ чеканена въ Руси или Польшѣ. Предоставляя опроверженіе этой догадки другимъ, замѣтимъ еще, что Томсенъ издалъ (подъ № 250) одну, найденную въ Финляндіи, замѣчательную монету, величиною съ рублевикъ, на лицевой сторонѣ которой онъ читаетъ надпись: Boguslaus (?) какими-то древними монетными письменами. Круговой надписи на оборотѣ этой монеты онъ не объясняетъ. Судя по нѣкоторымъ особенностямъ, эта монета вѣроятно состоитъ въ связи съ чешско-польскою нумизматикою и съ померанскою сфрагистикою.

«Könige, welche im Wesentlichen noch die phrygische Tracht haben, nur dass die «Mützen in Kappen verwandelt sind. Auf der Seite gegenüber *die Taube* (der heilige «Geist) *mit einem Pfauenschweif*, welche die grosse, bunte, sehr gut gedachte «Schlange (den Teufel) beisst».

193) Zur Münzkunde Russlands, стр. 51 (русск. перев. стр. 64).

Родъ чешскихъ Премысловичей до конца XI вѣка.

ц. = царствовалъ. **с.** = супруга. **о.** = около.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Вопросъ, имѣла ли Русь до татарскаго періода чеканенныя монеты, занималъ меня уже съ давняго времени. Доказательствомъ тому можетъ служить между прочимъ записка, хранящаяся въ I Отдѣленіи Императорскаго Эрмитажа. Она была написана по поводу перевозки тмутораканскаго камня (съ славяно-русскою надписью 1068 года), въ Эрмитажъ въ 1851 году. Вслѣдъ за тѣмъ я былъ приглашенъ высказать свое мнѣніе: имѣемъ ли мы на этомъ памятникѣ древнѣйшую русскую надпись съ достовѣрнымъ хронологическимъ числомъ? Сообщаю здѣсь слово въ слово записку тогда мною составленную, хотя она и не была предназначена для печати.

«Je dois Vous avertir qu'il existe plusieurs exemplaires de monnaies de «Vladimir et de Iaroslav-Géorgy que MM. Krug et Reichel attribuent aux «rois bulgares. Cependant j'ai toujours hésité à accepter l'opinion de ces Mes«sieurs: car nous savons que le grand-duc Iaroslav Vladimirovitch portait réelle«ment le surnom de Георгій et il se peut bien que des Bulgares aient frappé, «en Russie, des monnaies de ce genre. M. Sakharov est à-présent aussi de mon «avis. Si notre hypothèse était fondée, nous ne pourrions plus nommer l'inscrip«tion de Taman la première *inscription* slave gravée en Russie».

Нѣсколько времени спустя былъ описанъ кладъ древне-русскихъ серебрениковъ, найденныхъ близъ Нѣжина въ 1852 году. Съ того времени во-

просъ о существованіи монетъ древне-русскаго чекана сталъ для меня еще важнѣе, такъ что я этотъ предметъ болѣе не выпускалъ изъ виду. Это, въ случаѣ нужды, можно доказать документально. Когда я въ первый разъ былъ приглашенъ высказать свое мнѣніе на счетъ такъ называемой монеты Олега по рисунку г. Кёне (см. выше Предувѣдомл. стр. V), то узналъ въ ней новый типъ Ярославля сребра, но вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ убѣжденъ, что рисунокъ г. Кёне не можетъ быть вѣрнымъ. Поданная мною краткая записка Начальнику I Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа начиналась слѣдующими словами:

«Avant tout, il y a deux questions à résoudre:

1) L'exemplaire de Stockholm est-il authentique?

2) La copie en est-elle exacte?

Ces deux questions, sans doute, ne peuvent être définitivement résolues qu'après un examen soigneux de l'original même. Cependant il y a deux thèses a soutenir:

1) Si l'exemplaire de Stockholm est authentique, la copie n'en peut pas être exacte;

2) Si la copie présentée (т. е. рисунокъ г. Кёне) est exacte, l'authenticité de l'original n'est pas à l'abri de toute contestation.»

Вслѣдствіе моего отзыва Начальникъ I Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа обратился къ г. Гильдебранду (см. выше стр. 50). Полученный весною 1859 года изъ Стокгольма гальванопластическій снимокъ вполнѣ подтвердилъ мое предположеніе, что рисунокъ г. Кёне не точенъ. Въ то же время мнѣ, какъ хранителю Кабинета русскихъ монетъ, дано порученіе донести оффиціально о т. н. Олеговой монетѣ. Я немедленно исполнилъ возложенное на меня порученіе, придерживаясь единственно гальванопластическаго снимка и даже не упоминая о имени г. Кёне. Донесеніе мое, отъ котораго я и теперь ни въ какомъ отношеніи не отказываюсь, хранится въ Архивѣ Императорскаго Эрмитажа и, въ случаѣ надобности, можетъ быть напечатано.

Узнавъ о результатѣ моего объясненія, г. Кёне въ іюнѣ 1859 года доставилъ въ I Отдѣленіе Имп. Эрмитажа новое подробное объясненіе упомянутой монеты,—выразивъ при этомъ свое изумленіе, что я такъ самовольно толкую весьма ясныя латинскія письмена посредствомъ греческаго и церковнославянскаго языка. Наконецъ онъ прямо объявилъ (см. Предувѣд. стр. VII) всѣхъ хранителей нумизматическаго кабинета инкомпетентными судьями.

Хотя ни Начальникъ I Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, ни я, мы не имѣли намѣренія передавать все это дѣло на судъ ученой публики; однако послѣ такого обвиненія, весьма естественно, что Ф. А. Жиль счелъ себя вынужденнымъ поручить мнѣ, вступившему не задолго до того на службу при Минцъ-Кабинетѣ, составленіе для печати подробнаго сочиненія о Ярославлѣ сребрѣ *).

---

*) Мои товарищи, конечно, не нуждаются въ защитѣ, съ моей стороны, ихъ ученаго авторитета, но для читателей, не знакомыхъ съ спеціальными изслѣдованіями по разнымъ отраслямъ нумизматики, напомню что ими изданы слѣдующія сочиненія:

Monographie des monnaies arméniennes. Par M. Brosset. St-Pét. 1839.

Rapport sur l'ouvrage intitulée: Нумизматическіе факты Грузинскаго царства; и Revue de numismatique Géorgienne. St.-Pét. 1847.

Какіе тонкіе вопросы восточной нумизматики составляютъ предметъ ученой переписки г. Броссе съ генераломъ Бартоломеемъ, можно видѣть изъ сочиненія подъ заглавіемъ:

Lettres numismatiques et archéologiques, relatives à la Transcaucasie, écrites par le géneral Bartholomaei. St.-Pét. 1859.

—

Der ausruhende Heracles. Ein Relief der Villa Albani erläutert von L. Stephani. St. Pet. 1854.

Nimbus und Strahlenkranz in den Werken der alten Kunst. Von L. Stephani. St. Pet. 1859.

Какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ г. Стефани, сообразно нынѣшнимъ требованіямъ классической археологіи, постоянно обработываетъ греко-римскія древности въ связи съ греко-римскими монетами.

Служебныя мои обязанности по Императорской Академіи Наукъ и Археографической Коммиссіи не позволили мнѣ тотчасъ приняться за основательную и всестороннюю обработку предмета, который въ теченіе времени сдѣлался столь запутаннымъ. Между тѣмъ г. Кёне напечаталъ въ Берлинѣ свою статью (см. выше Предувѣд. стр. VII). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1859 года онъ почтилъ меня своимъ вниманіемъ, доставивъ мнѣ оттискъ своего сочиненія, къ чему присовокупилъ свои угрозы въ случаѣ новаго противорѣчія съ моей стороны.

Какъ человѣкъ, могу я простить и — забыть этотъ и другіе поступки г. Кёне: они характеризуютъ особенно *его*. Какъ ученый, могъ бы я съ совершеннымъ спокойствіемъ души ждать, какое вліяніе произведетъ на современниковъ его объясненіе древнѣйшей русской монеты. Но я не могу отказаться отъ исполненія порученія, возложеннаго на меня по службѣ.

Выше (стр. 65) я приглашалъ читателей произнести свое сужденіе о трудѣ г. Кёне. Здѣсь же я считаю своей обязанностію упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое нѣкоторымъ образомъ можетъ служить извиненіемъ г. Кёне, но не освобождаетъ его отъ упрека въ самовольномъ искаженіи фактовъ ни въ этомъ ни въ другихъ случаяхъ, о которыхъ здѣсь даже не было упомянуто. Въ теченіе почти 20 лѣтъ г. Кёне показывалъ особенную любовь къ нумизматикѣ и напечаталъ рядъ сочиненій и статей, которыя касаются средневѣковыхъ и новыхъ монетъ почти всѣхъ народовъ Европы; кромѣ того онъ занимался греческой и римской, византійской и трапезунтской нумизматикой, также и классической археологіей, и даже западно-европейской, литовской и русской геральдикой. Такая разнообразная дѣятельность, кажется, должна сдѣлать опытнымъ взоръ нумизмата-археолога и предохранять его отъ односторонности. Но съ другой стороны, упомянутыя нами области науки такъ обширны и требуютъ, для сколько-нибудь положительнаго изученія, столь напряженной дѣятельности, что для этого не хватитъ жизни человѣка.

Но и въ отдѣльныхъ областяхъ нумизматики, если изслѣдованія такого рода должны быть плодотворны, успѣхъ преимущественно зависитъ *отъ методы*, примѣняемой къ обработываемому предмету. Отъ того успѣхи по части естественныхъ наукъ болѣе значительны, чѣмъ по историко-филологическимъ наукамъ, гдѣ до сихъ поръ менѣе соблюдается строгость методы.

Ни сколько не отрицая огромныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ *нумизматами-описателями*, все-таки надобно допустить, что древняя, средне-вѣковая и восточная нумизматика можетъ быть сдѣлана плодотворною для археологіи и вообще для исторической науки лишь *нумизматами-изслѣдователями*. Г. Кёне, безъ сомнѣнія, старался достигнуть репутаціи *нумизмата-изслѣдователя*. Спрашивается только, познакомился ли онъ достаточно съ пріемами историко-филологическаго изслѣдованія. Объ этомъ пусть судятъ знатоки дѣла.

СПб. 22 марта. 1860.

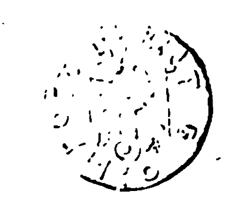
ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

ТАБЛИЦА А.

Фотографическій снимокъ съ рисунка г. Кёне.

Рисунокъ этотъ доставленъ былъ въ I Отдѣленіе Императорскаго Эрмитажа при донесеніи г. Кёне. Для сравненія его съ другими русско-византійскими монетами г. Начальникъ I Отдѣленія озаботился, еще до полученія гальванопластической копіи (см. Табл. В. 1.), о снятіи съ него фотографическаго снимка. Изъ того, что сказано на стр. 52 и 83 объ отношеніи этого снимка къ гравюрѣ, напечатанной въ Берлинѣ, выходитъ, что рисунокъ переданный г. Кёне въ Императорскій Эрмитажъ почти вовсе не отличается отъ берлинской гравюры.

A.

Монета Олега, чеканенная

въ Новгородѣ, между 879 и 882 г.

OLEG REX.

КНѦЗЬ ОЛЕГ НОВГОРОДЪ

Кнѧзь Олегъ Новгородъ

Чеканено въ Новгородѣ.

ТАБЛИЦА B.

1. Рисунокъ гальванопластической копіи стокгольмскаго Ярославля сребра.

   См. выше стр. 50, 72 и 81.

2. Снимокъ съ рисунка дерптскаго Ярославля сребра.

   См. выше стр. 43, 46 и 89 (прим. 86).

   По случайнымъ обстоятельствамъ нельзя было, при гравированіи Таблицы В, воспользоваться оригиналомъ большаго Ярославля сребра.

3. Изображеніе св. Георгія въ Велабрѣ, въ Римѣ.

   См. выше стр. 129 (прим. 136).

4. Изображеніе св. Георгія на венгерской коронѣ.

   См. выше стр. 125 (№ 14).

5. Изображеніе св. Георгія на шлемѣ в. кн. Ярослава Всеволодовича, отца св. Александра Невскаго.

   См. выше стр. 125 (№ 12).

6. Византійская монета съ грудными изображеніями Мануила Комнина деспота (царя, 1143—1180) и св. Георгія.

   См. выше стр. 126 (№ 16).

B.

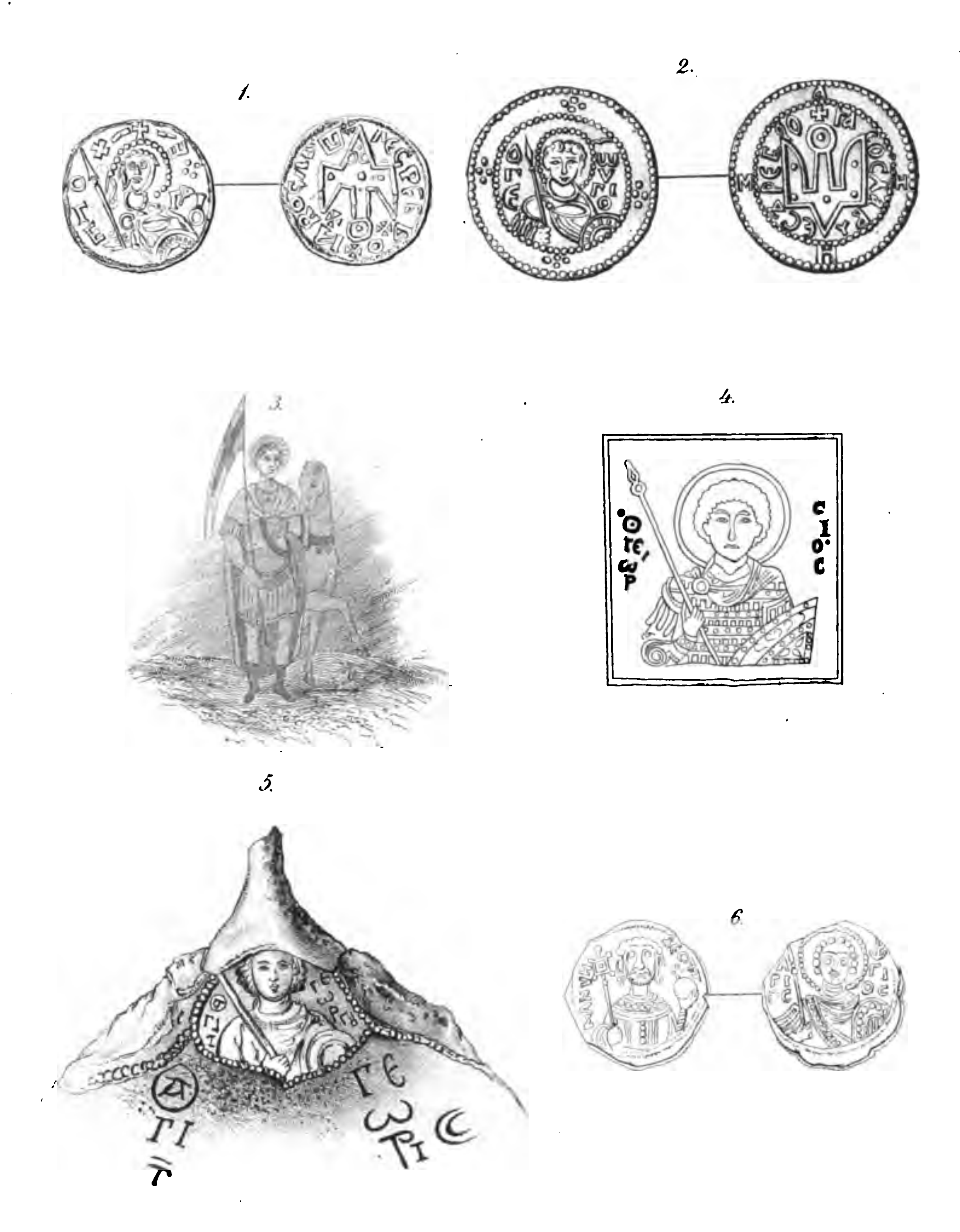

ТАБЛИЦА С.

1. Лицевая сторона монеты византійскаго царя Іоанна съ изображеніемъ св. Георгія во весь ростъ.
   См. выше стр. 123 (№ 4, и 126 (№ 17).
2. Грудное изображеніе св. Георгія на оборотной сторонѣ монеты византійскаго царя Алексія.
   См. выше стр. 125 (№ 15).
3. Грудное изображеніе св. Георгія на оборотной сторонѣ монеты византійскаго царя Іоанна.
   См. выше стр. 123 (№ 4) и 126 (№ 17).
4. Грудное изображеніе св. Георгія на оборотной сторонѣ монеты византійскаго царя Мануила Комнина.
   См. выше стр. 126 (№ 16).
5. Грудное изображеніе св. Георгія на оборотной сторонѣ монеты византійскаго царя Мануила Комнина.
   См. выше стр. 125 (№ 15).
6. Владиміровo сребро. Надпись: Владиміръ на † столѣ а се его сребро.
   См. выше стр. 49, 116 (прим 101) и 140.
7. Первый типъ Владиміровa злата. Надпись: Владимиръ а се его зл(а)то † Исусъ Христосъ.
   См. выше стр. 137.

C.

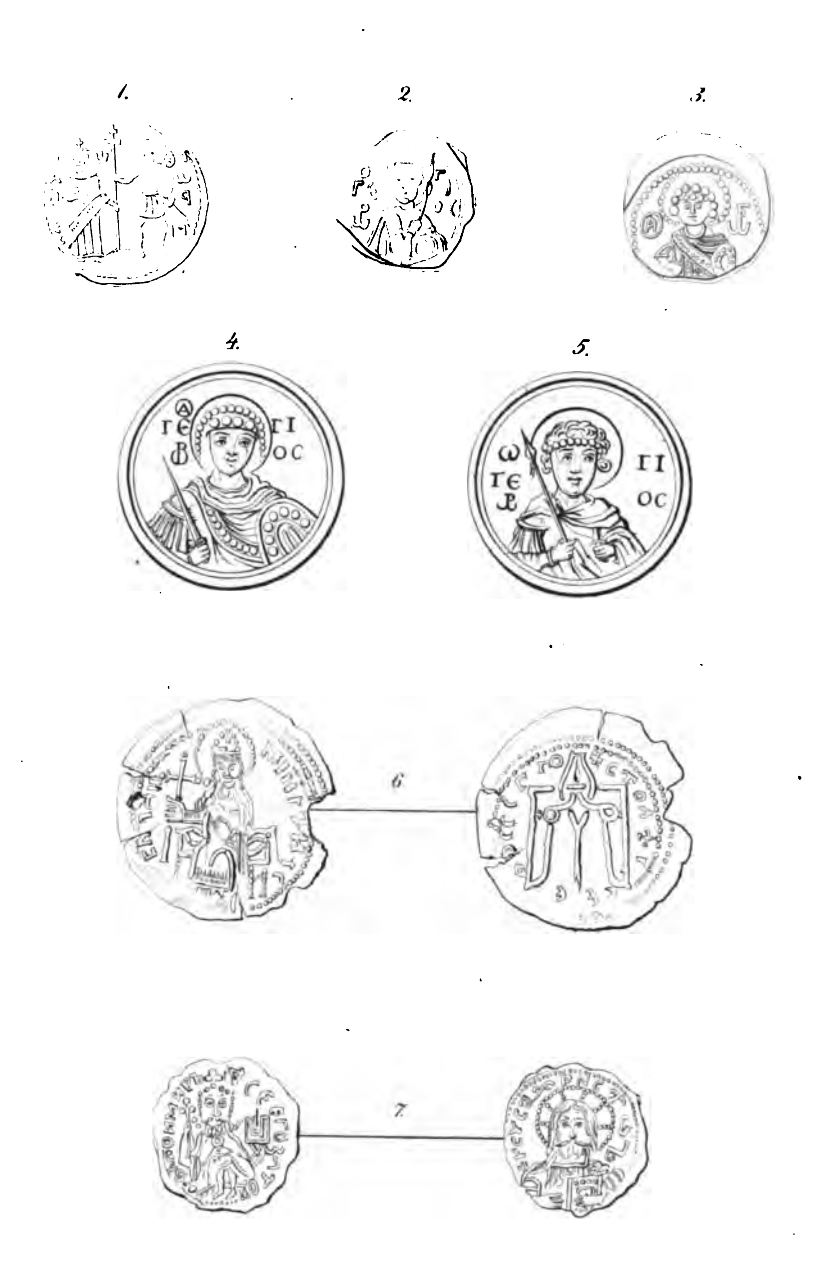

ТАБЛИЦА D.

1. Византійская печать съ изображеніями св. Георгія верхомъ (надпись: АΓιος ΓεωΡγιος) и Богоматери съ младенцемъ (надпись: ΜητηΡ Θεου и ΙησουС ΧριστοС).

   См. выше стр. 126 (№ 19).

2. Монета англо-саксонскаго короля Этельреда II (978—1016), съ изображеніемъ Агнеца Божія (Спасителя) и голубя (св. Духа).

   См. выше стр. 78 и 79 (прим. 76).

3. Деньга вел. кн. Василья Васильевича Темнаго (1425—1462), съ изображеніемъ князя на столѣ и голубя (святаго Духа).

   См. выше стр. 77 и 78 (прим. 75).

4. Серебреникъ князя Болеслава съ кирилловской надписью и большимъ патріаршимъ крестомъ.

   См. выше стр. 148 и 159.

5. Серебреникъ князя Болеслава († Boleslavs dvx), съ большимъ патріаршимъ крестомъ.

   См. выше стр. 147 и 159.

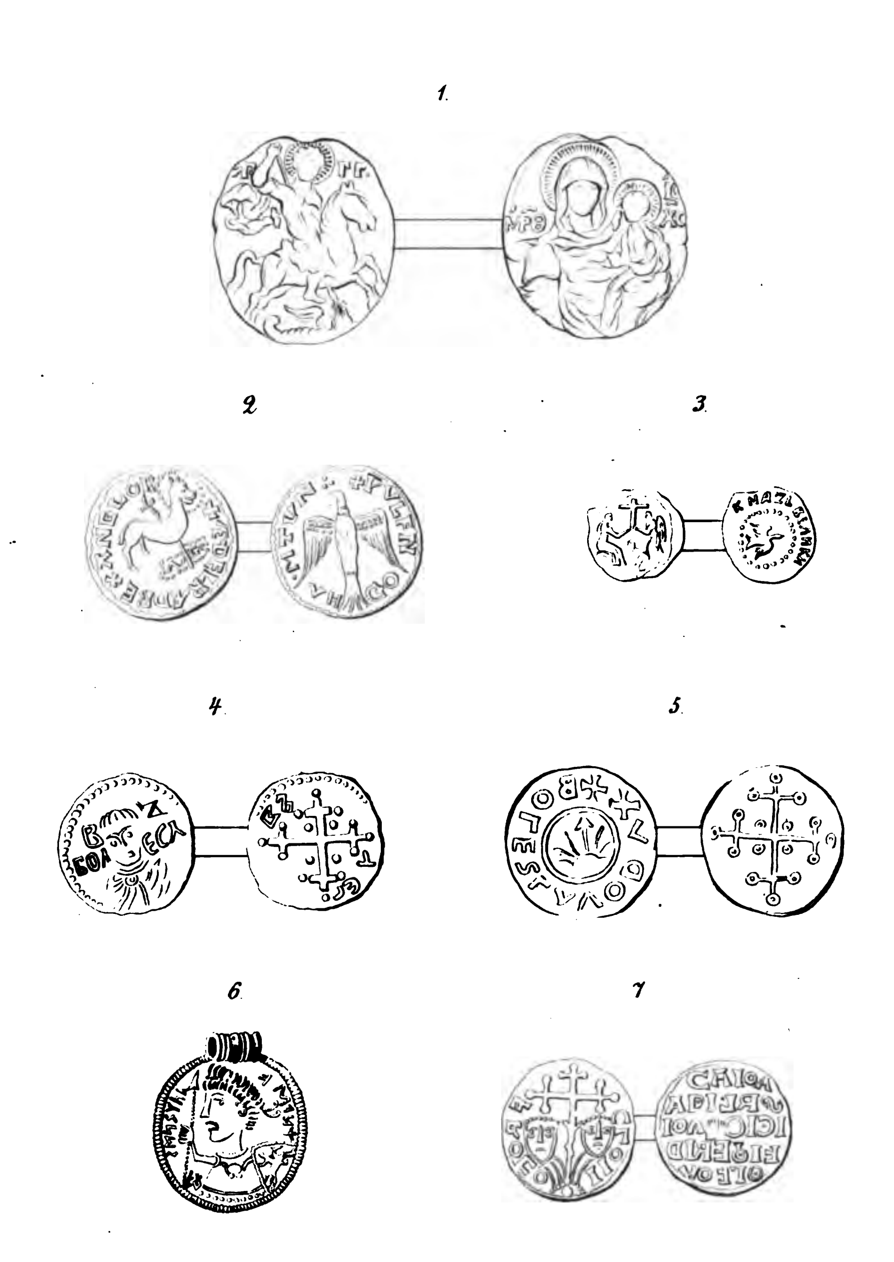
6. Варяжско-византійскій брактеатъ (въ видѣ золотой шейной гривны съ рунической надписью), выбитый въ Скандинавіи по образцу монетъ византійскихъ царей V или первой четверти VI вѣка.

   См. выше стр. 152.

7. Варяжско-византійская монета съ изображеніями византійскихъ царей Василья II и Константина XI (976—1025) и малымъ патріаршимъ крестомъ, выбитая вѣроятно въ Даніи въ вѣкъ Ярослава I Владиміровича.

   См. выше стр. 154.

D.

Lith. v. A. Münster

